Современная фантастика

Джон Варли
ТИТАН

Научно-фантастический роман

Издательство «Азбука»

Титан (другой перевод)
Джон Варли

Аннотация
Джон Варли. Титан
ГЛАВА I
ГЛАВА II
ГЛАВА III
ГЛАВА IV
ГЛАВА V
ГЛАВА VI
ГЛАВА VII
ГЛАВА VIII
ГЛАВА IX
ГЛАВА X
ГЛАВА XI
ГЛАВА XII
ГЛАВА XIII
ГЛАВА XIV
ГЛАВА XV
ГЛАВА XVI
ГЛАВА XVII
ГЛАВА XVIII
ГЛАВА XIX
ГЛАВА XX

ГЛАВА XXI
ГЛАВА XXII
ГЛАВА XXIII
ГЛАВА XXIV
ГЛАВА XXV
ГЛАВА XXVI

Аннотация

Экипаж научно-исследовательского космического корабля «Укротитель», подлетая к Сатурну, обнаруживает неизвестный спутник планеты. Этот объект настолько необычен, что принимается решение отменить всю намеченную программу исследований и заняться только им…

Джон Варли
Титан

Джону Э. Варли и Фрэнсин и Керри

timemaster
JNG
circle jerks

ГЛАВА I

Рокки, ты не посмотришь?

— Во-первых — не Рокки, а капитан Джонс. А во-вторых — утро вечера мудренее.

— Ну Рокки. Ужасно важно.

Пришлось оторвать намыленную физиономию от раковины. Ощупью найдя полотенце, Сирокко стерла зеленоватую пасту. Проклятые рециркуляторы только такое мыло и переваривают.

Потом она с прищуром уставилась на две ужасно важные фотопластинки.

— Ну и что это?

— Да так, ничего. — Габи с великим трудом скрывала свое торжество. — Всего-навсего двенадцатый спутник Сатурна.

— Не шутишь? — Сирокко мрачно водила глазами с одной картинки на другую. — А по-моему — реклама лосьона от угрей. Черные точки какие-то.

— Конечно. Без компарометра ничего не увидишь. Но он примерно вот тут. — Габи ткнула мизинцем.

— Ладно, пойдем поглядим.

Порывшись у себя в шкафчике, Сирокко вы-

тащила оттуда комбинезон цвета зеленого горошка…

Капитанская каюта находилась в самом низу карусели, на полпути от третьей лестницы до четвертой. Сирокко следовала за Габи сначала по вогнутому полу, затем вверх по лестнице.

Каждая следующая ступенька давалась легче предыдущей, а на последней, у самой ступицы, они вообще оказались в невесомости. Оттолкнувшись от неторопливо вращающегося кольца, Габи и Сирокко по центральному коридору поплыли к научно-исследовательскому отсеку — НИСОТу, по терминологии НАСА. Свет там, для удобства снятия показаний, обычно не включали — и разноцветный полумрак царства науки дал бы сто очков вперед любой дискотеке. Сирокко любила НИСОТ. Веселое перемигиванье зеленых огоньков, фоновое шипение скопищ телеэкранов, а временами — не то снегопад, не то россыпи конфетти. Вокруг центрального голоблока плавали Юджин Спрингфилд и сестры Поло. Лица всех троих купались в багрянце.

Габи сунула фотопластинки в компьютер, запустила программу усиления и указала Сирокко экран, на который смотреть. Картинки набирали резкость, комбинировались, затем стремительно

чередовались. По соседству друг с другом мигали две крошечные точечки.

— Вот он, — гордо заявила Габи. — Смещение небольшое, но разница во времени съемки всего двадцать три часа.

Тут их позвал Джин.

— Почти все орбиты как на ладони, — сообщил он.

Габи и Сирокко тоже подплыли к голоблоку. Случайно опустив глаза, Сирокко увидела, как рука Джина по-хозяйски обвила талию Габи. Глаза она тут же отвела, не упуская, впрочем, и того, что обе сестры Поло тоже всё видели и тоже стараются не замечать. Да, все они давно приучились держаться в стороне от чужих романов.

Сатурн висел в самом центре блока — жирный, медно-красный. Вокруг него вырисовывались восемь голубых орбит — одна шире другой, и все в экваториальной плоскости кольца. На каждой орбите висел шарик — будто одинокая жемчужина на нитке. Рядом с жемчужинами имелись номера и названия: Мнемосина, Янус, Мимас, Энцелад, Тефия, Диона, Рея, Титан и Гиперион. Далеко за этими орбитами была и десятая, с заметным наклоном. Там находился Япет. Феба, самый отдаленный спутник, в таком масштабе

уже не просматривалась.

Но вот показалась еще одна голубая орбита. Эта представляла собой эксцентрический эллипс, почти касательный к орбитам Реи и Гипериона и пересекающийся с ниточкой, на которую был нанизан Титан. Поизучав новую картинку, Сирокко выпрямилась. В глаза ей сразу бросились глубокие морщинки на задумчивом челе Габи, чьи пальчики проворно порхали по клавиатуре. С запуском каждой новой программы ряды цифр на экране менялись.

— Примерно три миллиона лет назад он вплотную сближался с Реей, — заметила Габи. — Сейчас он в безопасности над орбитой Титана, хотя возмущения могут многое изменить. Он далек от стабилизации.

— Какие мнения на этот счет? — спросила Сирокко.

— Может, притянутый астероид? — предположила Габи, но сама тут же с сомнением повела бровью.

— Вряд ли, если учесть близость к экваториальной плоскости, — возразила одна из сестер-близнецов Поло. "Апрель или Август?" — задумалась Сирокко. За эти восемнадцать месяцев она так и не научилась их различать.

— Не сомневалась, что вы заметите. — Габи задумчиво грызла ноготь. — И все же, сформируйся он вместе со всеми, он был бы не столь эксцентричен.

Поло пожала плечами.

— Это легко объяснить. Скажем, катастрофа в недавнем прошлом. Его нетрудно столкнуть с орбиты.

Сирокко нахмурилась.

— Так сколько же он тогда в диаметре?

Поло (Август — теперь она точно знала, что Август) обратила к ней свои безмятежные глаза на странно тревожном лице.

— Я бы сказала — два-три километра. Или чуть меньше.

— Только и всего?

Джин ухмыльнулся.

— Если дадите циферки, я и туда сяду.

— В каком смысле "только и всего"? — осведомилась Габи. — Намного больше он быть и не мог — иначе его бы уже давно засекли с лунных телескопов. Мы бы добрых лет тридцать про него знали.

— Цирк, да и только. Из-за какого-то проклятого булыжника ты мне помыться спокойно не дала. Ну нет, он того не стоит.

Габи надулась.

— Конечно, для тебя он вообще ничего не стоит. А что до меня, то будь он даже раз в десять меньше, я все равно присвоила бы ему имя. Одно дело — открыть комету или астероид. Но лишь паре астрономов в столетие выпадает удача дать имя спутнику.

Сирокко отстегнула ногу от стойки голоблока и выгнулась, подлетая к выходу из отсека. Уже скрываясь в коридоре, она оглянулась на две крошечные точечки, что все еще горели на верхнем экране.

* * *

Язык Билла, взяв старт с самых ее ступней, уже добрался до мочки левого уха. Сирокко страшно нравилось. Незабываемый маршрут. Она обожала каждый его сантиметр. А кое от каких остановок по пути просто приходила в экстаз. Теперь Билл теребил мочку губами и зубами, нежно тянул, разворачивая Сирокко к себе. Она поддавалась.

Торопя движение, Билл носом и подбородком подталкивал ее в плечо. Сирокко неспешно вращалась и чувствовала себя большим, мягким астероидом. Аналогия пришлась по вкусу. Смеха

ради развивая ее, Сирокко следила, как линия раздела дня и ночи ползет по мягкому астероиду, открывая солнечному свету все новые холмы и долины.

Сирокко любила космос, книги и секс — причем не обязательно именно в таком порядке. Все три пристрастия толком совместить не удавалось, но и два сразу было тоже неплохо.

Невесомость позволяла затевать новые любовные игры вроде той, в которую они играли теперь — под названием "только без рук". Пользоваться здесь разрешалось исключительно ртами, ногами, плечами и коленями. Действовать приходилось предельно нежно и аккуратно, зато последствия легких щипков и укусов были воистину нежданные и упоительные.

Все они время от времени забредали в гидропонический зал. На «Укротителе» имелись семь личных кают — необходимые всем как воздух. Но даже каюта Сирокко, расположенная в самом низу карусели, казалась битком набитой, стоило там уединиться всего лишь двоим. Короче, одного свидания в невесомости хватало для твердой убежденности, что стандартная койка — ложе любви не более удобное, чем заднее сиденье "шевроле".

— Может, развернешься чуть-чуть сюда? — спросил Билл.

— А ты хороший довод приведи.

Билл привел ей один довод, и Сирокко дала ему чуть больше, чем он просил. А потом вдруг поняла, что сама получила чуть больше, чем просила вначале. Билл, как всегда, знал, что делал. Обхватив ногами его бедра, Сирокко позволила ему подвигаться.

На лице у сорокалетнего Билла, старшего из команды, над всем прочим довлел нос картошкой и скулы, запросто украсившие бы породистого бассета. Плюс малосимпатичные зубы и приличная плешь на затылке. Но тело его, крепкое, гибкое, казалось лет на десять моложе лица, а движения неизменно чистых рук были ловки и точны. Билл прекрасно управлялся с оборудованием — но только не с тем, что гремит и пачкает. Его инструментарий свободно помещался в нагрудном кармане рубашки. Сами же инструменты были столь миниатюрными, что Сирокко и трогать их не решалась.

Навыки тонкой работы оборачивались сладостной деликатностью в любовной игре. А нежный от природы нрав Билла делал его едва ли не идеальным любовником. Сирокко не переставала

недоумевать, почему же ей так много понадобилось времени, чтобы найти его.

На борту «Укротителя» было трое мужчин, и Сирокко уже переспала со всеми. Как и Габи Мерсье. В столь тесной компании из семерых человек в большой консервной банке трудно было хранить какие-то сердечные тайны. Сирокко, к примеру, точно знала и то, что игры, которым за запертыми дверями своих смежных кают предаются сестры Поло, в штате Алабама все еще преследуются по закону.

Все они, особенно в первые месяцы полета, активно и не слишком успешно друг к другу притирались. Единственным женатым членом команды оказался Джин, и он позаботился о том, чтобы сразу же объявить, что у него с женой есть на этот счет определенное соглашение. Тем не менее долгое время он спал один. Сестрам Поло любой третий был лишний, Габи секс казалось, вообще не интересовал, а Сирокко поначалу неудержимо повлекло к Кельвину Грину.

Напор ее был столь силен, что Кельвин в конце концов с ней переспал — аж целых три раза! Понимая, что ничего не налаживается, Сирокко не стала дожидаться, пока он почувствует ее разочарование. Умело охладив их взаимоотношения,

она позволила Кельвину ухлестывать за Габи, к которой его вроде бы с самого начала и тянуло. Врач по образованию, Кельвин также получил в НАСА квалификацию для работы корабельным биологом и экологом. Черному цвету своей кожи он особого значения не придавал — благо, что родился и вырос на О'Ниле-Один. Кроме того, он единственный из команды ростом превосходил Сирокко. Та, впрочем, не считала, что именно рост Кельвина стал главной причиной ее безудержного порыва. На рост мужчин она давным-давно перестала обращать внимание, раз уж все равно была выше подавляющего их большинства. Сирокко думала, что дело тут скорее в карих глазах Кельвина — мягких и влажных. И в его улыбке.

Но для Габи эти глаза и эта улыбка значили куда меньше любой из клавиш компьютера — точно так же, как прелести Сирокко не особо интересовали Джина, ее второго избранника.

— Чему это ты улыбаешься? — спросил Билл.

— А разве ты не дал мне повод? — отозвалась Сирокко, чуть задыхаясь. Но, по правде, подумалось ей о том, какими, должно быть, забавными казались они четверо Биллу, который держался в стороне от этой перетасовки задниц. Таков был, видимо, его стиль — сидеть по-тихому и ждать,

пока народ рассортируется. А свой ход делать под конец, когда на всех уже находит уныние.

Кельвин же несомненно впал в уныние. Сирокко тоже. То ли от чрезмерной зацикленности на Габи, то ли просто по неопытности, но любовник из Кельвина вышел не ахти. Сирокко решила, что тут и то и другое. Тихий и скромный, Кельвин людям предпочитал книги. Из его досье вытекало, что почти всю свою взрослую жизнь он провел в университете, где академическая нагрузка оставляла мало места развлечениям.

Габи до секса просто не было дела. Такая волшебная игрушка, как научно-исследовательский отсек «Укротителя», ни одной юной акселератке даже не снилась. Габи так обожала астрономию, что, при всем своем отвращении к космическим полетам, поступила в корпус астронавтов и закончила его лучшей в своем выпуске — только бы наблюдать за звездами без докучливой атмосферы. Занятая работой, Габи не замечала решительно ничего — и ей вовсе не казалось странным, что Кельвин торчит в НИСОТе почти так же безвылазно, как и она сама. То изловчится передать ей фотопластинку, то тряпочку для протирки линз, то ключи к своему сердцу.

Джину тоже как будто не было дела до секса.

Сирокко посылала такие флюиды, от которых на Земле, как пить дать, пробудился бы взвод египетских мумий, и встала бы из вечной мерзлоты пара мохнатых мамонтов. Но Джину все было как с гуся вода. При виде Сирокко его мальчишеское лицо истинного арийца расплывалось в широкой улыбке, он еще пуще ерошил свою и без того всклокоченную шевелюру — и заводил разговоры о полетах. Предполагалось, что по прибытии к Сатурну Джин станет пилотом орбитально-разведывательного модуля. Полеты, конечно, полетами — Сирокко они тоже безумно нравились. Но не все же, черт возьми, об этих проклятых полетах! Женщина она или нет?

В конце концов Кельвин и Сирокко все-таки добились, чего хотели. И очень скоро поняли, что больше этого не хотят.

Сирокко не знала, в чем загвоздка у Габи с Кельвином; сами они не распространялись, но было очевидно, что этого дела там от силы необходимый минимум. Изредка Кельвин инспектировал с Габи гидропонику, но теперь заядлая астрономка сочла необходимыми дополнительные инспекции в обществе Джина.

Джин явно дожидался, когда же Сирокко прекратит его доискиваться. Но стоило ей это

сделать, как он принялся подкатывать к ней и громко сопеть в ухо. Приятного тут было мало; впрочем, и вся его прочая техника тоже, мягко говоря, оставляла желать. Кончая после десятка-другого отжиманий, он, казалось, ждал за это чуть ли не благодарности в приказе. Сирокко вообще трудно было чем-то удивить; а вот Джин наверняка изумился бы, узнав, как низко он пал по ее десятибалльной шкале.

Билл подвернулся почти случайно — хотя впоследствии Сирокко усвоила, что по случайности с Биллом редко что происходит. Короче, одно за другое, пятое за десятое — и теперь они с Биллом уже готовы были представить порнографическую иллюстрацию третьего закона Ньютона — того самого, где речь идет о действии и противодействии.

Сирокко проделала на этот счет кое-какие вычисления и выяснила, что вклад силы семяизвержения даже частично не объясняет того оргазмического ускорения, которое она всякий раз в тот момент наблюдала. Дело тут, безусловно, было в сокращении крупных мышц бедра, но эффект получался красивый и даже немного пугающий. Любовники словно превращались в мясистые воздушные шары, стремительно теря-

ющие воздух, — и в миг самой тесной близости их вдруг разносило по сторонам. Покружив и покувыркавшись, они, в конце концов, замирали в объятиях друг друга.

Билл тоже почувствовал, как уже вот-вот. Он ухмыльнулся — и свет ламп гидропонического отсека засиял на его неровных зубах.

ДОНЕСЕНИЕ ПРЕСС-СЛУЖБЫ #0056
5/12/25
МКК «УКРОТИТЕЛЬ» (НАСА 447-М,
Л-5/1, БАЗИСНАЯ ЛИНИЯ
НК ХЬЮСТОН-КОПЕРНИК)
ДЖОНС, СИРОККО, комэк
ДЛЯ РАСШИФРОВКИ И НЕМЕДЛЕННОЙ ПУБЛИКАЦИИ
НАЧАЛО:

Габи решает назвать новый спутник Фемидой. Кельвин с ней согласен, хотя доводы в пользу упомянутого названия у них различны.

Габи ссылается на приписываемое Уильяму Генри Пикерингу (первооткрывателю Фебы, самой дальней луны Сатурна) наблюдение в 1905 году того, что тогда могло считаться десятым спутником Сатурна. Пикеринг назвал новую луну Фемидой, но с тех пор никто ее больше не видел.

Кельвин указывает, что пять спутников Сатурна уже названы в честь титанов греческой мифологии (каковая составляет его особенный интерес; см. ДОНЕСЕНИЕ ПРЕСС-СЛУЖБЫ #0009, 1/3/24), а шестой так и назван Титаном. Фемида также была титаном, что Кельвина весьма удовлетворяет.

Фемида имеет общие черты с тем спутником, который предположительно видел Пикеринг, но Габи вовсе не уверена, что он в самом деле наблюдал именно Фемиду. (Будь Габи в этом уверена, ее не зарегистрировали бы первооткрывателем нового спутника. Справедливости ради следует заметить: Фемида такая тусклая и мелкая, что ее не видно даже в лучшие лунные телескопы.)

Габи разрабатывает катастрофическую теорию образования Фемиды в результате столкновения Реи с блуждающим астероидом. При этом Фемида может быть как остатком астероида, так и осколком самой Реи. Таким образом, Фемида представляет несомненный интерес для…

— …потрясающего сборища кретинов, известного всему свету как команда МКК «Укротитель». — Сирокко оторвалась от клавиатуры компьютера, вскинула руки над головой и, хрустя суставами, потянулась. — Чушь, — пробормотала

она. — И бред свинячий.

Зеленые буквы мирно светились перед ней на экране — а точки в конце аккуратного столбика по-прежнему не было.

Исполнение этой части своих обязанностей Сирокко всегда откладывала как только могла, но и совсем пренебрегать рекламой для НАСА тоже было не дело. Да, Фемида по всем показателям была никому не интересным каменным обломком, но отдел связи с общественностью отчаянно нуждался в любой ерунде, из которой можно сварганить рассказ. Им тоже хотелось людского внимания, "личностной журналистики", как они это называли. Сирокко старалась изо всех сил, но никак не могла заставить себя заняться теми деталями, которых жаждали авторы журнальных статей. Что, впрочем, было не так уж и важно. Все равно ее писанину редактировали, переписывали, обсуждали на совещании, а потом снова переписывали с приукрашиванием и «оживляжем» — чтобы, как впоследствии объяснялось, "очеловечить астронавтов".

Целям журналистов Сирокко в общем сочувствовала. Мало кому было дело до этой космической программы. Людям казалось, что деньги лучше потратить на Луне, в колониях Л-5. На

Земле, в конце концов. Чего ради совать монеты в дырявые карманы исследователей, когда их можно выгодно разместить там, где уже налажен серьезный бизнес, — к примеру, в земной и орбитальной промышленности? Изыскания чудовищно дороги, а в окрестностях Сатурна нет ни черта, кроме кучи камней и вакуума.

Сирокко мучительно пыталась измыслить какую-нибудь свежатинку — хоть какое-то оправдание своему участию в первой за последние одиннадцать лет исследовательской экспедиции. Но тут на экране возникло лицо. Апрель — с тем же успехом, что и Август.

— Извини, капитан, что отрываю.

— А, ерунда. Все равно баклуши била.

— У нас тут кое-что для тебя.

— Сейчас буду.

Сирокко решила, что это Август. Зная, что близнецы обычно обижаются, когда их путают, она поначалу усиленно училась их различать. И лишь со временем поняла, что Апрель и Август это без разницы.

Благо, что сестры Поло не были обычными близнецами.

Полные их имена звучали как Апрель 15/02 Поло и Август 3/02 Поло. Так были надписаны

их пробирки — именно это и записали в свидетельства о рождении те ученые, что стали их повивальными бабками. Сирокко вся история сестер Поло казалась блестящим доводом против того, чтобы ученым дозволяли мухлевать с теми объектами экспериментов, которые живут, пищат и дышат.

К тому времени, как Апрель и Август наконец родились, их мать, Сьюзен Поло, была уже пять лет как мертва — и позаботиться о них, естественно, не могла. Никто из здравствовавших ученых на материнскую ласку тоже не сподобился — так что любить им оставалось только друг друга и трех других сестер из своего клона. Август как-то призналась Сирокко, что один близкий друг мужского пола у них пятерых в детстве все-таки был. Речь шла о макаке-резусе с форсированными мозгами. Когда девочкам стукнуло по семь, их друга препарировали для выставки в университетском музее.

— Мне бы не хотелось, чтобы все выглядело очень уж жестоко, — продолжила тогда Август (дело было на праздничном ужине после нескольких бокалов припасенного Биллом соевого вина). — На самом деле эти ученые — не такие уж и звери. Многие из них обращались с

нами как добрые дядюшки и тетушки. У нас было почти все, что мы могли пожелать. Наверняка многие нас даже любили. — Тут мисс 3/02 глотнула еще вина. — И немудрено, — вдруг добавила она. — Ведь мы бешеных денег стоим.

За свои (а вернее — чужие) деньги ученые получили пять тихих, довольно боязливых гениев — как раз то, что им и требовалось. Сирокко сильно сомневалась, что светила науки намеренно планировали кровосмесительную гомосексуальность, но считала, что ожидать ее они могли с той же уверенностью, что и высочайший «ай-кью». Все сестры вышли абсолютными двойниками своей матери — дочери японо-американца в третьем поколении и филиппинки. Сьюзен получила Нобелевскую премию по физике и умерла совсем молодой.

Сирокко посматривала на Август, пока та изучала разложенную на демонстрационном столике фотографию. 3/02 выглядела в точности как ее знаменитая мать — только чуть постарше. Невысокая подтянутая фигурка, иссиня-черные волосы и темные невыразительные глаза. В отличие от многих европеоидов, Сирокко никогда не казалось, что все монголоиды на одно лицо, — но лица Апрель и Август и впрямь не выдавали ни

малейших различий. Кожа у них была цвета кофе с двойной порцией молока, хотя здесь, в красном свете научно-исследовательского отсека, сестры казались почти черными.

Когда Август наконец взглянула на Сирокко, глаза ее непривычно блестели от возбуждения. Сирокко ненадолго задержала на них взгляд, затем перевела его на фотографию. На фоне беспорядочной россыпи звезд шесть светлых пятнышек покрупнее образовывали правильный шестиугольник.

Сирокко долго-долго его разглядывала.

— Всякое в небе повидала — но такого — нет, — наконец призналась она. — Что за чертовщина?

Габи, пристегнувшись к креслу в другом конце отсека, потягивала кофе из пластиковой чашечки.

— Последняя экспозиция Фемиды, — ответила она. — Я получила ее за этот час с помощью самой чувствительной аппаратуры и компьютерной программы ликвидации вращения.

— Это что, ответ на мой вопрос? — поинтересовалась Сирокко. — Я спрашиваю, что тут за чертовщина.

Прежде чем снова заговорить, Габи издевательски долго потягивала кофе.

— Теоретически возможно, — наконец заговорила она — голосом отчужденным и мечтательным, — чтобы несколько тел вращались вокруг общего центра тяжести. Повторяю — теоретически. Никто ничего подобного не наблюдал. Конфигурация называется "розеткой".

Сирокко терпеливо ждала. Все упорно молчали. Тогда она возмущенно фыркнула.

— В самой гуще системы спутников Сатурна? Ну, минут на пять — еще куда ни шло. А дальше другие спутники мигом бы все разметали.

— Святая правда, — согласилась Габи.

— А как такое вообще могло получиться? Вероятность ничтожно мала.

— Совсем святая правда.

Сирокко даже не заметила, когда к ним присоединились Кельвин и Апрель. Теперь Кельвин поднял голову.

— Ну что, так никто и не отважится? Да ведь тут не природное образование. Тут чья-то работа.

Габи усиленно терла лоб.

— Я еще не все сказала. Пришли отраженные сигналы радара. По ним выходит, что Фемида 1300 с лишним километров в диаметре. Все цифры по плотности тоже дикие. Получается, ее плотность чуть меньше, чем у воды. Поначалу я решила, что

показания липовые оттого, что аппаратура работает на пределе. А потом получила картинку.

— Так шесть там или одно?

— Точно сказать не могу. Но все к тому, что одно.

— Опиши. Что там тебе мерещится.

Габи сверилась с какими-то распечатками, но очевидно было, что они ей не требуются. Все цифры уже улеглись у нее в голове.

— Фемида 1300 километров в диаметре. Стало быть, это третий по величине спутник Сатурна, немногим меньше Реи. Вся его поверхность, по-видимому, черная — за исключением этих шести точек. Между прочим, если кому интересно, у Фемиды самое низкое альбедо из всех небесных тел Солнечной системы. И плотность тоже самая низкая. Весьма вероятно, что внутри Фемида полая. Вероятно также, что форма ее далека от сферической. Похоже на диск. Или на тороид — вроде пончика. Короче, движется она примерно как тарелка, пущенная катиться по краю. Один оборот в час. Такого вращения достаточно, чтобы на поверхности ничего не задерживалось; центробежная сила одолевает тяготение.

— Но если она все-таки полая, и ты оказываешься внутри… — Сирокко не сводила глаз с Габи.

— Внутри — если Фемида, конечно, полая — тебя будет держать примерно четверть жэ.

Следующий вопрос читался у Сирокко в глазах — но Габи избегала в них заглядывать.

— Мы с каждым днем приближаемся. Только наблюдение может что-то прояснить. Но я понятия не имею, когда смогу изложить все детали. Если вообще смогу.

Сирокко направилась к двери.

— Я должна послать хотя бы то, что у тебя уже есть.

— Только без гипотез, ага? — крикнула ей вслед Габи. Сирокко впервые видела астрономку не слишком довольной тем, что она высмотрела в свой любезный телескоп. — Или хотя бы мне их не приписывай.

— Никаких гипотез, — заверила ее Сирокко. — Фактов будет более чем достаточно.

ГЛАВА II

ДОНЕСЕНИЕ ПРЕСС-СЛУЖБЫ #0931 (ОТВЕТ НА СООБЩЕНИЕ ХЬЮСТОНА #5455, 5-20-25) 5-21-25
МКЕ «УКРОТИТЕЛЬ» (НАСА 447-М, Л-5/1,
БАЗИСНАЯ ЛИНИЯ
НЕ ХЬЮСТОН-КОПЕРНИК)
ДЖОНС, СИРОККО, КОМЭК
*БЛОК СЕКРЕТНОСТИ *ВКЛ**
КОДОВАЯ ПРИСТАВКА ДЕЛЬТА-ДЕЛЬТА
НАЧАЛО:

1. Разделяем вашу оценку Фемиды как межзвездного космического корабля генерационного типа. Не забудьте, что мы ее предложили первыми.

2. Последние снимки прилагаем. Обратите внимание на повышенное разрешение в светлых участках. Поиски стыковочно-приемочного устройства пока тщетны; будем их продолжать.

3. Согласны с предложенным вами крейсерским курсом от 5/22.

4. Запрашиваем корректировку слежения по приближении выхода на новую орбиту начиная от 5/25 и до начала выхода на орбиту, затем

новую корректировку. Ничего не имеем против переноса тяжести на другой компьютер; полагаем, наш бортовой компьютер с таким объемом не справится.

5. Разворот 5/22, 0400 ПВ, сразу после выхода на крейсерский курс.

КОНЕЦ ИНФОРМАЦИИ

ЛИЧНОЕ ПОСЛАНИЕ (ИМЕЕТ ХОЖДЕНИЕ СТРОГО СРЕДИ ЧЛЕНОВ КОНТРОЛЬНОГО КОМИТЕТА ЭКСПЕДИЦИИ "УКРОТИТЕЛЯ")

НАЧАЛО:

Специально для Комитета по контактам, чьи бравые члены уже все уши мне прожужжали: "идите-ка вы, ребята, в задницу!" Плевать мне, КТО там на этой ерундовине! И я сыта по горло противоречивыми инструкциями — да еще в откровенно приказном тоне! Нравится вам, как я тут управляюсь, не нравится — без разницы! Горькая правда жизни в том, что этот концерт вести мне. Уже из-за одной задержки во времени никуда тут не денешься. Вы дали мне корабль, возложили ответственность — так что "ОТВЯЖИТЕСЬ ОТ МЕНЯ НА ХРЕН!"

ВСЕ, КОНЕЦ

Сирокко треснула кулаком по кнопке

КОДИРОВАНИЕ, затем ПЕРЕДАЧА — и устало откинулась на спинку кресла. Потерла слипающиеся глаза. Надо же — считанные дни назад тут нечем было заняться. А теперь житья нет от позиционных проверок и подготовки «Укротителя» к выходу на орбиту.

Жизнь резко переменилась — и все из-за тех шести жалких точечек в телескопе у Габи. Исследование других спутников Сатурна потеряло всякий смысл. Все уже настроились на скорое рандеву с Фемидой.

Сирокко вызвала на экран перечень неотложных работ, затем график дежурств — и увидела, что он снова переменился. Срочно нужно подключаться на выходе к Апрель и Кельвину. Она поспешила к шлюзу.

Скафандр был нескладным и тесным. Внутри негромко шипела рация. Пахло в скафандре самой Сирокко, а еще — больничным пластиком и свежим кислородом.

"Укротитель" представлял собой продолговатую конструкцию из двух основных секций, соединенных полой трубкой трех метров в поперечнике и около сотни в длину. Конструкционной поддержкой трубке служили три составные фермы, расположенные снаружи, каждая из которых

передавала силу тяги одного двигателя жилому комплексу, водруженному на верхний конец трубки.

На другом ее конце размещались двигатели и блок съемных топливных баков, скрытые от наблюдателя из жилого комплекса за широкой пластиной противорадиационного щита, что окольцовывал середину трубки подобно кружку от крыс на якорной цепи океанского судна. Находиться по ту сторону щита было крайне пагубно для здоровья.

Жилой комплекс включал в себя научно-исследовательский отсек, командный отсек и карусель.

Управление, естественно, располагалось спереди — и командный отсек смотрелся конической шишкой на здоровенной банке из-под кофе, которую напоминал НИСОТ. Иллюминаторов на корабле было немного, причем скорее по традиции, чем из практических соображений.

Научно-исследовательский отсек едва проглядывал за дремучим лесом всевозможной аппаратуры. Выше всех торчала дальнобойная антенна, водруженная на конец длиннющего стержня и наведенная на Землю. Были там две радарные тарелки и пять телескопов, в том числе

и 120-сантиметровый ньютоновский — любимое детище Габи.

Сразу за НИСОТом находилась карусель — белое маховое колесо порядочной толщины. Карусель на четырех спицах медленно вращалась вокруг остального корабля.

К центральной штанге крепилась всякая всячина, включая гидропонические цилиндры и несколько деталей спускаемого аппарата: жилой комплекс, тягач, две спусковые ступени и двигатель подъема.

Спускаемый аппарат предназначался для исследования спутников Сатурна, в особенности — Япета и Реи. После Титана — который имел атмосферу и для работы на нем этой экспедиции, следовательно, не годился — самым интересным объектом в окрестностях Сатурна оставался Япет. До 1980 года Япет был существенно ярче в одном полушарии, но за следующие двадцать лет переменился так, что его альбедо почти пришло в норму. Две впадины на кривой яркости теперь получались на противоположных точках его орбиты. Спускаемый аппарат как раз и должен был выяснить, в чем там дело.

Но теперь планы исследования Япета полетели в мусорную корзину перед лицом вещи куда

более заманчивой — загадочного объекта под названием Фемида.

Вообще говоря, «Укротитель» порядком напоминал другой звездолет: вымышленный «Пионер», исследовательскую ракету к Юпитеру из знаменитого фильма "2001: Космическая Одиссея". И неудивительно. Оба корабля были предназначены примерно для одних целей. Существенная разница состояла лишь в том, что один из них летал только на кинопленке. Теперь Сирокко предстояло выйти в открытый космос, чтобы снять последние панели солнечных отражателей, что опоясывали весь жилой комплекс «Укротителя». Как избавиться от излишков тепла — одна из главных проблем любого космического корабля. «Укротитель», однако, уже так удалился от Солнца, что теперь не грех было впитать столько тепла, сколько получится.

Зацепив страховочный конец за трубопровод, что шел от ступицы карусели к переходному шлюзу, Сирокко развернулась лицом к одной из последних панелей — серебристому квадрату метр на метр, слепленному на манер сандвича из двух кусков тонкой фольги. Потом ткнула в первый попавшийся угол отверткой. Найдя углубление, инструмент защелкал. Противовес

завращался. Прежде чем отвинченный болт успел улизнуть в космос, отвертка ловко его заглотила.

Еще три аналогичные процедуры — и панель стала отплывать от вскрывшегося под ней слоя противометеоритного пенопласта. Ухватив беглянку, Сирокко повернула ее под свет солнца и по личной инициативе провела беглый осмотр. Три крошечные блестки отмечали те места, где панели досталось от крупиц метеоритной пыли.

Форму панели поддерживала идущая по ее контуру проволока. Гнулась эта проволока легче легкого. Сложенную впятеро панель Сирокко без труда разместила в набедренном кармане скафандра. Потом, аккуратно застегнув клапан, двинулась к следующей.

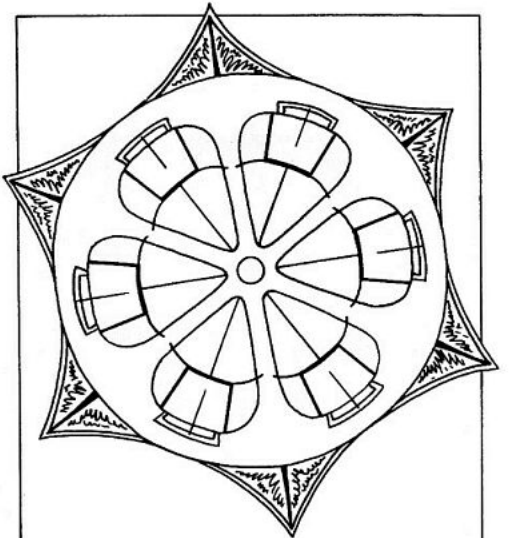
* * *

Времени постоянно было в обрез. При каждом удобном случае члены команды старались совместить два занятия. И вот, под конец рабочего дня, мирно лежащую на своей койке Сирокко обрабатывали сразу Кельвин и Габи. Кельвин приставал с еженедельным медосмотром, а Габи совала под нос последний снимок Фемиды. В каюте плюнуть было некуда.

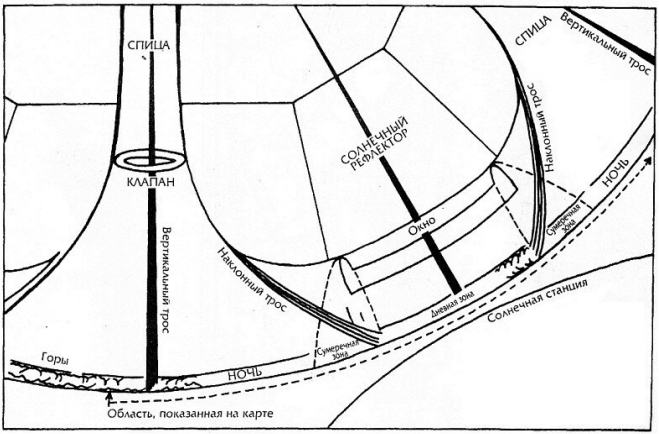
— Это не фотография, — объясняла Габи. — Это

компьютерная экстраполяция. Теоретический образ. Причем в инфракрасном диапазоне. Так нагляднее.

Сирокко приподнялась не локте, стараясь не смахнуть ни один из кельвиновских электродов. Потом рассеянно зажевала кончик термометра, но вскоре, поймав возмущенный взгляд Кельвина, прекратила.



ГЕЯ



На картинке изображалось толстое колесо от телеги, окруженное ярко-красными, широкими в основании треугольниками. Шесть красных зон было и внутри колеса, но те были поменьше и четырехугольные.

— Наружные треугольники самые горячие зоны, — сказала Габи. Я так полагаю, они входят в систему температурного контроля. Либо впитывают солнечное тепло, либо выпускают излишек.

— Хьюстон уже так и прикинул, — заметила Сирокко. И тут же бросила взгляд на телекамеру

под самым потолком. Наземный контроль постоянно их отслеживал. И всякий раз, как там кто-то чего-то рожал, Сирокко через считанные часы извещали — даже если ради этого приходилось ее будить.

Аналогия с колесом была абсолютно точной, если не считать не то нагревательных, не то охладительных плавников, на которые только что указала Габи. В центре находилась ступица, а в ней — дырка, куда, будь Фемида и впрямь колесом от телеги, можно было бы вставить ось. Из ступицы лучами расходились шесть толстых спиц, которые, прежде чем соединиться с ободом колеса, постепенно расширялись. Между каждой парой спиц располагалась одна из светлых четырехугольных зон.

— Теперь смотри, в чем новизна, — продолжила Габи. — Эти четырехугольники расположены под углом. Их-то я поначалу и увидела — шесть светлых точек. Они гладкие — иначе куда сильнее рассеивали бы свет. А так они только отражают свет в направлении Земли, причем под строго определенным углом. Вот что уникально.

— И какой же это угол? — прошипела Сирокко. Кельвин смилостивился и вынул у нее изо рта термометр.

— Значит, так. Свет падает параллельно оси, вот под таким углом. — Габи двинула к картинке указательный палец. — А эти зеркала расставлены затем, чтобы переводить его под девяносто градусов на обод. — Она ткнула пальцем в листок, развернула палец и указала на зону между двумя спицами.

— Эта часть колеса самая горячая — но не настолько, чтобы впитывать все тепло, которое она получает. Раз она его не отражает и не поглощает, значит, она его передает. Стало быть, она или прозрачна, или полупрозрачна. Львиную долю света она пропускает к тому, что там под ней. Тебя это ни на какие мысли не наводит?

Сирокко оторвала пристальный взгляд от картинки.

— Ты о чем?

— Ладно. Пойдем дальше. Мы уже знаем, что колесо полое. Может статься, и спицы тоже полые. Вообще, представь себе колесо. Оно вроде автомобильной шины — большое, толстое и плоское по основанию, чтобы дать больше жизненного пространства. Центробежная сила гонит тебя от ступицы. Как, поняла?

— Да поняла, поняла, — отозвалась Сирокко и мысленно ухмыльнулась: порой, что-нибудь

объясняя, Габи страшно увлекалась.

— Ну вот. Теперь, если ты стоишь внутри колеса, то ты либо под спицей, либо под рефлектором. Так?

— Что? А, ну да. И что из этого…

— А следует из этого то, что в любой конкретной точке либо всегда день, либо всегда ночь. Спицы жестко закреплены, рефлекторы не движутся — и звезды, как тебе известно, тоже. Так что иначе просто быть не может. Либо непрерывный день, либо вечная ночь. Как ты думаешь, зачем его так построили?

— Чтобы на это ответить, нужно повидаться со строителями. Наверное, их потребности отличаются от наших. — Сирокко снова взглянула на картинку. Все время приходилось напоминать себе о размерах этой громадины. Тринадцать сотен километров в диаметре, 4000 по наружной кромке. Перспектива повидаться с существами, сварганившими ТАКОЕ, день ото дня все больше ее тревожила.

— Ладно. Я могу подождать. — В качестве звездолета Фемида Габи не интересовала. Весь смак для астрономки заключался в самом наблюдении.

Сирокко все не сводила глаз с колеса.

— Эта ступица… — начала было она, но тут же прикусила язык. Камера по-прежнему их отслеживала, и ей не хотелось ляпнуть что-нибудь не ко времени.

— Так что там со ступицей?

— Ну, это единственное место, где можно пришвартоваться. Только она и не движется.

— Это еще как сказать. Дыра-то в середине порядочная. И там, где начинается твердая часть, вращение уже не маленькое. Могу, кстати, рассчитать…

— Брось. Это пока не важно. Штука в том, что, по идее, пришвартоваться к Фемиде без особых проблем можно только в мертвом центре вращения. Но там-то не пришвартуешься, верно?

— Верно. И что дальше?

— А то, что должна быть веская причина, почему мы в упор не видим тут никакой стыковочно-приемочной мощности. Что-то чертовски важное заставило этих ребят пожертвовать таким удобным участком и оставить в середине одну здоровенную дыру.

— Двигатель, — сказал Кельвин. Резко обернувшись, Сирокко успела поймать взгляд его карих глаз, прежде чем он их отвел и опять вернулся к своей работе.

— И я об этом подумала. Скажем, огроменный гибридный реактор. Все хозяйство находится в ступице, генераторы электромагнитного поля ловят из космоса водород и гонят его в центр, где он сжигается.

Габи пожала плечами.

— Все может быть. Но как все-таки со швартовкой?

— Погоди. Итак, взлететь с этой штуковины будет довольно легко. Просто падай в дыру в середине и набирай вторую космическую скорость для отрыва. Ну и еще пара-другая фокусов. Но там непременно должна быть какая-то фига, которая, пока двигатель не работает, телескопируется к центру вращения и подбирает корабли-разведчики. А главная машина железно должна быть в ступице. Иначе пришлось бы располагать двигатели по ободу. Я бы сказала — штуки три. А вообще — чем больше, тем лучше.

Тут Сирокко повернулась лицом к камере.

— Пришлите, что у вас там есть насчет водородных реакторов, — сказала она. — Может, тогда мне станет понятнее, где его искать, — если, конечно, у Фемиды вообще что-то такое имеется.

— Придется снять рубашку, вмешался Кельвин.

Потянувшись к кнопкам, Сирокко отключила камеру, но оставила звук. Кельвин взялся стучать ее по спине и прислушиваться к результатам. Габи и Сирокко тем временем продолжили обсуждение картинки. Все шло без особых озарений, пока Габи не завела речь о тросах.

— Насколько я понимаю, они образуют кольцо примерно посередине между ободом и ступицей. И поддерживают верхние края отражательных панелей — примерно как снасти на морском судне.

— А вот эти? — спросила Сирокко, указывая на участок между парой спиц. — Как ты думаешь, зачем они?

— Без понятия. Их шесть, и все лучами расходятся от ступицы к ободу — аккурат в середине между спицами. По пути, кстати, проходят через отражательные панели, если тебе это о чем-нибудь говорит.

Ни о чем не говорит. Но если они тут еще где-то есть — может, не такие, а поменьше, — то хорошо бы и их рассмотреть. Между прочим, в диаметре эти тросы… как по-твоему? Километра три?

— Скорее пять.

Пусть будет пять. Так что, если есть поменьше — толщиной, скажем, всего-навсего с «Укроти-

тель», — мы их можем еще не скоро увидеть. Особенно если они такие же черные, как большая часть Фемиды. Джин собирается порыскать там в своем ОРМе. Мало радости, если он вдруг на такую штуку напорется.

— Попробую запросить компьютер, — пообещала Габи.

Кельвин принялся укладывать свое хозяйство.

— Практически здорова, — подвел он итог. — Как всегда. Вы, ребята, совсем развернуться не даете. Если я не опробую здешний лазарет — пять миллионов баксов, между прочим, — как мне тогда убедить общественность, что эти деньги не вылетели в трубу?

— Ну хочешь, я кому-нибудь руку сломаю? — предложила Сирокко.

— Не-е. Переломы у меня бывали — еще в медицинском институте.

— Ха! Так ты сам ломал или лечил?

Кельвин рассмеялся.

— Аппендицит. Вот что хотелось бы провернуть. А у вас даже аппендиксы не распухают.

— Ты что же, никогда аппендикс не вырезал? И чему только вас теперь в медицинских институтах учат!

— Учат, что если назубок знать теорию, то паль-

цы сами все сделают. А пачкаться лишний раз ни к чему. Мы же, в конце концов, интеллектуалы. — Он снова рассмеялся, и Сирокко почувствовала, как тонкие стенки ее каюты слегка затряслись.

— Интересно, он когда-нибудь серьезным бывает? — пробурчала Габи.

— Хотите всерьез? — спросил Кельвин. — Вот, пожалуйста. Как насчет косметической хирургии? Вы, наверное, о таком даже не задумывались. Удивляюсь я вам, ребята. У вас под руками один из лучших хирургов во всей округе… Тут ему пришлось дождаться, когда уляжется хохот. — Ну ладно, ладно. Просто: один из лучших хирургов. А вы? Как вы этим пользуетесь? То-то, что никак. Взять, к примеру, коррекцию носа. Дома вы за нее пять-шесть тысяч выложите. А здесь все оплатит страховая компания.

Уперев руки в бока, Сирокко одарила хирурга ледяным взглядом.

— Речь, надеюсь, не о моем носе? Я правильно тебя поняла?

Кельвин выставил перед собой большой палец и, прищурившись, примерил его к командирскому носу.

— Разумеется. Косметическая хирургия весьма разнообразна. И я в совершенстве владею всеми

ее видами. Это было мое хобби. Вот взять, к примеру… — Он опустил палец чуть ниже. Но тут Сирокко замахнулась, чтобы дать ему пинка, и доктор едва успел выскочить за дверь.

Усаживаясь обратно на койку, Сирокко уже улыбалась. А Габи с картинкой под мышкой по-прежнему сидела на складной скамеечке у койки.

Сирокко удивленно повела бровью.

— У тебя что-то еще?

Габи отвернулась. Потом открыла рот, чтобы что-то сказать, но так ничего и не сказала — только хлопнула себя по голой ляжке.

— Да нет. Вроде бы ничего. — Стала как будто вставать — но так и не встала.

Сирокко задумчиво на нее посмотрела, затем протянула руку и выключила прослушивание.

— Так легче?

Габи пожала плечами.

— Наверное. Если бы я решилась говорить, то все равно бы тебя об этом попросила. Хотя это, пожалуй, не мое дело.

— Но ты считаешь нужным мне что-то сказать. — Сирокко ждала.

— Да, пожалуй. Знаешь, капитан, твое дело, как здесь командовать. Хочу, чтобы ты поняла — я

всегда это помню.

— Давай дальше, не мямли. Я нормально отношусь к критике.

— Ты спишь с Биллом.

Сирокко негромко засмеялась.

— Никогда в жизни с ним не спала. Койка слишком маленькая. Но мысль мне понятна.

Сирокко надеялась разрядить атмосферу, но шутка, судя по всему, не сработала. Габи встала и принялась медленно расхаживать взад и вперед. От стенки до стенки у нее выходило всего четыре шага.

— Понимаешь, капитан, секс мне в общем-то безразличен. — Она развела руками. — Не то чтобы мне противно, но и с ума я из-за этого не схожу. Хоть сутки не трахаться, хоть год — я даже не замечу. Но у большинства все по-другому. Особенно у мужчин.

— И у меня по-другому.

— Я знаю. Поэтому мне и интересно, как ты… что ты чувствуешь к Биллу.

Пришла очередь Сирокко расхаживать взад и вперед. Но с ее ростом выходило всего три шага — и толку было еще меньше.

— Пойми, Габи, человеческие отношения в изолированной среде достаточно хорошо изучены.

Пробовали сугубо мужские команды. Один раз — даже сугубо женскую. Пробовали полностью супружеские команды и команды из одних холостяков. Вводили строжайший запрет на секс, и отменяли все запреты. И ничего путного так и не придумали. Люди всегда будут действовать друг другу на нервы. И всегда будут трахаться. Поэтому я и не лезу к подчиненным с советами насчет их личной жизни.

— Я и не говорю, что ты…

— Минутку. Все это я сказала затем, чтобы ты не думала, что я не сознаю возможных проблем. А теперь мне хотелось бы послушать, о ком, собственно, речь.

Сирокко опять пришлось ждать.

— Речь о Джине, — наконец отважилась Габи. — Вообще-то я спала и с Джином, и с Кельвином. Как я уже сказала, для меня это мало что значит. Кельвин ко мне вроде как неравнодушен. Я к такому привыкла. Дома, на Земле, я бы его просто отшила. А здесь регулярно с ним трахаюсь — чтобы он не очень расстраивался. Но и так и этак — мне без разницы. Но с Джином я трахаюсь потому… ну, у него… короче, он в таком напряге. Понимаешь? — Она сжала кулачки. Потом раскрыла ладони и взглянула на Сирокко за поддержкой.

— Да, у меня был с ним кое-какой опыт. — Сирокко старалась сохранять невозмутимость.

— Ну да, и он тебя не удовлетворяет. Он так мне сказал. Его это очень волнует. А меня его надрыв просто пугает — потому, наверное, что мне это непонятно. И я с ним вижусь, чтобы хоть как-то его напряжение ослабить.

Сирокко решительно сжала губы.

— Так. Давай-ка без обиняков. Ты что, предлагаешь мне забрать его у тебя под расписку и переложить к себе под бок?

— Нет-нет. Не сердись. Ничего я тебе не предлагаю. Просто хочу, чтобы ты обо всем этом знала — если, конечно, еще не знаешь. А решение, конечно, целиком за тобой.

Сирокко кивнула.

— Очень хорошо. Рада, что ты мне это рассказала. Но Джину, знаешь ли, придется справляться самому. У него твердый характер, уравновешенная, хотя и немного властная натура. Он несомненно способен взять себя в руки — иначе бы его сюда просто не послали.

Габи кивнула.

— Ну да, тебе виднее.

— И еще одно. В твои обязанности не входит удовлетворять чьи-то сексуальные потребности.

И если ты подобную ношу на себя возлагаешь — то исключительно по своей личной инициативе.

— Я понимаю.

— Вот и славно. А то ты еще могла подумать, что я от тебя чего-то такого ожидаю. Или дать мне повод подумать, что ты ожидаешь этого от меня. — Сирокко упорно смотрела своей подчиненной в глаза, пока та их не отвела. Потом протянула руку и дружески похлопала Габи по колену.

— А кроме того, теперь все само собой уляжется. Мы будем так заняты, что про секс и подумать будет некогда.

ГЛАВА III

С точки зрения баллистики Фемида казалась сущим кошмаром.

Никому никогда и в голову не приходило вывести на орбиту тороидальное тело. Фемида имела 1300 километров в поперечнике и 250 километров в ширину. Наружная часть тора была плоской, 175 километров от верха до низа. Резкие колебания плотности тора подкрепляли ту точку зрения, что над всей его плотной наружной поверхностью находится атмосфера, сверху удерживаемая неким тонким покровом.

Были там и шесть спиц 420 километров вышиной. В поперечном сечении спицы представляли собой эллипсы с большими и меньшими осями 100 и 50 километров соответственно — за исключением сильно расширенных оснований в местах соединения с тором. Еще массивнее спиц была расположенная в центре ступица, которая имела 160 километров в диаметре и 100-километровую дыру в середине.

Попытка справиться с подобным телом грозила нервным срывом корабельному компьютеру — и

Биллу, вынужденному создавать модель, которую компьютер счел бы достойной доверия.

Простейшим вариантом могла бы стать орбита в экваториальной плоскости Сатурна, доступная «Укротителю» на той скорости, которую он уже имел. Но это сразу отпадало. Ось вращения Фемиды лежала параллельно экваториальной плоскости. А поскольку ось эта проходила через дыру в центре Фемиды, любая орбита в экваторе Сатурна, какую только Сирокко могла измыслить, направила бы «Укротитель» через участки с дикими гравитационными колебаниями.

Так что единственным приемлемым вариантом оставалась орбита в экваториальной плоскости Фемиды. С точки зрения углового момента такая орбита обошлась бы крайне дорого. А единственным ее преимуществом стала бы достигнутая, по выходе на нее, стабильность.

Маневрирование началось еще на дальних подступах к Сатурну. В последний день приближения курс был рассчитан заново. Сирокко с Биллом опирались на компьютеры земного базирования, а также на навигационные средства таких станций, как Марс и Юпитер. Уже не покидая КОМОТа, они наблюдали, как Сатурн все растет на кормовых телеэкранах.

Затем пошел долгий поджиг ракетных двигателей.

В перерыве между работой Сирокко включила камеру в НИСОТе. На лице Габи ясно читалось раздражение.

— Слушай, Рокки, неужели с этой чертовой тряской совсем ничего не поделать?

— Двигатели пашут, как принято выражаться, в заданном режиме. Придется тебе, Габи, немного встряхнуться. И точка.

— Черт возьми, — пробурчала Габи. — Лучшее время наблюдения за весь паскудный полет. — В соседнем с Сирокко кресле расхохотался Билл.

— Еще пять минут, Габи, — посулил он. — И честное слово, лучше потрястись ровно столько, сколько запланировано. Зато дальше все будет путем.

Двигатели заткнулись точно в рассчитанное время. Сирокко и Билл высматривали окончательное подтверждение тому, что оказались именно там, где хотели.

— Говорит «Укротитель»; командир С. Джонс. Вышли на орбиту Сатурна в 1341,453 часа по единому мировому времени. Когда появимся с другой стороны, выдам заготовки расчетов для корректирующего поджига. А пока ухожу с канала.

И Сирокко шлепнула по нужной кнопке.

— Если кто хочет выглянуть наружу, сейчас будет единственный шанс.

Невесть как и Август, и Апрель, и Джин, и Кельвин умудрились втиснуться в тесную кабинку. Сверившись с Габи, Сирокко развернула корабль на девяносто градусов.

Сатурн предстал темно-серой дырой семнадцать градусов в ширину, по площади раз в сто больше Луны, наблюдаемой с Земли. Кольца от края до края составляли немыслимые сорок градусов.

Казалось, они выточены из твердого, блестящего металла. «Укротитель» пришел с севера от экватора, так что его команде видна была верхняя сторона. Все частички подсвечивались с противоположной стороны и, подобно самому Сатурну, представлялись тонкими серпами. Ослепительная точечка Солнца висела в положении десяти часов от Сатурна и постепенно к нему клонилась.

Все молчали, пока Солнце приближалось к своему затмению. И завороженно смотрели, как тень Сатурна падает на ближайшую к ним часть кольца, срезая ее будто бритва.

Закат длился пятнадцать минут. Густые краски

менялись стремительно — чистейший желтый, иссиня-черный и алый подобны были тем, что видны с воздушного лайнера в стратосфере.

В кабине раздался негромкий хор разочарованных вздохов. Но затем стекло деполяризовалось — и все снова затаили дыхание, когда кольца вновь набрали яркость, словно в скобки заключая темно-синее зарево, что очерчивало северное полушарие. На поверхности планеты, выхваченные отраженным светом колец, стали видны полосы и бороздки. Там бушевали бури почище любых земных.

Отвернувшись наконец от величественной картины, Сирокко взглянула на левый от себя экран. Габи по-прежнему оставалась в НИСОТе. На верхнем экране там тоже пылал Сатурн, но астрономка на него не смотрела.

— Габи, неужели не хочешь зайти глянуть на эту роскошь?

Та только головой покачала. Глаза ее были прикованы к цифрам на жалком экранчике компьютера.

— И пропустить лучшее время для наблюдений за весь полет? Ты что, с ума спятила?

* * *

Поначалу они вписались на длинную эллиптическую орбиту с нижней точкой в 200 километров от теоретического радиуса Фемиды. Было это, впрочем, лишь математической абстракцией, ибо плоскость орбиты лежала под тридцать градусов от экватора Фемиды, что поднимало их над темной стороной. Вот они обогнули крутящийся тороид — и появились на солнечной стороне. Распростертую перед ними Фемиду можно было теперь разглядывать невооруженным глазом.

Но смотреть там особенно было не на что. Даже под светом солнца Фемида оставалась почти такой же черной, как сам космос. Сирокко внимательно изучала массивную громаду колеса с треугольными поглотительными парусами, окольцовывавшими тороид подобно острым зубцам огромной шестерни. Паруса эти предположительно впитывали в себя солнечный свет и обращали его в тепло.

Корабль проплыл над внешней частью громадного колеса. Стали видны спицы и солнечные рефлекторы. Казались они столь же мрачными, что и остальная Фемида, не считая тех участков, где они отражали свет наиболее ярких звезд.

Сирокко по-прежнему больше всего беспокоило отсутствие видимого доступа к Фемиде. С Земли без конца подстегивали — да и сама Сирокко, несмотря на разумную осторожность, больше чем кто-либо хотела поближе познакомиться с загадочным колесом.

Доступ просто должен быть. Никто уже не сомневался, что Фемида — объект рукотворный.

Дебаты крутились теперь вокруг того, космический ли это корабль или искусственная колония вроде О'Нила-Один. Различия здесь крылись в движении и происхождении. У звездолета предполагалось непременное наличие двигателя, а тот, в свою очередь, обязан был находиться не иначе как в ступице. Колонию же могли соорудить только какие-то ближайшие соседи. Сирокко уже наслышалась теорий, где фигурировали обитатели Сатурна и Титана, даже марсиане — хотя на Марсе никто так и не обнаружил ничего, кроме кремневого наконечника стрелы. Поговаривали и о древних земных расах, якобы освоивших космические полеты. Ни в одну из этих теорий Сирокко не верила. Все это, впрочем, мало что значило. Корабль или колония, Фемида была кем-то построена — а какая постройка обходится без двери?

Искать следовало в ступице, но баллистические ограничения вынуждали Сирокко придерживаться орбиты как можно более дальней.

* * *

"Укротитель" осел наконец на круговой орбите в 400 километрах над экватором. Двигались они в направлении вращения, однако Фемида оборачивалась быстрее орбитальной скорости «Укротителя». В иллюминаторе у Сирокко тороид казался черной плоскостью. И лишь через равные промежутки времени мимо, будто крыло чудовищной летучей мыши, проносилась одна из солнечных панелей.

На наружной поверхности стали теперь видны кое-какие детали. К примеру — длинные морщинистые гребни, сходившиеся у солнечных панелей, — гребни, где предположительно скрывались громадные трубопроводы, по которым для нагревания их солнечным теплом подводились жидкости или газы. Местами во мраке проглядывали немногие кратеры — некоторые до 400 метров в глубину. А вот никаких валунов или россыпей не наблюдалось. На вращающейся наружной поверхности Фемиды ничто не задерживалось.

Сирокко закрыла панель управления. В соседнем кресле клевал носом Билл. Оба они уже двое суток не покидали КОМОТа.

Через НИСОТ она двигалась как сомнамбула. Где-то там, впереди, койка с мягкими простынями и подушкой, и приятная четверть жэ, которую снова накручивала карусель.

— Рокки, у нас тут что-то непонятное.

Уже ступив одной ногой на лестницу уровня Д, Сирокко застыла как столб.

— Что ты сказала? — Непривычно раздраженный тон заставил Габи поднять взгляд.

— Извини, капитан, но я тоже устала, — также раздраженно отозвалась астрономка. Потом щелкнула выключателем, и на верхнем экране возникло изображение.

Сирокко различила приближающийся край Фемиды. Там виднелось какое-то вздутие, которое все росло и росло — словно догоняя "Укротитель".

— Что за черт? — Хмурясь, Сирокко отчаянно пыталась стряхнуть усталость. — Раньше там этого не было.

Послышался негромкий сигнал зуммера, и поначалу она никак не могла понять откуда.

Потом адреналин развеял муть в голове — все

чувства резко обострились. Радарная тревога в КОМОТе.

— Капитан, — послышался из динамика голос Билла, — у меня тут странные показания. К Фемиде мы не приближаемся — но что-то приближается к нам.

— Сейчас буду. — Когда ухватилась за стойку, собственные руки показались холоднее льда. Еще один взгляд на экран. Странное вздутие стремительно распускалось — и все быстрее росло. Все ближе и ближе.

— Теперь вижу, — сказала Габи. — Оно по-прежнему крепится к Фемиде. Это что-то вроде длинного рычага или штанги, и оно раскрывается. Думаю…

— Стыковочное устройство! — заорала Сирокко. — Они собираются нас зацапать! Билл, запускай машинный цикл, стопори карусель, будь готов стартовать!

— Но нам нужно тридцать минут…

— Знаю. Действуй!

Отскочив от иллюминатора, Сирокко пулей метнулась к сиденью и ухватилась за микрофон.

— Все по местам. Общая тревога. Быть готовыми к разгерметизации. Очистить карусель. Всем в перегрузочные кресла. Пристегнуться. — Левой

рукой она шлепнула по кнопке тревоги, и тут же услышала за спиной зловещее улюлюканье. Потом бросила взгляд налево.

— Билл, и тебя касается. Надень скафандр.

— Но…

— Живо!

Пулей выскочив из сиденья, Билл нырнул в выходной люк.

Сирокко успела крикнуть через плечо:

— Захвати и мой!

Стремительно приближающуюся штуковину уже было видно в иллюминатор. Никогда Сирокко не чувствовала себя такой беспомощной. Отменив программную установку системы управления, она могла бы запалить все движки по борту корабля, обращенному к Фемиде, — но и этого уже было бы недостаточно. Огромная масса «Укротителя» еле ползла. А так оставалось только сидеть, следить за автоматическим развертыванием машинного цикла и считать липкие, как пот, секунды. Вскоре Сирокко поняла, что никуда им не деться. Эта дуля здоровенная, и движется она быстрее.

Появился уже облаченный в скафандр Билл, и Сирокко сломя голову ринулась в НИСОТ натянуть свой. Там, пристегнутые к перегрузочным

креслам, сидели пять неразличимых фигур. Никто не двигался, все пялились на экран. Стоило Сирокко нахлобучить на голову шлем, как в уши ворвался хаос.

— Всем заткнуться. — Болтовня мигом смолкла. — Пока не дам команду говорить, на этом канале — мертвая тишина.

— Но что происходит? — Голос Кельвина.

— Я сказала — молчать. Похоже, какая-то механическая фига хочет нас сцапать. Наверное, то самое стыковочное устройство, которое мы искали.

— По-моему, больше похоже на атаку, — пробормотала Август.

— Наверняка они уже это проделывали. И наверняка знают, как это сделать поаккуратней. — Сирокко хотелось хотя бы себя в этом убедить. Но авторитета у нее не прибавилось, когда весь корабль вдруг сильно тряхануло.

— Есть контакт, — заметил Билл. — Вот они нас и зацапали.

Сирокко поспешила на свое место — но уже не успела разглядеть, как произошел захват «Укротителя». Корабль снова подскочил, а откуда-то сзади послышался жуткий скрежет.

— Какое оно из себя?

— Вроде щупалец гигантского осьминога. Только без присосок. — Билл явно был потрясен. — Сотни щупалец. Болтаются и болтаются.

Корабль еще сильнее накренился, и к уже воющим добавились новые сигналы тревоги. А красные лампочки на приборной доске устроили целую огненную бурю.

— Пробоина в корпусе, — как можно спокойнее констатировала Сирокко. — Утечка воздуха из центрального стержня. Задраить шлюзы 14 и 15. — Руки сами собой метались по пульту. Кнопки и лампочки были где-то далеко-далеко — словно увиденные в телескоп, но с обратного конца. Стрелка акселерометра вдруг словно взбесилась, а Сирокко сперва бешено дернуло вперед, затем швырнуло набок. В итоге она уселась верхом на Билла. С трудом перебравшись в свое сиденье, она пристегнулась.

Не успела защелкнуться пряжка, как корабль снова дернуло назад — да еще похлеще. Сзади что-то вылетело из люка, долбануло по иллюминатору — и тот мигом покрылся паутинкой трещин.

Сирокко, отчаянно напрягаясь, висела на ремне. Из люка вынырнул кислородный баллон. Стекло разлетелось вдребезги — но звук помчался

прочь вместе с острыми стеклянными ножиками, что плясали, удаляясь, перед глазами у Сирокко. Все незакрепленные предметы в кабине теперь подпрыгивали и неслись прямиком в жуткую зазубренную пасть, разверзшуюся там, где прежде был иллюминатор.

Кровь бросилась в лицо Сирокко, когда она повисла над черной бездонной дырой. В солнечном свете лениво вращались крупные предметы. Вот прямо перед глазами, где ему быть вовсе не полагалось, оказался машинный отсек «Укротителя». Сирокко заметила торчащий обломок соединительного стержня. Корабль, ее корабль разваливался на куски.

— Твою мать… — выдавила Сирокко — и тут же ясно припомнила слышанную однажды магнитофонную кассету с потерпевшего катастрофу воздушного лайнера. Это же самое слово пилот тогда и проревел — за считанные секунды до удара, когда отчетливо понял, что сейчас отправится на тот свет. Сирокко также отчетливо это поняла — и тут же ее едва не вырвало.

В тупом ужасе она наблюдала, как тварь, что заграбастала машинный отсек, еще гуще оплела его щупальцами. Похоже было на то, как португальский кораблик ловит ядовитой хваталкой

громадную рыбину. Красиво и бесшумно рванул топливный бак. Мир, родной мир Сирокко разлетался на куски — и даже без единого звука! Стремительно рассеивалось облако сжиженного газа. А тварь будто ничего и не замечала.

Другие щупальца взяли в оборот остальные части корабля. Дальнобойная антенна, казалось, вот-вот ускользнет — но слишком медленно падала она в разверзшийся внизу черный колодец.

— Живое, — прошептала Сирокко. — Оно живое.

— Что? Что ты сказала? — Билл обеими руками отчаянно цеплялся за приборную панель. К креслу-то он был пристегнут надежно — а вот болты, крепившие само кресло к полу, не выдержали.

Корабль тряхануло еще разок — и кресло Сирокко тоже освободилось от болтов. Край панели пришелся как раз по бедрам. С отчаянным воплем Сирокко рванулась из ремней.

— Рокки, тут все рушится. — Голос Сирокко не узнала, зато страх в нем почувствовала. Удвоив усилия, она сумела одной рукой отстегнуть ремень, другой в то же время крепко держась за панель. Потом соскользнула набок и стала смотреть, как ее кресло, попрыгав по уже расколоченным циферблатам и ненадолго застряв

в зубах у бывшего иллюминатора, стартует в космический полет.

Поначалу Сирокко решила, что ноги сломаны, но вскоре выяснила, что может ими двигать. Боль немного утихла, когда она, собрав остаток сил, помогла Биллу выбраться из его кресла. Слишком поздно она заметила, что глаза его закрыты, а лоб залит кровью. Пока обмякшее тело Билла вяло скользило над панелью управления, Сирокко заметила и вмятину на его шлеме. Она пыталась ухватить его сначала за бедро, затем за щиколотку, наконец за ботинок а он все падал, падал и падал в самое средоточие сверкающего душа стеклянных осколков.

* * *

Очнувшись, Сирокко обнаружила себя скорчившейся под приборной доской. Долго трясла головой, не в силах вспомнить, как там очутилась. Но торможение было уже не столь резким. Фемиде удалось наконец подогнать «Укротитель» — вернее, то, что от него осталось, — к скорости собственного вращения.

Все безмолвствовали. Из наушников в шлеме доносился целый ураган свистящего дыхания — но ни единого слова. Сказать было просто нечего;

а вопли и проклятия уже истощились. С трудом поднявшись, Сирокко ухватилась за край люка, пролезла туда и потащилась сквозь хаос.

Освещение не работало, но солнечный свет, врываясь через пролом в стене, грубо выхватывал из мрака разбитое оборудование. Пока Сирокко брела по обломкам, с дороги у нее убралась облаченная в скафандр фигура. В голове пульсировало. Один глаз так заплыл, что уже не открывался.

Развал был капитальный. На расчистку помещений ушла бы уйма времени.

— Мне нужен полный список разрушений по всем отсекам, — сказала Сирокко, ни к кому конкретно не обращаясь. — На такую встречу этот корабль рассчитан не был.

На ногах были только трое. Одна фигура стояла на коленях в углу, держа за руку еще одну, которая покоилась под обломками.

— Ноги. Не могу. Не могу двинуться.

— Кто это сказал? — выкрикнула Сирокко и бешено замотала головой, пытаясь прогнать головокружение, но преуспела, естественно, в обратном.

— Кельвин, займись ранеными. А я пока посмотрю, что можно сделать с кораблем.

— Есть, капитан.

Никто не двинулся с места, и Сирокко подивилась почему. Все пялились на нее. Интересно, чего они пялятся?

— Если я понадоблюсь, я у себя в каюте. Мне… мне что-то нехорошо.

Один из скафандров двинулся ей навстречу. Пытаясь обогнуть фигуру, Сирокко шагнула в сторону — и нога ушла под пол. Все тело пронзила боль.

— Оно уже влезает. Вон там. Видите? Оно за нами.

— Где?

— Ничего не вижу. О Господи. Вижу.

— Кто это сказал? Всем заткнуться! На этом канале нужна полная тишина!

— Оглянись! Оно у тебя за спиной!

— Кто это сказал? — Вся в поту, Сирокко осеклась. Что-то подбиралось к ней сзади — она это чувствовала! Такие твари как раз и прокрадываются в твою спальню, когда там выключают свет! Нет, не крыса — гораздо хуже! Без лица — одна слизь и холодные липкие лапы! Мертвая, мертвая, мертвая тварь! Сирокко ощупью двигалась в багровом мраке, а позади нее, в лужице солнечного света, корчилась жирная змеюга!

И мертвая тишина кругом. Почему все молчат?

Рука наткнулась на что-то твердое. Сирокко сжала это в кулаке и, только тварь приблизилась, стала рубить — вверх-вниз, вверх-вниз, снова и снова.

Нет, так ее не прикончить. Что-то обвило талию и потянуло к себе.

Облаченные в скафандры фигуры прыгали и метались в тесном отсеке, но щупальца стреляли нитями, липкими как горячий деготь. Нити исхлестали всю комнату, а Сирокко что-то ухватило за ноги и вроде бы силилось разорвать надвое, будто птичью вилочку. Такой боли ей было и не представить, но она все рубила и кромсала проклятое щупальце — пока не полетела в разверстый люк, в колодец, в лестничный проем — в черную бездну беспамятства.

ГЛАВА IV

Света не было.

Даже столь жалкая крупица негативного знания уже давала зацепку. Осознание того, что пелена кромешного мрака есть результат отсутствия чего-то, именуемого светом, стоила ей таких усилий, на которые она вряд ли сочла бы себя способной раньше — раньше, когда время состояло из последовательных моментов, вроде бусинок на нитке. Теперь бусинки эти просыпались у нее между пальцев. И заново расположились в пародии на причинность.

Все нуждается в контексте. Чтобы темнота хоть что-то значила, нужна память о свете. А память эта пропадала.

Так бывало раньше — и так будет снова. Порой для опознания лишенного тела разума находилось имя. Чаще был один лишь разум.

Она оказалась в брюхе у зверя.

(Какого такого зверя?)

Никак не вспомнить. Но это непременно вернется. Все всегда возвращается — если достаточно долго ждать. А ждать очень просто. Тысячелетия здесь значили не больше микросекунд. Слоистые

пирамиды времени лежали в руинах.

Ее звали Сирокко.

(Какое такое Сирокко?)

"Сир-рок-ко. Не то горячий ветер из пустыни, не то старая модель фольксвагена. Мама так и не сказала, что она имела в виду". Таков был ее обычный ответ. Она вспомнила, как произносила его — почти ощутила, как неосязаемые губы оформляют бессмысленные слова.

"Меня зовут капитан Джонс".

(Капитан чего?)

Капитан МКК «Укротитель» (МКК значит Межпланетный космический корабль), что держал путь к Сатурну с экипажем из семи человек на борту. Одного члена экипажа звали Габи Мерсье…

(Какая такая…)

…и еще… еще одного… Билл…

(Что опять за имя?)

Имя висело на кончике языка. Язык — это такое мягкое, мясистое… бывает во рту. А рот… Мгновение назад она это помнила… но что такое мгновение? И еще что-то насчет света. Чем бы он ни был.

* * *

Света не было. А раньше он был? Да, конечно… так-так, ничего-ничего, держи, держи эту мысль, не упускай. Света не было, и ничего другого тоже не было. А что вообще бывает другое?

Ага! Нет запаха. Нет вкуса. Нет осязания. Нет кинестетического сознания о теле. Нет даже ощущения паралича.

Сирокко! Ее зовут Сирокко.

"Укротитель". Сатурн. Фемида. Билл.

Все разом вернулось — и долю секунды спустя она вновь начала жить. Вначале показалось — она сойдет с ума от наплыва впечатлений — и с этой мыслью пришло другое, более позднее воспоминание. Так уже бывало. Недавно она об этом вспоминала, но тогда все ускользнуло. Она уже сходила с ума — и не раз.

Зацепка была слаба, но другой просто не находилось. Она поняла, где она, и поняла, что с ней творится.

Феномен этот выявили в прошедшем столетии. Оденьте человека в неопреновый костюм, заклейте ему глаза, ограничьте его движения так, чтобы он не мог себя коснуться, исключите из окружения все звуки и оставьте его плавать

в теплой воде. Еще лучше — в невесомости. Есть усовершенствования вроде внутривенного питания и устранения запахов — но они уже не так необходимы.

И результаты окажутся поразительными. Первыми подопытными были летчики-испытатели — люди бывалые, рассудительные и уверенные в себе. Двадцать четыре часа сенсорной депривации обращали их в безвольных младенцев. Более длительные промежутки времени были просто опасны. Разум постепенно извращал немногие воздействия: сердцебиение, запах неопрена, давление воды.

Сирокко была знакома с испытаниями. Двенадцать часов сенсорной депривации составляли часть ее подготовки. Поэтому она знала, что, если достаточно долго искать, можно обнаружить собственное дыхание. А дыхание — это уже нечто, чем можно управлять; сделать его, к примеру, аритмичным. Она попыталась дышать как можно чаще, попыталась покашлять. И ничего не вышло.

Тогда давление. Если что-то ее сдерживает, значит, можно против него напрячься — хотя бы почувствовать это что-то, каким бы ничтожным его давление ни было. Выделяя одну мышцу за

другой, представляя себе, где и как они крепятся, Сирокко пыталась их напрячь. Достаточно было хотя бы дернуть губой. Это сразу развеяло бы все крепнущие и крепнущие опасения, что, она просто-напросто мертва.

Сирокко в ужасе шарахнулась от этой мысли. Страшась, подобно всем прочим, смерти как конца всего разумного, она вдруг представила себе и нечто гораздо худшее. А что, если люди вообще никогда не умирают?

Что, если утрата тела оставляет за собой ВОТ ЭТО? Почему бы вечной жизни не быть вечной нехваткой ощущений?

Безумие стало казаться куда более привлекательным.

Итак, с тем, чтобы пошевелиться, не вышло. Сирокко бросила тщетные попытки и взялась перетряхивать более недавние воспоминания, надеясь, что ключ к ее теперешнему состоянию можно обнаружить в последних секундах на борту «Укротителя». Тут она непременно бы рассмеялась, сумей она найти нужные для этого мышцы. Стало быть, если она не мертва, то заключена в брюхо зверя столь огромного, что он оказался способен сожрать целый корабль вместе со всей командой.

По здравому размышлению такая перспектива тоже показалась Сирокко вполне привлекательной. Ведь если это правда — если ее сожрали, но она невесть почему все еще жива, — тогда она непременно должна вскоре умереть. Решительно все казалось лучше той кошмарной вечности, безмерная тщета которой уже начала представать во всей своей красе.

Тут выяснилось, что рыдать без тела очень даже можно. Без слез, без всхлипов, без жжения в горле Сирокко безутешно рыдала. Несчастное дитя во мраке — и со страшной болью внутри. Потом она почувствовала, как здравомыслие возвращается, порадовалась этому — и прикусила язык.

Теплая кровь потекла у нее во рту. Сирокко плавала в ней, охваченная страхом и голодом, — подобно мелкой рыбешке в неведомом соленом море. Она сделалась слепым червяком — всегонавсего ртом с твердыми округлыми зубами и распухшим языком. Язык жадно нащупывал восхитительную на вкус кровь, которая, как назло, таяла, и он не успевал ею насладиться.

В отчаянии Сирокко снова укусила язык — и была вознаграждена свежей красной струйкой. "Разве я могу ощущать цвет?" — задумалась было она, но тут же мысленно махнула рукой. Какая

все-таки упоительная боль!

Боль перенесла ее в прошлое. Оторвав лицо от расколоченных циферблатов и выбитого ветрового стекла небольшого самолетика, Сирокко почувствовала, как ветер холодит кровь в ее разинутом рту. Должно быть, она прикусила язык. На поднесенную к подбородку ладонь упали два красных зуба. Сирокко тупо разглядывала их, не понимая, откуда они взялись. Несколько недель спустя, выписываясь из госпиталя, она нашла их в кармане штормовки. Потом она держала их в коробочке на прикроватном столике — как раз для тех ночей, когда просыпалась оттого, что мертвящий ветер тихонько шептал ей в ухо: "Второй движок накрылся, а внизу — только снег и деревья. Снег и деревья. Деревья и снег". Тогда она хватала коробочку и судорожно трясла. "Я выжила, выжила", — отвечала она ветру.

"Но то было давным-давно", — напомнила себе Сирокко.

…А в лице бешено стучала кровь. Снимали повязки. Настоящее кино! Вот обида, что мне самой не видно! Кругом заинтересованные лица — камера быстро по ним скользит — грязные бинты падают тут же, у койки, слой за слоем разматывается — а потом… ах… ох… ну-у, доктор… да

она просто красотка!

Какая там красотка! Ей уже сказали, чего ожидать. Два чудовищных фингала и сморщенная багровая кожа. Черты лица не пострадали, никаких шрамов не осталось — но и красивей, чем раньше, она не стала. Нос по-прежнему как топорик — и что? При аварии он не сломался, а изменить его ради чистой косметики Сирокко не позволила гордость.

(Хотя втайне она свой нос, естественно, ненавидела и считала, что именно проклятый топорик, вкупе с гренадерским ростом, и обеспечил ей командирство на «Укротителе». Ибо, несмотря на многие доводы в пользу командира женского пола, те, от кого подобный выбор зависел, все еще не могли представить себе столь дорогостоящий звездолет под началом прелестной дамочки венериных пропорций.)

Дорогостоящий звездолет.

"Сирокко, ты опять отвлеклась. Прикуси язык".

Так она и поступила. А вкусив крови…

…увидела, как замерзшее озерцо бешено несется ей навстречу, почувствовала удар лица о панель и подняла голову от разбитого стекла, которое тут же полетело в бездонный колодец. Ремни сиденья держали Сирокко над пропастью.

Чье-то тело заскользило по обломкам — и она потянулась, чтобы ухватиться за ботинок…

Сирокко что было сил прикусила язык — и почувствовала, как сжимает что-то в ладони. А столетия спустя почувствовала, как что-то давит ей на колено. Потом сложила два ощущения воедино и поняла, что трогает самое себя.

Дальше началась какая-то смутная, одинокая оргия в кромешной тьме. Сирокко просто сходила с ума от страстной любви к своему только что вновь обретенному телу. Свернувшись в клубок, она лизала и кусала все, до чего дотягивался рот, — а руки тем временем щипали и дергали. Она была гладкой и безволосой, скользкой как угорь.

Густая влага — едва ли не желе — захлюпала в ноздрях, когда Сирокко попыталась дышать. Вскоре это перестало раздражать — даже страх куда-то ушел.

И теперь послышался звук. Медленные глухие удары. Наверняка это бьется ее сердце!

Но, как она ни тянулась, ничего, кроме собственного тела, нащупать не удавалось. Тогда Сирокко попробовала плыть, но так и не поняла, движется она или нет.

А когда стала прикидывать, что же дальше, то

уснула.

* * *

Пробуждение оказалось медленным и неверным. Долго-долго Сирокко не могла решить, спит она или уже бодрствует. Никакие укусы не помогали. Укусить можно и во сне, разве нет?

А если подумать хорошенько, то как она может в такое время спать? После этой мысли Сирокко потеряла уверенность в том, спала ли она вообще. И поняла, что различить сон и явь теперь довольно проблематично. Слишком мал набор ощущений. Сон, дрема, грезы, здравомыслие, безумие, бодрость, вялость… Для осмысления всех этих состояний требовался контекст.

В участившемся сердцебиении ясно слышался страх. Она свихнется, она непременно свихнется. Борясь с этим, она упорно цеплялась за ту личность, которую уже воссоздала из смерча безумия.

Имя: Сирокко Джонс. Возраст: тридцать четыре года. Раса: не черная, но и не белая.

Сирокко была лицом без гражданства; официально — американкой, но на деле — представительницей Третьей Культуры многонациональных сообществ. В каждом крупном городе

на Земле имелось свое янки-гетто из типовых домов, английских школ и льготных столовок. В таком гетто Сирокко и выросла. Житье там было примерно как у детей на военной базе, но куда менее безопасное.

Незамужняя мать Сирокко работала инженером-консультантом в различных энергетических компаниях. Детей она заводить не планировала. В расчеты ее, впрочем, не входил один тюремный надзиратель арабской национальности. Планы девушки рухнули, когда ее задержали после пограничного инцидента между Ираком и Саудовской Аравией и упомянутый араб ее изнасиловал. Пока американский посол добивался ее освобождения, Сирокко уже родилась. А потом в пустыню кинули пару-другую атомных бомб, и к тому времени, как тюрьму отвоевали союзнические ирано-бразильские войска, пограничный инцидент давно перешел в полновесную войну. Пока стрелка политического равновесия качалась из стороны в сторону, мать Сирокко успела перебраться в Израиль. Пятью годами спустя она получила рак легких от радиоактивных осадков. Следующие пятнадцать лет она провела, подвергаясь лечению чуть менее мучительному, чем сама болезнь.

Сирокко росла девочкой крупной и нелюдимой, единственного друга видя только в своей матери. В возрасте двенадцати лет она впервые попала в Соединенные Штаты. К тому времени она выучилась читать и писать — и даже американская школьная система серьезно ей повредить уже не смогла. По-другому обстояло дело с ее эмоциональным развитием. Сирокко нелегко заводила друзей, зато была неистово предана тем, которых имела. А у ее матери в свое время сложились четкие представления о подобающем для молодой леди воспитании. В представления эти, помимо уроков танцев и вокала, входили занятия по каратэ и стрельба из всех видов ручного оружия. Со стороны казалось, что с уверенностью в себе у Сирокко все в порядке. И лишь она одна знала, сколько под этой маской страха и ранимости. Но все это так и осталось ее тайной — укрылось даже от психологов из НАСА, которые доверили ей командовать космическим кораблем.

"Интересно, насколько все это правда", — задумалась Сирокко. Здесь-то уже не было смысла лгать. Да, ответственность командирского поста страшно ее пугала. Но, может статься, другие командиры тоже на самом деле неуверены в себе и втайне от всех знают, что недостойны возложен-

ной на них ответственности? Впрочем, о таком спрашивать не принято. А вдруг все остальные не боятся? Тогда твой секрет выйдет наружу.

Сирокко вдруг поняла, что сама не понимает, чего ради ее потянуло командовать кораблем, когда она этого не хотела. А чего же она тогда хотела?

" Сейчас я хочу отсюда выбраться, — попыталась она сказать. — Хочу, чтобы хоть что-нибудь случилось".

Вскоре нечто и впрямь случилось.

Левой рукой Сирокко нащупала стену. Затем правой нащупала другую. Стены были теплые, гладкие и упругие — совсем как в желудке. Они легко подавались под ее толчками.

А потом принялись сужаться.

Головой вперед Сирокко застряла в неровном туннеле. Стены начали сокращаться. Впервые за всю свою жизнь она почувствовала клаустрофобию. Раньше ограниченные пространства не очень-то ее раздражали.

Стены запульсировали и пошли волнами, проталкивая Сирокко вперед — пока голова ее не сунулась во что-то холодное и шершавое. Грудь ей сжимало; жидкость забулькала, вытекая наружу из легких. Сирокко закашлялась. Потом

жадно вдохнула, — и набрала полный рот песку. Закашлялась снова — из легких вытекла еще жидкость, — но теперь, высвободив плечи, она нырнула головой во тьму и песку уже не нахватала. Сирокко хрипела и отплевывалась и вскоре начала дышать через нос.

Высвободились руки, потом бедра — и она принялась копаться в пористом веществе, которое ее окружало. Пахло там, как однажды в детстве, в холодном земляном подвале, — в тесном подземелье, куда взрослые спускаются, только когда нужно починить водопровод. Пахло ее девятью годами, детскими тайнами и копанием в грязи.

Высвободилась одна нога, затем другая — и теперь голова Сирокко покоилась как бы в воздушном кармане, образованном руками и грудью. Дышала она влажными спазмами.

Земля крошилась на шею и ссыпалась дальше по спине, пока не заполнила чуть ли не весь ее воздушный мешок. Сирокко была погребена заживо. Пора было откапываться, но она не могла двигать руками.

Тогда, в панике, Сирокко уперлась ногами. Мышцы на бедрах вздулись, суставы затрещали — однако, она почувствовала, что придавившая ее сверху масса подается.

И вот голова вырвалась на свет и на воздух. Задыхаясь и отплевываясь, Сирокко вытянула из-под земли одну руку, затем другую и ухватилась за то, что на ощупь показалось влажной травой. Потом выползла из-под земли на четвереньках, но тут же упала. Наконец, зарывшись пальцами в благословенную землю, криком приказала себе спать.

* * *

Просыпаться Сирокко не хотелось. Она упорно притворялась, что спит. Но, когда мрак и впрямь стал возвращаться, а трава начала уходить из-под пальцев, она мигом открыла глаза.

В нескольких сантиметрах от ее носа расстилался бледно-зеленый ковер, выглядевший в точности как трава. Более того — он и пах точно так же. Даже на лучших площадках для гольфа такую траву надо было еще поискать. Но трава была теплее воздуха, и Сирокко не понимала почему. Может, на самом деле никакая это и не трава?

Сирокко снова потерла ковер ладонью и еще раз понюхала. Ладно. Пусть будет трава.

Стоило ей сесть, как ее внимание сразу привлек какой-то стук. На шее у нее висело сияющее ме-

таллическое кольцо, а другие кольца, поменьше, болтались на запястьях и лодыжках. С большого кольца, стянутый проволокой, свисал ворох каких-то странных фигулек. Стащив с шеи железяку, Сирокко задумалась, где же она ее раньше видела.

Было на удивление трудно сосредоточиться. Штуковина в руке у Сирокко казалась такой хитрой, такой замысловатой; слишком сложной для ее все еще не очень-то нормального ума.

Ба! Да это же просто-напросто ее скафандр — лишенный всего пластика и всей резины! Пластик составлял его большую часть. А теперь не осталось ничего, кроме металла.

Снимая кольца, Сирокко сваливала их в кучу — и за этим занятием вдруг поняла, что она голая как дождевой червяк. Под слоем грязи тело ее было совершенно безволосым. Даже брови не прощупывались. Это почему-то страшно ее расстроило.

Закрыв лицо ладонями, она зарыдала.

Сирокко редко плакала. Обычно как-то не тянуло. Но тут она зарыдала — просто потому, что долгое время спустя она все-таки опять выяснила, кто она такая.

Теперь предстояло выяснить, где она оказа-

лась.

* * *

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем Сирокко твердо решила, что готова идти. Решение это, однако, породило массу вопросов. Идти — но куда?

Вообще-то она намеревалась обследовать Фемиду — но то было, когда она еще располагала звездолетом и технологической поддержкой земной базы. Теперь у нее имелась только собственная шкура и несколько железяк.

Сирокко оказалась в лесу, состоявшем из травы и деревьев одного вида. Деревьями она их назвала по той же причине, почему траву назвала травой. Если перед тобой бурая округлая дубина семидесяти метров вышиной, с чем-то вроде листьев на самом верху, то это дерево. Однако это вовсе не значит, что такое дерево при первой же удобной возможности с аппетитом тебя не слопает.

Количество всевозможных беспокойств следовало снизить до разумного минимума. Справляйся с чем сможешь — и не жалей о том, с чем тебе не совладать. А еще помни — если будешь настолько осторожным, насколько диктует бла-

горазумие, то благополучно сдохнешь от голода где-нибудь в пещере.

Первым пунктом шел воздух. Он вполне мог быть отравлен.

— А ну-ка прекрати дышать! — вслух скомандовала себе Сирокко. Ага. Верно. Не выходит. Что ж, воздух по крайней мере свежий, и она от него не кашляет.

С водой тоже мало что можно было поделать. Рано или поздно, но выпить ее придется — если Сирокко ее, разумеется, отыщет. Значит, если она все-таки доберется до воды, тогда, быть может, удастся развести огонь и ее вскипятить. Если же не удастся, то она, черт побери, выпьет эту воду — с любыми микробами и спирохетами.

Дальше шла еда, которая беспокоила Сирокко более всего прочего. Даже если во всей округе нет ничего такого, что пожелает сделать еду из нее самой, нет никакой возможности выяснить, что ее накормит, а что отравит. Или, скажем, будет не калорийнее целлофана.

На закуску оставалась проблема оценки разумного риска. Как оценить, какой риск разумен, когда любое паршивое дерево, может статься, не особенно-то и дерево?

Не так уж они, если разобраться, напоминали

деревья. Стволы были будто из полированного мрамора. Высокие ветви на протяжении строго определенного отрезка шли параллельно земле, а потом поворачивали вверх под прямым углом. Наконец, листья были плоскими, как у кувшинки, и три-четыре метра в поперечнике.

Так что тут было безрассудством, а что перестраховкой? Путеводителя по Фемиде не имелось, и опасные места флажками размечены не были. Но без каких-то исходных посылок Сирокко просто не могла двигаться, а двигаться было пора. Она уже проголодалась.

Стиснув зубы, Сирокко добрела до ближайшего дерева. Шлепнула по стволу ладонью. Дерево осталось на месте и никакого возмущения не выказало.

— Дерево как дерево, — вслух заключила она.

Потом Сирокко изучила дыру, откуда недавно выползла.

Вот она, сырая темно-коричневая рана в аккуратном травяном газончике. Вокруг раскиданы скрепленные легкими корневыми системами комья почвы. Сама дыра всего полметра в глубину; остальное уже заполнили осыпающиеся края.

— Что-то пыталось меня стрескать, — решила Сирокко. — Что-то сожрало все органические

части скафандра и мои волосы, а остальное, меня в том числе, сочло дерьмом и выдавило сюда. — Мимоходом Сирокко отметила, что впервые в жизни счастлива оттого, что ее посчитали говном.

Да, зверюга явно была нешуточная. Еще тогда, на корабле, они выяснили, что наружная часть тора — та земля, на которой она теперь сидела, — тридцать километров в глубину. Эта тварь оказалась достаточно велика, чтобы зацепить «Укротитель», когда корабль находился на орбите в 400 километрах отсюда. Сирокко провела некоторое время в брюхе монстра и невесть как доказала, что переваривать ее не стоит. Тогда тварь протащила ее сквозь землю до этого самого места и вроде как выкакала.

Но где же тут смысл? Если тварь с аппетитом сожрала пластик, почему ей было не умять и Сирокко? Или капитаны звездолетов слишком жесткие?

Она стрескала целый корабль, начиная от таких роскошных ломтей, как машинный отсек, и кончая крошечными осколками стекла, мусором, облаченными в скафандры фигурками со вмятинами на шлемах…

— Билл! — Собрав все силы, Сирокко вскочила

на ноги. — Билл! Я здесь! Я жива! А ты где?

В отчаянии Сирокко треснула себя ладонью по лбу. Только бы избавиться от этой мути в голове, когда все доходит с таким трудом. Нет, про команду она не забыла — просто до сих пор не могла связать своих товарищей с новорожденной Сирокко — той самой, что, голая и безволосая, стоит теперь на теплой земле.

— Билл! — крикнула она снова. Прислушалась, а затем села, сложив под собой ноги, и принялась выдергивать пучки травы.

Спокойно. Подумай. Скорее всего, тварь обошлась с ним как с еще одним обломком. Но он был ранен.

Так ведь и она тоже, вдруг вспомнила Сирокко. Но, внимательно осмотрев бедра, не нашла там даже синяка. Это ни о чем ей не говорило. Кто знает, сколько она торчала в брюхе у монстра — пять лет или пять месяцев?

И в любое время из-под земли мог выбраться еще кто-нибудь. Где-то там внизу, примерно в полутора метрах от поверхности, у этой твари было нечто вроде экскреторного вывода (или, скажем, заднего прохода). Если подождать и если это существо выкакивает не только капитанов кораблей по имени Сирокко, но и всех нормаль-

ных людей, — тогда вся команда вполне может вновь воссоединиться.

Усевшись поудобнее, Сирокко принялась ждать.

* * *

Через полчаса (или всего лишь минут через десять?) ожидание вдруг показалось ей лишенным всякого смысла. Ведь тварь-то гигантская! Она оприходовала «Укротитель» как послеобеденную карамельку с ментолом. Наверняка она занимает солидную часть подземного мира Фемиды, и глупо думать, что одна эта дырка может справиться со всем движением на линии. Наверняка есть и другие — разбросанные по всей округе.

Чуть позже пришла другая мысль. Мысли приходили медленно, не очень связные — но Сирокко была благодарна уже за то, что они вообще приходили. Новая мысль была предельно проста: ей хочется попить, поесть и смыть с себя грязь. Сейчас ей больше всего на свете хотелось воды.

Земля полого шла вниз. Сирокко могла бы поспорить, что где-то внизу есть речка.

Поднявшись, она поворошила ногой кучку металлолома. Все тащить было тяжеловато, но эти железки были ее единственными орудия-

ми. Сирокко выбрала кольцо поменьше, затем подобрала самое большое, которое было частью шлема и все еще соединялось с остатками электронной аппаратуры.

Немного, но должно хватить. Повесив большое кольцо на плечо, Сирокко пустилась вниз по склону.

* * *

Озерцо подпитывалось двухметровым водопадом на горной речушке, что вилась по узкой лощине. Могучие деревья здесь совсем закрывали небо. Стоя на камне у самого озерца, Сирокко пыталась прикинуть его глубину и решала, стоит ли туда прыгать.

Мыслями все и ограничилось. Вода была чистой, но кто мог знать, что там водится? Тогда Сирокко спрыгнула с гребня, из-за которого, собственно, и получался водопад. При четверти жэ труда это не составило. Несколько шагов — и она уже на песчаном бережку.

Вода оказалась теплой, сладкой, шипучей. Ничего вкуснее Сирокко в своей жизни не пробовала. Напившись под самую завязку, она присела на корточки и стала оттираться песком, в то же время опасливо поглядывая по сторонам. На

водопоях всегда держи ухо востро. Закончив с мытьем, Сирокко впервые после пробуждения почувствовала себя человеком. Она уселась прямо на мокрый песок и принялась болтать ногами в воде.

Вода была холоднее воздуха или земли, но все равно на удивление теплая — особенно если учесть, что наполняла она горную речушку, берущую исток не иначе как в леднике. Тут Сирокко поняла, что это объяснимо, если источник тепла на Фемиде находится там, куда они его предположительно и поместили: внизу. Солнечный свет на орбите Сатурна почву особенно не прогревал. Но треугольные плавники, располагавшиеся теперь далеко внизу, наверняка призваны были улавливать и хранить солнечное тепло. Мысленному взору Сирокко предстали полноводные реки горячей воды, бегущие в нескольких сотнях метров под землей.

Следующим пунктом опять было двигаться дальше — но куда? Идти прямиком вперед исключено. На том берегу земля снова начинала подниматься. Топать вниз по течению было бы куда как проще. К тому же так она скорее доберется до равнин.

— Решения… без конца эти решения… — бор-

мотала Сирокко.

Тут взгляд ее упал на металлолом, который она тащила с собой весь… что «весь»? Весь день? Или все утро? Так время здесь не измерялось. Можно было говорить только о прошедшем времени — а сколько его прошло, Сирокко понятия не имела.

Она снова взяла в руки кольцо от шлема. На лбу собрались задумчивые морщинки.

В скафандре когда-то имелась рация. Даже не допуская мысли, что тонкая аппаратура прошла весь этот кошмар в целости и сохранности, Сирокко стала ее искать. И нашла! Вот крошечная батарейка и то, что осталось от тумблера, — во включенном положении. На этом и точка. Большую часть рации составляли силиконовые детальки и металл, так что слабая надежда все же оставалась.

Сирокко еще раз все осмотрела. Где же тут динамик? Должен быть такой маленький металлический рожок — остаток от наушника. Она отыскала его и поднесла к уху.

— …пятьдесят восемь, пятьдесят девять, девять тысяч триста шестьдесят…

— Габи! — Испустив дикий вопль, Сирокко подскочила как кузнечик, но знакомый голос, явно ее не слыша, продолжал свой отсчет. Тогда

Сирокко встала на колени у плоского валуна, расположила там остатки шлема и, одной рукой прижимая к уху динамик, дрожащими пальцами другой принялась перебирать детальки. Наконец удалось выискать миниатюрный микрофон.

— Габи, Габи, пожалуйста, ответь. Ты меня слышишь?

— …восемьдесят… Рокки! Рокки, ты?

— Я, я. Где… где ты… — Усилием воли Сирокко заставила себя успокоиться, сглотнула комок и продолжила: — Ты как? А остальных ты видела?

— Господи, капитан. Неужели все худшее уже… — Голос ее сорвался, и до Сирокко донеслось рыдание. Потом Габи разразилась бессвязным потоком слов: как она рада ее слышать, как ей было одиноко, как она думала, что только одна и выжила, пока не прислушалась к рации и не расслышала звуки.

— Звуки?

— Да-да, еще кто-то из нас жив — если это, конечно, не ты ревела.

— Я… ч-черт, ну да, я немного поревела. Наверное, это я и была.

— По-моему, нет, — возразила Габи. — Я почти уверена, что это Джин. Иногда он еще и поет. Господи, Рокки, как же я рада тебя слышать.

— Ага. И я тоже. Очень. — Ей снова пришлось перевести дыхание и расслабить руки, судорожно вцепившиеся в кольцо. Голос Габи как будто приходил в норму, а вот Сирокко оказалась на грани истерики. Не по себе ей было. Совсем не по себе.

— Со мной тут такое было, — говорила тем временем Габи. — Знаешь, капитан, ведь я умерла. И попала в рай. Причем я никогда не была религиозной, но тут…

— Габи, успокойся. Возьми себя в руки.

Какое-то время Габи молчала и шмыгала носом.

— Ничего, я сейчас, сейчас. Извини.

— Да ладно. Если тебе пришлось пережить то же, что и мне, то я тебя прекрасно понимаю. Так где ты сейчас?

Молчание, потом неожиданный смешок.

— Знаешь, тут во всей округе ни одного дорожного знака, — сказала Габи. — Ладно. Ущелье, не очень глубокое. Полно валунов, а внизу речушка. По обеим сторонам такие смешные деревья.

— Могу тебе то же самое описать. — "Та ли это лощина?" — задумалась Сирокко. — А куда ты идешь? Шаги считаешь?

— Ага. Вниз по течению. Если выберусь из этого леса, мне пол-Фемиды будет видно.

— И я о том же подумала.

— Нужна пара ориентиров, чтобы понять, по соседству мы или нет.

— Наверняка по соседству — иначе бы мы друг друга не слышали.

Габи промолчала, и Сирокко поняла свою ошибку.

— Да, верно, — сказала она. — Тут важна линия прямой видимости.

— Точно. Эти рации берут приличное расстояние. А здесь горизонт загибается кверху.

— Охотно бы поверила, если бы видела этот самый горизонт. А то место, где я сейчас, сильно смахивает на заколдованный лес поздно вечером в Диснейленде.

— Дисней покруче бы развернулся, — заметила Габи. — Было бы навалом всяких милых деталей, а с каждого дерева на тебя спрыгивало бы какое-нибудь чудо-юдо.

— Не надо про чудо-юдо. Кстати, ты ничего такого не видела?

— Видела пару насекомых. На вид они, по крайней мере, насекомые.

— А я видела стайку рыбешек. Совсем как рыбы. Да, между прочим, в воду лучше не заходи. Черт их знает, этих рыбешек.

— Я тоже их видела. Уже после того, как искупалась. И они ничего мне не сделали.

— Попадалось тебе что-нибудь такое заметное? Какой-нибудь необычный пейзаж?

— Несколько водопадов. Пара поваленных деревьев.

Оглядевшись, Сирокко описала озерцо и водопад. Габи сказала, что проходила несколько похожих мест. Наверняка речушка та же самая, — но выяснить это никак не удавалось.

— Ладно, — решила Сирокко. — Вот мы что сделаем. Когда увидишь повернутый против течения камень, поставь на нем отметку.

— Чем?

— Другим камнем. — Сирокко нашла себе орудие размером с кулак и принялась обрабатывать валун, на котором сидела. Выбила там крупную букву «С» — да так, чтобы ясно было, что это «С» выбил кто-то с руками и ногами.

— Ага, у меня уже получается.

— Ставь такую отметку каждые метров сто. Если мы на одной и той же реке и идем друг за другом, можно будет выяснить, кто где. Тогда тот, кто впереди, просто дождется того, кто сзади.

— Толково придумано. Слушай, Рокки, а насколько хватает этих батареек?

Сирокко скривила губы и почесала в затылке.

— Может, на месяц. Тут еще важно, сколько мы были… ну там, внутри. Я лично понятия не имею. А ты?

— Я тоже. Кстати, у тебя волосы есть?

— Ни волоска. — Проведя ладонью по голому скальпу, Сирокко обратила внимание, что он уже не такой гладкий. — Но они уже отрастают.

* * *

Сирокко брела вниз по течению, пристроив динамик и микрофон так, чтобы можно было все время разговаривать.

— Как вспомню про еду, так жрать хочется, — пожаловалась Габи. — А сейчас как раз вспомнила. Ты таких ягодных кустарничков еще не встречала?

Сирокко огляделась, но ничего похожего не приметила.

— Ягоды желтые, чуть меньше, чем у черешни. Я как раз одну держу. Мягкая, полупрозрачная.

— Ты что, собираешься ее съесть?

Молчание.

— Как раз хотела с тобой посоветоваться.

— Рано или поздно придется что-то попробовать. Может, от одной ягодки и не умрешь.

— Ага, не умру, — рассмеялась Габи. — Только заболею. Вот я ее раскусила. Внутри густое желе — вроде меда с ментоловым привкусом. Прямо-таки тает во рту… вот и растаяло. Кожура не такая сладкая, но я и ее съем. Может, питательная ценность именно в ней.

Если там вообще есть питательная ценность, подумала Сирокко. Действительно, чего ради здешние растения вообще должны их подкреплять? Все же Сирокко порадовалась детальному описанию ощущений при поедании ягоды. Понятно было, зачем Габи это делала. Схожие приемы использовали и команды минеров. Один оставался в стороне, пока другой докладывал по рации обо всех своих действиях. Если бомба взрывалась, оставшийся в живых получал информацию для следующей попытки.

Когда они решили, что прошло уже достаточно времени, а никаких вредных последствий не наблюдается, Габи поела еще ягод. Вскоре такой же кустарник нашла и Сирокко. Восхитительным вкусом ягоды не уступали первому глотку воды.

— Габи, я просто с ног валюсь. Интересно, сколько мы уже не спали?

Долгое молчание. Сирокко вынуждена была повторить.

— Мм? А, привет. Как я сюда попала? — Голос у Габи был слегка пьяный.

Сирокко нахмурилась.

— Куда «сюда»? Габи, что происходит?

— Я присела на минутку. Ноги очень устали. И, кажется, уснула.

— Постарайся проснуться настолько, чтобы хоть найти подходящее место. — Сама Сирокко уже осматривалась. С подходящим местом намечались проблемы. А что могло быть хуже того, чтобы спать в незнакомой местности, где придется? Наверное, только то, чтобы еще хоть минуту в этой самой местности бодрствовать.

Зайдя чуть за деревья, Сирокко поразилась, как же мягко ступать босыми ногами по траве. Совсем не то, что по камням. Вот бы славно тут на минутку присесть.

* * *

Проснувшись на той же траве, Сирокко быстро села и огляделась. Нигде ничего.

На метр вокруг того места, где она только что спала, трава побурела, высохла как сено.

Сирокко встала и невзначай взглянула на один здоровенный валун. Выискивая, где бы поспать, она приближалась к нему против течения. Те-

перь же она обошла валун кругом — и на другой его стороне увидела крупную букву "Г".

ГЛАВА V

Габи решила повернуть назад и пойти навстречу Сирокко. Та возражать не стала; мысль ей понравилась, хотя сама она никогда бы этого не предложила.

Топая вниз по течению, Сирокко теперь часто замечала оставленные Габи отметки. Раз ей пришлось сойти с песчаного берега на траву, чтобы обойти порядочную груду камней. А там, на траве, она увидела бурые овальные пятна — не иначе, отпечатки ступней. Опустившись на колени, Сирокко внимательно их рассмотрела. Трава на этих пятнах была сухая и ломкая — как и в том месте, где она спала.

— Мне тут твой след попался, — сообщила она Габи. — Ступня касалась травы на долю секунды — и все же что-то в твоем организме ее убило.

— То же самое я видела, когда проснулась, — отозвалась Габи.

— И что ты про это думаешь?

— Думаю, мы выделяем что-то очень для этой травы ядовитое. Если так, то мы наверняка пахнем очень невкусно для тех крупных животных, которые вообще-то могли бы нами заинтересо-

ваться.

— Что ж, новость хорошая.

— Не совсем. Это также может означать, что у нас совершенно иная биохимия. Еда, стало быть, может оказаться не впрок.

— С тобой не соскучишься.

* * *

— Это ты там впереди?

Сирокко прищурилась, вглядываясь сквозь бледно-желтый свет. Порядочный отрезок река бежала прямо — а как раз там, где она начинала поворачивать, виднелась маленькая фигурка.

— Ага. Если это ты там машешь руками, то это я.

Радостный вопль Габи пронзительно зазвенел в крошечном наушнике. Секунду спустя Сирокко услышала тот же вопль — слабый и далекий. Она ухмыльнулась и почувствовала, как рот расползается до самых ушей. Хотелось побежать навстречу. Сирокко понимала, что все получается как в плохом кино, — и все равно побежала. Мчалась ей навстречу и Габи — нелепо длинными прыжками из-за низкой гравитации.

Столкнулись они так крепко, что ненадолго сбили друг другу дыхание. Сирокко обняла ма-

лышку Габи и оторвала ее от земли.

— Ч-ч-черт, к-к-какая т-ты с-славная, — шептала Габи. Веко ее дергалось, а зубы стучали.

— Ну-ну, ничего, не раскисай, — утешала Сирокко, обеими руками хлопая подругу по спине. Улыбалась Габи так широко, что больно было смотреть.

— Прости, но у меня сейчас, кажется, будет истерика. Вот смехотища! — Она и впрямь рассмеялась, но смех был какой-то фальшивый и резал ухо, а вскоре перешел во всхлипы и подергивания. От объятий Габи у Сирокко трещали ребра. Вырываться Сирокко не стала, а опустилась вместе с подругой на песчаный берег и тоже прижимала ее к себе, пока крупные медленные слезы капали ей на плечи.

Сирокко не поняла, в какой момент дружеские объятия перешли в нечто большее. Все вышло постепенно. Габи долго-долго никак не могла прийти в себя, и казалось вполне естественным обнимать и гладить ее успокаивая. Потом показалось вполне естественным, что Габи тоже гладит Сирокко и что объятия их становятся все теснее. Что-то не совсем обычное Сирокко почувствовала лишь тогда, когда вдруг поняла, что целует Габи и что Габи целует ее в ответ. Она еще подумала о

том, что надо остановиться, но не захотела. Тем более что не могла понять, чьи слезы попадают ей на язык — ее или Габи.

А кроме того, до настоящего секса дело так и не дошло. Они только терлись друг о друга, целуясь взасос, — и когда пришел оргазм, то показалось, что со всем предыдущим он вроде бы и не связан. Так, по крайней мере, твердила себе Сирокко.

Когда все закончилось, кому-то нужно было заговорить первым. Сирокко решила, что самых последних событий лучше пока избегать.

— Ну как, теперь порядок?

Габи кивнула. Глаза ее все еще блестели от слез, но она уже улыбалась.

— Угу. Хотя и не всегда. Проснулась-то я с криком. И теперь просто боюсь заснуть.

— Мне это тоже радости не приносит. Н-да, а знаешь, такого уморительного чучела, как ты, я еще в жизни не видела.

— Это потому, что у тебя зеркала нет.

Габи, казалось, могла болтать часами, и ей пришлось не по вкусу, когда Сирокко высвободилась из ее объятий и встала. Они перешли на более укромное место под деревьями. Там Сирокко села спиной к стволу, а Габи пристроилась у нее под боком.

Габи заговорила о своем походе вдоль реки, но все время хотела вернуться к разговору — или, вернее, никак не могла от него уйти — от разговора о своих переживаниях в брюхе чудовища. Сирокко ее рассказ напоминал затянувшийся сон, имевший мало общего с тем, что пережила она сама. Все, впрочем, могло объясняться лишь неточностью словесного описания.

— Я тоже, как и ты, несколько раз просыпалась во тьме, — сказала Габи. — И когда просыпалась, ничего не видела, не слышала и не чувствовала. Знала только, что мне очень не хочется долго там оставаться.

— А я все возвращалась к своему прошлому. Все было так ярко и живо. Я почти… почти это ощущала.

— Я тоже, — отозвалась Габи. — Только это не было повторением. Все было по-новому.

— А ты все время знала, кто ты такая? Меня это просто измучило — то вспомню, то снова забуду. Даже не знаю, сколько раз это повторялось.

— Нет, я все время помнила, кто я. Но я страшно устала быть собой, если тебе понятно, о чем я. Возможности были так ограничены.

— Мне непонятно. Ты о чем?

Габи нерешительно развела руками. Потом

выгнулась, внимательно заглядывая Сирокко в глаза. Долго смотрела. Наконец, опустила голову и пристроила ее у Сирокко между грудей. Той стало немного не по себе, но тепло и дружеская близость были слишком приятны, чтобы от них отказываться. Взглянув на лысую макушку Габи, Сирокко едва удержалась, чтобы ее не чмокнуть.

— Я была там лет двадцать или тридцать, — тихо сказала Габи. — И не пытайся меня убеждать, что такого быть не может. Я прекрасно себе представляю, что в остальной вселенной столько времени, конечно же, не прошло. Я не сумасшедшая.

— Я и не говорю, что ты сумасшедшая. — Сирокко погладила ее по плечам, когда те стали подрагивать, и Габи успокоилась.

— Не сказала бы, впрочем, что я и не сумасшедшая. Раньше никому не приходилось баюкать меня, чтобы я не ревела. Извини.

— Ерунда, — прошептала Сирокко и вдруг поняла, что и вправду так думает. Еще она поняла, как, оказывается, просто и естественно нашептывать своей подруге на ухо слова утешения. — Пойми, Габи, такое никто из нас без нервов пройти не мог. Я сама часами ревела. И билась в истерике. Если такое случится снова и я себе не смогу по-

мочь, я хочу, чтобы ты обо мне позаботилась.

— Я обязательно позабочусь. Ты не волнуйся. — Габи как будто немного расслабилась.

— Реальное время на самом деле не важно, — сказала она под конец. — Важно только внутреннее время. А по этим часам я была там многие годы. Я поднималась в рай по какой-то чертовой стеклянной лестнице, и каждую ступеньку помню не хуже таблицы умножения. До сих пор вижу, как мимо проносятся облака, и слышу, как пятки скрипят по стеклу. Рай этот был совершенно голливудский — с алым ковром на последних трех-четырех километрах, златыми вратами почище небоскребов и всякими крылатыми личностями. А самое интересное — я в него не верила и в то же время верила. Понимаешь? Я знала, что сплю, знала, что все это нелепо, — и в конце концов этот рай так мне осточертел, что сам собой куда-то убрался.

Она зевнула и тихонько рассмеялась.

— Зачем я тебе все это рассказываю?

— Может, чтобы от этого избавиться. Теперь полегче?

— Ага. Немножко.

Потом Габи долго молчала, и Сирокко решила было, что она уснула, но оказалось, что нет. Габи

заворочалась, еще теснее прижалась к Сирокко и снова заговорила.

— У меня было время взглянуть на себя со стороны, — начала она, слегка глотая слова. — И я себе не понравилась. Тогда я призадумалась о своей жизни. Раньше меня это не беспокоило.

— А что в тебе было не так? — спросила Сирокко. — Лично мне ты вроде как нравилась.

— Правда? Не знаю чем. Ну да, конечно, голова из-за меня ни у кого особенно не болела. Я сама о себе заботилась. Но что еще? Чего во мне было хорошего?

— Ты очень здорово справлялась с работой. Мне от тебя больше ничего и не требовалось. По работе ты самая лучшая — иначе бы тебя в эту команду не выбрали.

Габи вздохнула.

— Ну да. Только что-то не греет. Понимаешь, чтобы добиться таких результатов в работе, я пожертвовала чуть ли не всем, что делает человека человеком. Я же говорю, у меня там настоящая переоценка ценностей вышла.

— И что ты решила?

— Во-первых, я завязываю с астрономией.

— Да ты что?

— Нет, правда. Да и что в ней теперь толку?

Нам отсюда уже не выбраться — а на звезды с Фемиды не посмотришь. Все равно мне пришлось бы искать другое занятие. И потом — ведь не так сразу все решилось. Времени для раздумий было даже больше, чем нужно. Знаешь, ведь у меня в целом свете нет любимого человека! Даже друга или подруги!

— Я твоя подруга.

— Нет. Я не о такой дружбе говорю. Люди уважали меня за мою работу, мужчины желали меня ради моего тела. Но я никогда не могла завести друга — даже в детстве. Того, перед кем можно душу раскрыть.

— Это не так сложно.

— Надеюсь. Потому что теперь я стану совсем другой. Я хочу показать людям, какая я на самом деле. Причем впервые — потому что я сама себя только теперь по-настоящему узнала. И я хочу любить. Хочу о ком-то заботиться. И похоже, это ты. — Она подняла голову и нежно улыбнулась Сирокко.

— Ты о чем? — спросила Сирокко и слегка нахмурилась.

— Странное чувство. — Габи снова положила голову ей на грудь. — Но я сразу все поняла — как только тебя увидела. По-моему, я тебя люблю.

Сирокко ненадолго совсем проглотила язык, затем натужно рассмеялась.

— А по-моему, девочка, ты все еще в голливудском раю. Любви с первого взгляда не бывает. На это нужно время. Слышишь, Габи? Ты меня слышишь?

Но Габи то ли правда уснула, то ли очень искусно притворялась. Тогда Сирокко устало запрокинула голову.

— Час от часу не легче, — выдохнула она.

ГЛАВА VI

Разумно было бы, конечно же, установить дежурство. Силясь проснуться, Сирокко недоумевала, почему на Фемиде ей так редко удается принимать разумные решения. Придется приспосабливаться к этому непривычному безвременью. Нельзя же топать и топать, пока не свалишься.

Габи спала совсем по-детски, сунув большой палец в рот. Сирокко попыталась встать так, чтобы ее не потревожить, но не получилось. Габи застонала, потом открыла глаза.

— Интересно, кто из нас голоднее, — дико зевая, пробормотала она.

— Сложно сказать.

— Как думаешь, это из-за ягод? Может, от них никакого и толку-то нет.

— Так сразу не скажешь. Но ты вон туда посмотри. Вот это завтрак так завтрак.

Габи посмотрела, куда указывала Сирокко. Ниже по течению речушки на водопой заявилось животное. Не успели они толком его разглядеть, как оно подняло голову и тоже на них посмотрело. Их разделяло метров двадцать. Сирокко

приготовилась ко всему.

— Шестиногий кенгуру, — констатировала Габи. — И без ушей.

Точнее было не сказать. У сплошь покрытого короткой шерстью животного имелись две крупные задние ноги — хотя и не такие развитые, как у кенгуру. Четыре передние заметно уступали задним. Шерсть была светло-зеленая с желтым. О самообороне *лжекенгуру* как будто особенно не заботилось.

— Хорошо бы взглянуть на его зубы. Наверняка хоть что-то бы прояснилось.

— А по-моему, самое умное — свалить отсюда ко всем чертям, — сказала Габи. Потом вздохнула, внимательно осмотрелась и, прежде чем Сирокко успела ее остановить, направилась к животному.

— Габи, не смей, — прошипела Сирокко, стараясь не спугнуть *лжекенгуру*. Теперь она заметила в руке у Габи камень.

Странное существо снова подняло голову. Морда его при любых других обстоятельствах могла показаться уморительной. Круглая голова без малейших намеков на нос или уши — только два больших грустных глаза. Но рот выглядел так, будто животное зажало там басовую гармонику.

Вдвое шире остальной головы — и словно растянут в дурашливой ухмылке.

Вдруг существо оторвало от земли все четыре передние лапы и подскочило метра на три. Габи от неожиданности подскочила еще покруче — и едва успела отчаянно извернуться в воздухе, что-бы не приземлиться на задницу. Подскочив к ней, Сирокко попыталась отобрать камень.

— Пойдем, Габи, не так уж это и нужно.

— Тихо, — сквозь стиснутые зубы процедила Габи. — Ведь я это и для тебя делаю. — Она вырвала руку и бросилась вперед.

Существо к тому времени сделало всего два прыжка — но каждый на добрых восемь-девять метров. Теперь оно стояло смирно, приземлив четыре передние лапы и опустив голову. Щипало травку.

Когда Габи подобралась на два метра, животное снова подняло голову и мирно посмотрело на женщину. Никакого страха оно, похоже, к ней не испытывало и, даже когда к Габи присоединилась Сирокко, спокойно продолжало щипать травку.

— Неужели ты думаешь…

— Тсс! — Габи колебалась один только миг, а потом шагнула к своей жертве. Короткий замах, сильный удар по макушке — и резкий скачок

назад.

Животное как-то странно кашлянуло, зашаталось и рухнуло набок. Потом, лишь раз дрыгнув лапами, замерло.

Некоторое время они просто смотрели, что будет. Затем Габи подошла и ткнула животное ногой. Оно не шевельнулось, и Габи опустилась рядом на колени. Размером существо было с небольшую лань. Сирокко тоже присела на корточки и, борясь с тошнотой, стала разглядывать добычу. Габи тяжело дышала.

— Как ты думаешь, оно сдохло? — спросила она.

— Вроде бы да. Как-то все не по делу. Тебе не кажется?

— Не кажется. Все путем.

Габи вытерла мокрый лоб, а затем стала методично колотить животное камнем по голове, пока не хлынула алая кровь. Сирокко передернулась. Бросив камень, Габи вытерла руки о бедра.

— Ну вот. А теперь, если ты сумеешь набрать сухого хвороста, мне, быть может, удастся развести костер.

— И как ты собираешься его развести?

— Увидишь. Только дрова раздобудь.

* * *

Уже собрав пол-охапки хвороста, Сирокко вдруг остановилась и стала прикидывать, когда же это Габи успела начать раздавать команды.

— Надо же, а в теории все казалось так славно, — хмуро заметила Габи.

Сирокко с остервенением рванула шмат красного мяса, упорно не желавший отставать от кости.

Габи уже битый час потела с деталью своего скафандра и камнем, который, как она надеялась, был кремнем, но который на деле никаким кремнем не оказался. Сирокко же тем временем успела навалить славную кучу сухого хвороста, раздобыть что-то очень похожее на мох, а также острым краем кольца от шлема аккуратно настругать лучинок. Таким образом, все необходимые ингредиенты костра у них уже были. Кроме искры.

За прошедший час отношение Сирокко к убийству Габи претерпело революционные перемены. К тому времени, как животное было освежевано, а Габи уже трижды плюнула на свой костер, Сирокко ясно поняла, что сожрет это сочное мясо сырым — сожрет как миленькая, да еще большое

спасибо скажет.

— Судя по этой твари, на нее тут охотников нет, — с набитым ртом промычала Сирокко. Мясо оказалось даже лучше, чем она рассчитывала, хотя щепотка соли не помешала бы.

— Да, по ее поведению непохоже, — согласилась Габи. Сидя на корточках по ту сторону трупа, она посматривала, что творится у Сирокко за спиной. То же самое делала и Сирокко.

— Тогда, может статься, и нас тут некому будет стрескать.

Обед чересчур затянулся из-за долгого пережевывания. Усердно жуя, подруги тем временем разглядывали труп. Для неискушенного глаза Сирокко животное казалось не особенно примечательным. Вот будь тут Кельвин, он наверняка бы чего-нибудь углядел. А так… Мясо, шкура, кости и шерсть по цвету и фактуре вроде бы совершенно обычные. Даже пахло все вполне нормально. Хотя некоторые органы Сирокко опознать не смогла.

— Шкура может пригодиться, — заметила Габи. — Из нее наверняка выйдет одежда.

Сирокко поморщилась.

— Если хочешь ее носить, на здоровье. Только она наверняка очень скоро завоняет. К тому же

здесь пока что и без всякой одежды тепло.

Неразумным казалось оставлять позади большую часть туши, но они решили, что другого выхода нет. Обе вооружились крупными костями от задних ног, и Сирокко вырубила хороший шмат мяса, пока Габи нарезала полосок из кожи, чтобы связать вместе все кольца от скафандра. Смастерив себе неказистый ремень, она подвесила к нему связку. Затем они снова пустились вниз по течению.

* * *

Им попадались еще лжекенгуру — как поодиночке, так и группами по три или шесть голов. Были там и другие животные, помельче, стремительно шнырявшие по стволам деревьев, и еще одни, предпочитавшие держаться поближе к водяной кромке. Подойти к любому из них было легче легкого. Непоседливые древесные зверьки, когда их с трудом, но все-таки удалось разглядеть, оказались без голов. Голубые короткошерстные шарики с расположенными по окружности шестью когтистыми лапками, они с одинаковой легкостью двигались в любом направлении. Рты у них находились снизу, в самом центре правильной звезды из лапок.

Местность постепенно менялась. Теперь попадались не только все новые виды животных, но и все новые формы растительной жизни. Под пологом леса Сирокко и Габи брели сквозь бледно-зеленый свет, считая сотню тысяч шагов за полные сутки.

Счет шагам они, к сожалению, вскоре потеряли. Могучие незатейливые деревья сменились доброй сотней различных пород, да еще тысячью всевозможных цветковых кустарников, стелющихся побегов и паразитарных наростов. Неизменными оставались только речушка, их единственный проводник, да еще упорная склонность деревьев Фемиды к гигантизму. В национальном парке «Секвойя» любое из них стало бы главной достопримечательностью и приманкой для туристов.

Тишина вокруг уже не царила. За первые сутки своего похода Сирокко и Габи слышали только шорох собственных шагов и стук колец от скафандров. Теперь леса вовсю трещали, щебетали и тявкали.

Когда остановились на привал, мясо показалось еще вкуснее, чем раньше. Сирокко жадно рвала его зубами, сидя спина к спине с Габи у шишковатого ствола гигантского дерева. Дерево

это было куда теплее, чем вообще-то положено нормальному дереву, с мягкой корой и корнями, что сплетались в узлы размером с порядочный дом. Верхние его ветви терялись в немыслимом сплетении над головой.

— Могу спорить, что на этих деревьях живности еще больше, чем на земле, — сказала Сирокко.

— Глянь-ка вон туда, — указала Габи. — По-моему, те побеги явно кто-то сплел. Видишь, снизу вода просачивается?

— Вот еще что стоит обсудить. Как насчет разумных форм жизни на Фемиде? Как их распознать? Ведь отчасти поэтому я и пыталась помешать тебе убить то животное.

Габи задумчиво чавкала.

— А что, сперва надо было с ним заговорить?

— Да знаю, знаю. Куда больше я боялась, что оно возьмет да отхватит тебе сразу оба копыта. Но теперь, когда мы знаем, насколько оно безобидно, может, нам все-таки стоит попробовать именно это. В смысле, заговорить.

— Ты что, серьезно? Да рядом с этой тварью даже корова — Эйнштейн. Ты ей в глаза посмотри.

— Н-да, похоже, ты права.

— Нет, это ты права. В смысле, права я, но ты права, что нам надо поаккуратнее. Мне страшно

не хочется жрать того, с кем вообще-то надо бы разговаривать. Ба! Это уже что-то новенькое.

Лес вдруг переменился. Куда-то подевались все звуки. Мертвую тишину нарушали теперь только негромкий плеск воды и шорох листьев. Затем, нарастая так медленно и незаметно, что Габи и Сирокко показалось, будто они уже несколько минут его слышали, прежде чем различить, по лесу разнесся чудовищный стон.

Бог мог бы так стонать, лишись Он вдруг всего, что когда-то любил, и имей Он горло, подобное органной трубе в тысячу километров длиной. Звук продолжал нарастать на одной ноте, странным образом поднимаясь от самых нижних уровней человеческого восприятия. Этот звук Сирокко и Габи ощущали и в животах, и позади глаз.

Казалось, он заполнил собой всю вселенную — и тем не менее все усиливался и рос. Вот присоединилась струнная группа: виолончели и бас-гитары. Поверх этой могучей тональной основы ложилось ультразвуковое шипение обертонов. Оркестр все набирал и набирал мощь, когда громче, казалось, уже невозможно.

Сирокко была убеждена, что череп ее вот-вот треснет. И уже едва помнила о цепляющейся за нее Габи. С отвисшими челюстями они тара-

щились на сыплющийся сверху дождь мертвых листьев. Потом, изгибаясь и отскакивая от веток, вниз полетели мелкие зверьки. Земля в ответ принялась подрагивать. Ей явно хотелось рассыпаться на куски и взлететь в воздух. Пылевой смерч нерешительно покружил рядом, затем разбился на куски о ствол дерева, под которым сжались в один комок Сирокко и Габи. Обломки веток хлестали их, будто наказывая.

Над головой непрерывно трещало, а ветер начал доставать до самой земли. В самую середину речки рухнула массивная ветвь. К тому времени весь лес уже качался, скрипел и словно протестовал: треск ружейных выстрелов и скрежет ржавых гвоздей, которые клещами выдергивают из дубовых досок!

Наконец бешенство все-таки достигло своего предела — и на нем задержалось. Внизу скорость ветра была километров шестьдесят в час. Наверху он метался намного страшнее. Сирокко и Габи, оставаясь под защитой корней дерева, следили за свирепствующей вокруг бурей. Чтобы расслышать друг друга в басовом вое, приходилось кричать.

— Как ты думаешь, почему все так мгновенно развернулось?

— Понятия не имею, — завопила в ответ Габи. — Локальный нагрев или охлаждение, сильное колебание атмосферного давления. Не знаю я, в чем тут дело.

— По-моему, самое страшное уже позади. Эй, у тебя зубы стучат!

— Я уже не боюсь. Это от холода.

Сирокко тоже мерзла. Температура резко падала. В считанные минуты тропический климат сменился прохладой, а вскоре установилось что-то около нуля. С дующим под шестьдесят километров ветром двум голым землянкам стало совсем не до шуток. Они еще тесней прижались друг к другу, но холод коварно проникал со спины.

— Найти бы хоть какое убежище! — провыла Сирокко.

— Хорошо бы, но какое?

Ни той, ни другой не хотелось лишаться того, пусть жалкого, убежища, которое у них уже было. Они попытались набросать друг на друга комьев земли и сухих листьев, но ветер мигом все сдул.

Когда обе уже не сомневались, что околеют тут до смерти, ветер вдруг утих. Причем не постепенно, а сразу — будто его отключили. В ушах у Сирокко дико зазвенело. Она ничего не слышала

— пока, рискуя вывихнуть челюсти, не зевнула.

— Ё-моё. Слышала о перепадах давления — но не о таких.

Лес снова затих. Затем Сирокко обнаружила, что, если прислушаться повнимательнее, можно различить исчезающий призрак того, что раньше было стоном. И, слушая этот звук, Сирокко еще сильнее задрожала — но вовсе не от холода. Никогда она не считала себя наделенной излишне богатым воображением, но стон этот, несмотря на всю свою вселенскую необъятность, звучал как-то очень по-человечески. Ей вдруг захотелось лечь и умереть.

— Не спи, Рокки. Нам тут опять гостинец.

— Что там еще? — Открыв глаза, она увидела, как в воздухе, поблескивая под бледным светом, крутится тонкая белая пыль.

— Похоже, снег.

Чтобы ноги совсем не онемели, они в предельном темпе двинулись дальше, и Сирокко сразу поняла, что единственное их спасение — в недвижном воздухе. Он был холоден; даже земля разнообразия ради стала студеной. Сирокко двигалась словно под наркотиком. Просто черт знает что. Ведь она капитан звездолета; как же она дошла до жизни такой? Какого черта она

тащится невесть куда в метель — да еще голая, как порнозвезда?

Но снег оказался недолгим. Когда его уже насыпалось на несколько сантиметров, снизу вдруг стало нагнетаться тепло, и он мигом растаял. Скоро и в воздухе потеплело. Поняв, что они, по крайней мере, не околеют от холода, подруги подыскали себе местечко потеплее и заснули как убитые.

* * *

Проснувшись, они первым делом выяснили, что шмат мяса пахнет уже далеко не так аппетитно, как прежде. Ремень Габи тоже порядком смердел. Тогда они выбросили всю гниль подальше и выкупались в речушке. Потом Габи уложила еще одно лжекенгуру — которых они, кстати, уже привыкли звать смехачами. Охота вышла еще проще, чем в первый раз.

Этот завтрак придал Сирокко и Габи бодрости, которую они тут же подкрепили некоторыми менее экзотическими из имевшихся в великом изобилии фруктов. Сирокко особенно понравился комковатый персик с мякотью как у дыни. На вкус же дынный персик был в точности как острый сыр чеддер.

Чувствовала Сирокко себя так, будто может топать хоть круглые сутки, — но вскоре выяснилось, что топать особенно некуда. Речушка, их единственная до той поры путеводная нить, исчезала в здоровенной дыре у подножия холма.

Они с Габи стояли на краю дыры и глазели вниз. Бурлило там примерно как в сливном отверстии ванны, но изредка раздавался сосущий звук, за которым неизменно следовала утробная отрыжка. Сирокко все это сильно не понравилось, и она отошла от края.

— Может, я спятила, — сказала она, — но мне вот что пришло на ум: не тут ли у той твари, что нас сожрала, водопой?

— А почему бы и нет? Только нырять туда, чтобы проверить твою теорию, я не собираюсь. Ну, куда теперь?

— Черт его знает.

— Мы могли бы вернуться туда, откуда пришли, и подождать там. — Но Габи и сама явно не горела этой идеей.

— Проклятье! Я не сомневалась, что, если подальше зайти, непременно найдешь местечко, откуда можно оглядеться. Ты ведь не думаешь, что по всей внутренней стороне Фемиды — один большой тропический лес?

Габи пожала плечами.

— Не знаю. Мало информации.

Сирокко усиленно шевелила мозгами. Габи явно ждала от нее решения.

— Ладно. Значит, так. Сперва мы залезем на этот холм и поглядим, что там дальше. А потом, если ничего толкового там не окажется, я бы хотела забраться на одно из этих деревьев. Может, если залезть повыше, что-нибудь разглядим. Как ты считаешь, получится?

Габи внимательно осмотрела ствол.

— С такой гравитацией — нет проблем. Только никакой гарантии, что удастся высунуть голову наружу.

— Знаю. Ладно, полезли на холм.

Холм был круче всей той местности, которую они уже прошли. Попадались участки, где взбираться приходилось на всех четырех точках, — там впереди шла Габи, имевшая больше опыта в скалолазании. Помимо опыта, Габи была миниатюрней, проворней и гибче Сирокко. Вскоре та почувствовала, что каждый месяц разницы в возрасте висит на ней тяжким грузом.

— Ох, ни хрена себе! Ты только глянь!

— Что там такое? — Сирокко была в нескольких метрах позади. Подняв голову, она, естественно,

узрела только задницу Габи — причем в весьма необычном и интересном ракурсе. Как странно, подумалось ей, что на всех членов команды мужского пола она уже давно насмотрелась в неглиже, — а вот для того, чтобы увидеть голую Габи, пришлось оказаться на Фемиде. Какая же она странная без волос!

— Наконец-то мы нашли себе славную точку обзора, — сказала Габи, оборачиваясь и протягивая Сирокко руку.

На гребне холма плотными рядами росли деревья, величиной, впрочем, далеко уступавшие тем, что остались позади. Ни одно из них, густо оплетенных вьющимися побегами, не было выше десяти метров.

Сирокко намеревалась забраться на холм, чтобы выяснить, что там на другой стороне. Теперь она это выяснила. Другой стороны у холма просто не было.

Габи стояла в нескольких метрах от края утеса. А Сирокко с каждым шагом открывалась все более широкая и захватывающая перспектива. Когда она встала рядом с Габи, склон утеса по-прежнему был ей виден, — но теперь она отчасти представляла себе и глубину разверзшейся дальше пропасти. Пропасть эта измерялась кило-

метрами. У Сирокко аж дух захватило.

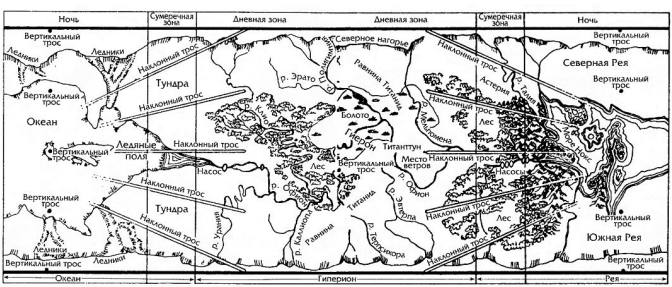
Они стояли у края обода — и через всю ширь Фемиды глядели на другую ее сторону. Где-то далеко виднелась тончайшая тень, вполне способная быть близнецом того утеса, на котором они стояли. Выше той линии лежала зеленая земля, что пропадала в белом, затем в сером и, наконец, — пока взгляд Сирокко следовал по пологому склону до полупрозрачного участка в крыше: — переходящая в ослепительную желтизну.

Потом глаза ее вернулись к изгибу отдаленного холма. Ниже земля была еще зеленей — белые же облака где окутывали ее, а где вздымались даже выше их наблюдательной площадки. Все было как если смотреть с горной вершины на Землю, — за исключением одного. Земля казалась ровной только впереди — но не справа и не слева.

Там она закруглялась. Сирокко охнула и выгнула шею, пытаясь выровнять боковой пейзаж, пытаясь не дать тем краям угрожающе над нею возвыситься.

Дыхание перехватило. Она замахала руками, удерживая равновесие, потом опустилась на четвереньки. Подползая все ближе к пропасти, Сирокко продолжала смотреть налево. Там, далеко-далеко, лежала страна теней, казавшаяся

ей наклоненной вбок. В ночи там поблескивало темное море — море, которое невесть почему не выходило из берегов и не изливалось прямо на Сирокко. По ту сторону моря была еще одна светлая область вроде той, что лежала прямо внизу, уменьшающаяся на расстоянии. Дальше обзор закрывала висящая над головой крыша, которая, казалось, прежде чем слиться с землей, раздувается. Сирокко понимала, что это всего лишь иллюзия перспективы; в действительности крыша там должна располагаться на той же высоте, что и та, где теперь стоит она.



Они оказались на самом краю одной из областей непрерывного дня. Справа от Сирокко землю накрывала расплывчатая линия раздела — далеко не столь резкая и отчетливая, как при взгляде на планету из космоса, — образующая сумеречную зону километров тридцать-сорок шириной. По ту сторону сумеречной зоны царила ночь — но не кромешный мрак. Там плескалось громадное море, вдвое больше того, что лежало в другой стороне, — словно залитое ярким лунным светом. Искрилось оно подобно бриллиантовой равнине.

— Не оттуда ли дует ветер? — спросила Габи. — Похоже на то, если только изгиб реки нас не развернул. По-моему, не развернул. А вон там вроде бы лед.

Сирокко согласилась. Полоса льда прерывалась там, где море сужалось до пролива, в конце концов становясь рекой, что бежала прямо перед глазами и впадала в другое море. Местность там была гористая, неровная как стиральная доска. Сирокко никак не могла взять в толк, как реке удается пробиться через горы, чтобы соединиться с морем на другой стороне. И опять решила, что ее дурачит перспектива. В гору вода не потечет — даже на Фемиде.

По ту сторону льда лежала еще одна дневная область — заметно ярче и желтее всех остальных, — похожая на пустыню. Чтобы туда добраться, пришлось бы пересечь замерзшее море.

— Три дня и две ночи, — заметила Габи. — Все точно по теории. Я же говорила, что из любой точки нам будет видна половина внутренней части Фемиды. Чего я не взяла в расчет, так это вон те штуковины.

Указующий перст Габи привел взгляд Сирокко к целой группе чего-то наподобие тросов, что брали начало на лежащей внизу земле и под углом доходили до самой крыши. Три таких троса располагались перед ними почти в линию, так что передний частично скрывал два остальных. Сирокко и раньше их замечала, но до поры до времени выбрасывала из головы, считая, что так сразу все не осмыслить. Теперь она пригляделась к ним пристальнее — и сразу помрачнела. Подобно подавляющему большинству фемидских атрибутов, тросы были колоссальными.

Ближайший вполне мог служить образцом для всех остальных. Находясь от него километрах в пятидесяти, Сирокко ясно видела, что сделан этот трос из по меньшей мере сотни свитых воедино жил. А толщиной каждая жила была

метров 200–300. Дальнейшие детали терялись на расстоянии.

Все три троса из одного ряда шли круто вверх над замерзшим морем, поднимаясь километров на 150, прежде чем присоединиться к крыше в том месте, которое, как уже знала Сирокко, было не иначе как одной из спиц, видимой изнутри. Там образовывалось коническое устье наподобие колокола, которое все расширялось, чтобы слиться, наконец, с крышей и сделаться как бы ограждениями краев обода.

Слева от Сирокко располагались еще три троса, но эти шли вертикально вверх до сводчатого потолка, а потом, судя по всему, пронзали его и шли дальше. За ними были еще ряды наклонных тросов, тянувшихся к устью спицы — той, которая, по прикидке Сирокко, находилась над морем в горах.

В местах присоединения тросов к земле они как бы тянули ее за собой, возводя широкие в подножиях холмы.

— Совсем как цепи у висячего моста, — заметила Сирокко.

— Согласна. Даже думаю — по сути так и есть. И башни для поддержки не нужны. Тросы можно закрепить в центре. Вся Фемида — круглый

висячий мост.

Сирокко подползла еще ближе к краю. Высунув голову, она осмотрела двухкилометровый отрезок до земли.

Обрыв был настолько близок к перпендикуляру, насколько это вообще возможно для неровного поверхностного образования. Только у самого дна, сливаясь с землей, он расползался в пологий скат.

— Надеюсь, ты не собираешься туда слезть? — спросила Габи.

— Вообще-то я уже об этом подумала, но особого желания не испытываю. Да и чем там будет лучше? Здесь мы, по крайней мере, точно сможем выжить. — Тут Сирокко осеклась. Неужели такова будет теперь их цель?

Если уж выбирать, она, не задумываясь, предпочла бы обустроенной жизни любую авантюру — если для обустроенной жизни предполагается возвести хижину из жердей и сесть на диету из овощей и сырого мяса. От таких радостей она бы за месяц свихнулась.

А расстилавшаяся внизу страна была воистину прекрасна. Вот немыслимо крутые горы и рассыпанные меж них сияющие алмазы голубых озер. Вот волнующиеся степи, густые леса,

а дальше к востоку — нависающее над землей полночное море. Страна эта могла таить в себе неведомые опасности — но Сирокко неудержимо туда влекло.

— Мы могли бы слезть вон по тем побегам, — заметила Габи, тоже подползая к краю и указывая на возможную линию спуска.

Весь двухкилометровый вертикальный срез был изъеден растительностью. Джунгли сползали с края утеса подобно застывшему потоку. Массивные деревья росли прямо на голых скалах, цепляясь за них почище морских рачков. Сама скала проглядывала лишь местами — но даже и там все казалось вовсе не безнадежным.

На вид скала представляла собой базальтовое образование — плотный пучок кристаллических колонн с широкими шестиугольными платформами в тех местах, где колонны были обломаны.

— Вполне осуществимо, — заключила Сирокко. — Конечно, легким и безопасным спуск не будет. Для того чтобы к нему приступить, нужны будут веские причины. — "А не просто безотчетный порыв оказаться внизу", — добавила она про себя.

— Но и здесь торчать мне тоже неохота, — ухмыльнулась Габи.

— Вот все вопросы и улажены, — послышался сзади чей-то негромкий голос.

Все мышцы Сирокко натянулись как струны. Закусив губу, она заставляла себя отползать помедленнее — пока не оказалась на безопасном расстоянии от края.

— Да здесь я, наверху. Давно вас дожидаюсь.

На ветви дерева метрах в трех от земли, весело болтая босыми ногами, сидел Кельвин Грин.

ГЛАВА VII

Не успела Сирокко опомниться, как они уже уселись в кружок, и Кельвин приступил к своему рассказу.

— Вылез я рядом с той дырой, где исчезает река, — начал он. — Семь суток назад. А вас услышал на вторые сутки.

— Почему же ты не откликнулся? — спросила Сирокко.

Кельвин указал на остатки своего шлема.

— Микрофон-то тю-тю, — объяснил он, извлекая оборванный проводок. — Я мог только слушать, но не передавать. Я ждал. Ел фрукты. Убить хоть кого-то из животных я просто не смог. — Он развел руками.

— А как ты узнал, что ждать надо именно здесь? — поинтересовалась Габи.

— Да не знал я этого.

— Ладно, — сказала Сирокко. Потом шлепнула себя по бедрам и рассмеялась. — Да. Подумать только! Мы уже почти потеряли надежду еще кого-то найти — и вдруг натыкаемся на тебя. Просто не верится. Правда, Габи?

— А? Ну да, конечно. Просто класс.

— И я, ребята, очень рад вас видеть. Уже пять суток вас слушал. Так приятно слышать знакомый голос.

— А что, уже столько времени прошло?

Кельвин похлопал по приборчику у себя на запястье. У него сохранились электронные часы.

— Идут железно, — сказал он. — Вот вернемся — непременно отпишу благодарность на часовой завод.

— Отпиши ее лучше изготовителю стального браслета, — посоветовала Габи. — У моих был кожаный ремешок.

Кельвин кивнул.

— Непременно. Между прочим, они стоят больше, чем я интерном за месяц зарабатывал.

— Все равно не верится, что прошло столько времени. Мы только три раза и поспали.

— Знаю. У Билла и Август те же проблемы с оценкой времени.

Сирокко вскинула голову.

— Билл и Август живы?

— Ага. Я и их слушал. Они там, внизу. Могу показать место. У Билла рация целая, как и у вас обеих. А у Август — только приемник. Билл

выбрал ориентиры и стал рассказывать, как его можно найти. Двое суток он просидел на одном месте, и Август довольно быстро его отыскала. Теперь они регулярно кличут остальных. Но Август зовет только Апрель и без конца плачет.

— Бог ты мой, — выдохнула Сирокко. — Неудивительно. А ты не знаешь, где Апрель и Джин?

— Джина я, кажется, один раз слышал. Он ревел как белуга. Наверное, тогда же его и Габи слышала.

Хорошенько поразмыслив, Сирокко нахмурилась.

— Почему же тогда Билл нас не слышал? Раз он слушал.

— Тут, должно быть, проблемы с линией прямой видимости, — объяснил Кельвин. — Утес все перекрывал. Я единственный, кто слышал обе группы, но ничего не мог поделать.

— Но значит, теперь он нас услышит, если…

— Да не волнуйся ты так. Сейчас они спят и тебя не услышат. Эти наушники — один писк комариный. Часов чёрез пять-шесть они должны проснуться. — Он перевел взгляд с Сирокко на Габи и обратно. — Кстати, и вам, ребята, самое умное тоже будет поспать. Вы уже двадцать пять часов топаете.

На сей раз Сирокко охотно ему поверила. Она чувствовала, что только от волнения не отрубается. Но веки сами слипались. Еще чуть-чуть — и готово.

— Ну, а ты-то как, Кельвин? У тебя что же, все как по маслу?

Он удивленно приподнял брови.

— Ты о чем?

— Сам знаешь о чем.

Кельвин замкнулся в себе.

— Это я не обсуждаю. Совсем.

Сирокко не склонна была давить. Настроение у Кельвина было самое мирное — будто он вдруг оказался с чем-то в ладах.

Габи, дико зевая, встала и потянулась.

— Я на боковую, — заявила она. — Как ты думаешь, Рокки, где бы тут прилечь?

Кельвин тоже поднялся.

— У меня уже приготовлено местечко, — сообщил он. — Тут, на дереве. Вы можете там устроиться, а я останусь здесь и послушаю Билла.

На дереве оказалось птичье гнездо, сплетенное из прутиков и лозы. Кельвин устлал его чем-то пушистым. Места хватало, но Габи решила прижаться потеснее — как они делали раньше. Сирокко задумалась, не пора ли положить этому

конец, но потом решила, что пока без разницы.

— Рокки?

— Что?

— Ты смотри остерегайся его.

Пришлось вернуться с самого порога сна.

— К-кого? Кельвина?

— С ним что-то не то.

Сирокко скосила на Габи воспаленный глаз.

— Слушай, Габи. Спи-ка ты лучше. — Она потянулась и шлепнула подругу по заднице.

— Нет, ты остерегайся, — сонно пробормотала Габи.

* * *

"Хоть бы как-то отличать утро от вечера, — зевая, подумала Сирокко. — Куда как легче было бы вставать. Петуха бы какого-нибудь — или пусть бы солнечные лучи падали под другим углом".

Габи все еще спала рядом. Сирокко высвободилась из ее объятий и встала на широкой ветви дерева.

Кельвина поблизости не наблюдалось. Завтрак был на расстоянии вытянутой руки — лиловый фрукт с ананас размером. Сирокко сорвала его и съела вместе с кожурой. Потом полезла наверх.

Это оказалось проще, чем она думала. Сирок-

ко поднималась в таком же темпе, как если бы взбиралась по веревочной лестнице. Тут стоило добрым словом помянуть и четверть жэ, и идеальное для лазанья дерево — куда удобнее всех тех, что она излазила лет примерно с восьми. Там, где не хватало сучков, отличные зацепки давала бугристая кора. Правда, Сирокко добавила к своей коллекции несколько новых ссадин, но такую цену она охотно готова была платить.

Впервые со своего прибытия на Фемиду она была по-настоящему счастлива. Сирокко не брала в расчет встречи с Габи и Кельвином, ибо там оказывалось слишком много эмоций на грани истерики. А сейчас ей было просто здорово.

— Черт, а ведь очень давно так не было, — пробормотала Сирокко. Мрачностью она никогда не отличалась. На борту «Укротителя» выпадали славные деньки, но такой безудержной радости не было. Припоминая, когда же такое случалось в последний раз, Сирокко решила, что в тот день, когда она узнала, что после семилетних попыток наконец получает под свою команду корабль. Воспоминание вызвало улыбку; вечеринка тогда удалась на славу!

Но вскоре Сирокко отбросила в сторону все мысли и дала себе всецело слиться с движением.

Она ощущала каждую свою мышцу, каждый сантиметр своей кожи. В лазании по дереву нагишом была какая-то удивительная свобода. Раньше нагота связывалась для нее с конфузом и опасностью. Теперь она ее обожала. Голыми пятками Сирокко ощущала грубую опору ствола и надежную податливость ветвей. Ей хотелось заверещать почище Тарзана.

Приблизившись к вершине, она вдруг услышала какой-то странный звук. Из-за плотной завесы желто-зеленой листвы несколькими метрами выше ее время от времени доносился отчетливый хруст.

Двигаясь дальше все осторожнее, Сирокко поднялась на горизонтальную ветвь и бочком стала подбираться к открытому пространству.

Перед ней оказалась синевато-серая стена. Сирокко представления не имела, что бы это могло быть. Хруст снова раздался, уже громче и чуть выше. Мимо пролетел ворох обломанных веток. А потом, совершенно внезапно, перед ней возник глаз.

— Мама! — вырвалось у Сирокко, прежде чем она успела наглухо закрыть рот. Миг спустя, сама не зная как, она уже оказалась в трех метрах оттуда, подпрыгивая в такт с веткой дерева и все

таращась на чудовищный глаз. Влажно поблескивающий, метра полтора в поперечнике — и поразительно человеческий.

Глаз моргнул.

Тонкая мембрана сократилась сразу по всем сторонам, как диафрагма у фотоаппарата, затем, буквально в мгновение ока, снова разъехалась.

Сломя голову Сирокко ринулась вниз. Всю дорогу она дико вопила и даже не заметила, где ободрала колено. Габи уже проснулась и держала наготове увесистую бедренную кость.

— Вниз, вниз! — заорала Сирокко. — Там черт знает что. Такая тварь, что ей это дерево как зубочистка. — Последние восемь метров она пролетела и приземлилась на четыре точки. Только намылилась было вниз по склону холма, как напоролась на Кельвина.

— Ты что, не слышишь? Сваливаем отсюда! Там такое…

— Да знаю, знаю, — взялся успокаивать ее Кельвин. — Я все про него знаю, и тебе нечего бояться. Просто у меня не было времени рассказать. Вы слишком быстро уснули.

Какой-то пар Сирокко выпустила, но далеко не успокоилась. Просто жутко было скопить столько нервной энергии и не дать ей выхода. Ноги

сами рвались бежать. И тогда она напустилась на Кельвина.

— Мать твою, Кельвин! Засранец, ты не нашел времени рассказать про такое! Ну живо! Кто оно и что ты про него знаешь?

— На нем мы спустимся с утеса, — сказал Кельвин. — Его зовут… — он сложил губы в трубочку и просвистел три звонкие ноты с трелью на конце —…но с нашим языком это не очень вяжется. Я зову его Свистолетом.

— Ты зовешь его Свистолетом, — тупо повторила Сирокко.

— Ну да. Он пузырь.

— Пузырь.

Кельвин как-то странно на нее взглянул, и Сирокко заскрипела зубами.

— Он больше похож на дирижабль, но он не дирижабль, потому что не имеет жесткого скелета. Сейчас я его позову, и ты сама убедишься. — Приложив два пальца к губам, он просвистел длинный и замысловатый мотив с необычными музыкальными паузами.

— Он его зовет, — сказала Сирокко.

— Слышала, — отозвалась Габи. — Как ты?

— Нормально. Только скоро, кажется, поседею.

Сверху донеслась ответная серия трелей, затем

несколько минут ничего не происходило. Они ждали.

Наконец слева в поле зрения начал вплывать Свистолет. Располагаясь в 300–400 метрах от края обрыва, он двигался параллельно ему, но даже с такого расстояния видна была только его часть. Свистолет казался твердым синевато-серым занавесом, который постепенно заслонял им обзор. Наконец Сирокко заметила глаз. Кельвин снова засвистел — и глаз, какое-то время бесцельно покрутившись, в конце концов их нашел.

— У него слабое зрение, — пояснил Кельвин.

— Тогда лучше бы держаться от него подальше. Где-нибудь в соседнем округе.

— Этого будет недостаточно, — возразила потрясенная Габи. — Он тебя и в соседнем округе ненароком задницей заденет. Надо мотать в соседний штат.

Нос уже исчез, а Свистолет все продолжал скользить мимо. Скользить. Мимо. Все мимо и мимо. Все скользить, и скользить, и скользить. Казалось, ему конца не будет.

— Куда он собрался? — спросила Сирокко.

— Ему нужно время, чтобы остановиться, — объяснил Кельвин. — Скоро он развернется как надо.

Сирокко и Габи наконец присоединились к Кельвину на краю обрыва, не желая упустить деталей захватывающего действа.

От начала до конца пузырь по имени Свистолет составлял добрый километр. И для полного сходства с увеличенной копией германского цеппелина «Гинденбург» ему не хватало только свастики на хвосте.

Впрочем, нет, решила Сирокко. Не только. Воздушные корабли составляли ее хобби, она даже активно участвовала в проекте НАСА по сооружению одного дирижабля размером почти со Свистолет. И, тесно сотрудничая с инженерами проекта, достаточно близко познакомилась с чертежами LZ-129.

Форма была та же самая: вытянутая тупоносая сигара, суживающаяся почти до острия на корме. Внизу даже болталось что-то вроде гондолы, хотя заметно ближе к корме, чем у «Гинденбурга». Цвет был совсем не тот — и фактура поверхности тоже. Не просматривалось никакой связующей конструкции; Свистолет был гладким, как старые дирижабли Гудериана. Только теперь, на свету, Сирокко заметила, что поверхность пузыря маслянистая и что поверх основного синевато-серого тона он переливается всеми цветами радуги.

А еще у «Гинденбурга» не было шерсти. А у Свистолета была — по всему поперечному брюшному гребню. Гуще она росла в середине, а ближе к краям оставалась лишь скудная синеватая поросль. Под центральным узелком, или гондолой, или как там это называлось, висел пучок нежных щупалец.

Наконец — глаза и хвостовые плавники. Заметив один боковой глаз, Сирокко решила, что должны быть еще. Вместо четырех несущих поверхностей у Свистолета были всего три — две горизонтальные и одна рулевая. Сирокко видела, как все три гнутся, пока чудовищный пузырь пытался развернуться к ним носом, одновременно убирая назад половину своей длины. Плавники были тонкими и прозрачными, как крылья махового порхача О'Нила, а гибкостью не уступали медузе.

— И ты… гм, ты с этой дулей общаешься? — спросила она у Кельвина.

— Очень даже. — Доктор радостно улыбался пузырю. Таким счастливым Сирокко его никогда не видела.

— Значит, язык выучить несложно?

Кельвин помрачнел.

— Нет, не сказал бы.

— Ты здесь уже… сколько? Семь суток?

— Я же сказал — я знаю, как с ним разговаривать. И еще кучу всякой всячины про него знаю.

— Так как же ты это узнал?

Вопрос Кельвина явно озадачил.

— Когда проснулся, я уже все знал.

— Как-как?

— Просто знал — и точка. Когда я впервые его увидел, я уже все про него знал. Когда он ко мне обратился, я понял. Просто, как дважды два.

Про себя Сирокко не сомневалась, что никакие тут не дважды два. Но Кельвин явно не жаждал дальнейших расспросов.

Добрый час ушел на то, чтобы Свистолет как следует развернулся, а затем аккуратно пододвинул свой нос к самому краю обрыва. В течение всей операции Габи и Сирокко понемногу пятились назад. Малость полегчало, когда они увидели его рот. Это оказалась метровая прорезь в двадцати метрах над передним глазом — смехотворно маленькая для существа Свистолетовых габаритов.

Немного ниже рта было еще отверстие — сфинктер — служившее одновременно клапаном для сброса избыточного давления и свистком.

Изо рта вылезло что-то твердое и продолгова-

тое — и потянулось к земле.

— Пойдемте, — поманил их Кельвин. — Пора на борт.

Ни Габи, ни Сирокко даже в голову не приходило воспользоваться подобным транспортом. Они лишь немо вытаращились на Кельвина. Тот сначала казался раздосадованным, затем снова заулыбался.

— Понимаю, вам трудно поверить, но это правда. Я действительно знаю про него массу вещей. И уже катался. Свистолет прекрасно слушается; кроме того, ему все равно по пути. И он абсолютно безвреден. Ест только растения — да и то совсем немного. Много ему нельзя, иначе он потеряет высоту. — Кельвин поставил ногу на непомерно длинные сходни и направился ко входу.

— А что это за штука, по которой ты идешь? — поинтересовалась Габи.

— Пожалуй, ее можно назвать языком.

Габи закатилась явно фальшивым хохотом, который вскоре перешел в кашель.

— А не слишком ли это того… в смысле — этого? Мать твою, Кельвин! Ведь ты стоишь на языке этой адской махины и любезно предлагаешь мне пройти к ней в рот! И что там дальше — глотка? А на конце глотки — ну, пусть не желудок, но нечто

со сходными функциями. И для тех замечательных соков, которые начнут нас там обволакивать, у тебя тоже будет наготове удобное объяснение!

— Габи, клянусь, он безвреден как…

— Нет уж, спасибо! — заверещала Габи. — Может, я и дура, но все-таки не настолько! Чтобы я сама, по доброй воле, вошла в пасть вонючего монстра? Ну и козел же ты, Кельвин! Ты сам-то хоть понимаешь, о чем просишь? Меня тут недавно уже один раз жрали. И второй раз этих радостей я не хочу!

Она уже дико визжала, вся тряслась, а лицо ее побагровело. Сирокко готова была подписаться под каждым словом Габи — но лишь на уровне эмоций. И потому поставила ногу на язык. Он оказался теплым, но сухим. Обернувшись к Габи, она протянула руку.

— Идем, подружка. Я ему верю.

Габи перестала трястись и потрясенно уставилась на Сирокко.

— Ты ведь меня не бросишь?

— Конечно нет. Ты полетишь с нами. Мы должны спуститься к Биллу и Август. Идем, где же твоя отвага?

— Так нечестно, — захныкала Габи. — Я не трусиха. Только об этом меня не проси.

— И все-таки я прошу. Единственный способ одолеть страх — это встретить его лицом к лицу. Идем.

Габи еще долго мялась. А потом расправила плечи и пошла — будто на эшафот.

— Только ради тебя, — заявила она. — Потому что я тебя люблю. Я не должна с тобой расставаться — даже если это будет значить гибель для нас обеих.

Кельвин как-то странно взглянул на Габи, но промолчал. Пройдя через рот, они оказались в узкой полупрозрачной трубке с тонким полом и совсем тонким потолком. Прогулка вышла долгая.

В середине живого корабля оказалась объемистая сумка, на которую Сирокко обратила внимание еще снаружи. Размеры этой сумки из плотного, прозрачного вещества составляли сто метров на тридцать, а на дне ее лежал слой перемолотой древесины и листьев. Компанию трем землянам там составили небольшие животные: несколько смехачей, целая коллекция более мелких видов и буквально тысячи крошечных гладкокожих существ не крупнее землеройки. Подобно всем прочим фемидским животным, зверьки эти не обратили на новых пассажиров

ни малейшего внимания.

Видно было сразу во все стороны, и Сирокко заметила, что они уже успели немного отплыть от края обрыва.

— Интересно, — полюбопытствовала Сирокко, — если это не Свистолетов желудок, то что же это такое?

Кельвин смутился.

— А я и не говорил, что это не желудок. Мы как раз на пище и стоим.

Габи взвыла и рванулась было туда, откуда пришла, но Сирокко успела удержать ее за руку. Потом она опять взглянула на Кельвина.

— Ну да, — продолжил тот. — Свистолет может переваривать только с помощью этих зверьков. Он ест их, так сказать, конечный продукт. А для нас его пищеварительные соки не вреднее слабого чая.

— Слышишь, Габи? — прошептала Сирокко в самое ухо подруге. — Все будет хорошо. Не бойся, девочка, не бойся.

— С-слышу. Не сердись. Но мне все равно страшно.

— Знаю. Давай-ка, соберись с духом и выгляни. Это тебя отвлечет. — Вместе они подтащились к прозрачной стенке желудка. Это было вроде

ходьбы по батуту. Весь полет Габи провела, прижавшись к стенке лицом и ладонями, жалобно всхлипывая и неподвижно таращась в никуда. Сирокко оставила ее там и вернулась к Кельвину.

— Ты бы с ней поаккуратнее, — тихо сказала она. — То время во тьме особенно сильно на нее подействовало. — Тут она с прищуром на него взглянула. — Впрочем, я почти ничего не знаю про тебя.

— Со мной все в порядке, — отозвался Кельвин. — Я просто не желаю говорить о своей жизни до перерождения. Вот и все.

— Забавно. Габи сказала почти то же самое. А у меня все по-другому.

Кельвин пожал плечами, ясно давая понять, что ни мнение Габи, ни мнение Сирокко его не интересуют.

— Ладно. Черт с тобой. Буду благодарна, если просто расскажешь, что тебе известно. А если не хочешь говорить, как ты это узнал, то и не надо.

Кельвин подумал и кивнул.

— Быстро обучить тебя их языку не получится. Там все строится на тоне и длительности. Да и мне самому доступна лишь сокращенная версия, основанная на воспринимаемых человеческим

ухом нижних тонах.

Пузыри бывают самые разные — от десятиметровых до таких, что еще крупнее Свистолета. Нередко они путешествуют косяками; кстати, и у Свистолета есть спутники, которых ты пока что не видела, потому что они оставались по другую сторону. Вот некоторые из них.

Он ткнул пальцем в сторону ловко маневрирующей стайки из шести двадцатиметровых пузырей. Напоминали они гигантских рыбин. Сирокко слышала пронзительные свистки.

— Пузыри дружелюбны и весьма разумны. Естественных врагов у них нет. Из пищи они получают водород и держат его под небольшим давлением. В качестве балласта они могут брать воду. Когда нужно подняться, сливают ее, а когда нужно спуститься, выпускают из клапана водород. Шкура у них крепкая, но если она рвется, пузырь, как правило, погибает.

Пузыри не очень маневренны. С трудом управляют плавниками и очень долго стартуют. Иногда нарываются на огонь. Если не удается увернуться, взрываются как бомбы.

— А что здесь делает столько животных? — спросила Сирокко. — Неужели все они нужны для переваривания пищи?

— Нет. Только те маленькие, желтенькие. Они могут есть только то, что для них приготовит пузырь. Нигде, кроме как в его желудке, ты их не увидишь. А все остальные — вроде нас. Пассажиры-попутчики.

— Не понимаю. Пузырю-то это зачем?

— Здесь не просто симбиоз, а симбиоз в сочетании с разумным выбором и желанием сделать приятное. Раса Свистолета сотрудничает с другими расами — с титанидами, в частности. Он оказывает услуги, и ему в ответ…

— С титанидами?

Кельвин неуверенно улыбнулся и развел руками.

— Этим словом я заменяю тот свист, который использует Свистолет. Я плохо справляюсь со сложными описаниями и потому лишь туманно представляю себе титанид. Уловил я только, что они шестиногие и все поголовно женского пола. Поэтому я их титанидами и назвал. В греческой мифологии так именовались титаны-женщины. Я тут и еще кое-чему названия дал.

— Например?

— Областям, рекам и горным хребтам. Географические районы я назвал в честь титанов.

— Как? Ах да, теперь припоминаю. — Конечно

же, у Кельвина бзик на мифологии. — Так кто там были эти титаны?"

— Сыновья и дочери Урана и Геи. Гея возникла из Хаоса. Она дала жизнь Урану, сделала его равным себе, и они вместе произвели на свет титанов — шесть мужчин и шесть женщин. Местные дни и ночи я назвал в их честь, раз уж тут шесть дней и шесть ночей.

— Если ты всем ночам дал имена женщин, то я уж как-нибудь постараюсь придумать свои названия.

Кельвин улыбнулся.

— Нет-нет. Ничего подобного. Все достаточно произвольно. Вон там, позади, замерзший океан. Ему явно подобает быть Океаном. Так я его и назвал. Страна, над который мы сейчас летим, — это Гиперион, а та, что впереди, где горы и неправильной формы море, — это Рея. Если стоять в Гиперионе лицом к Рее, то север от тебя по левую руку, а юг — по правую. Дальше просто идешь по кругу. Большинство этих районов я, как ты понимаешь, не видел, но знаю, что они там есть. Итак, по очереди: Крий, который ты как раз можешь видеть, дальше Феба, Тефида, Тейя, Метида, Дионис, Япет, Кронос и Мнемосина. Мнемосина видна тебе по ту сторону Океана. Вон там, сзади.

Она сильно смахивает на пустыню.

Сирокко мучительно пыталась уложить новые названия в голове.

— Всего мне никогда не запомнить.

— Всего и не надо. Пока что важны только Океан, Гиперион и Рея. Вообще-то здесь на самом деле не все имена титанов. Один из титанов — Фемида, и я решил, что это запутало бы дело. Ну и еще… — Застенчиво улыбаясь, он отвернулся. — Еще одного титана я просто не смог вспомнить. Тогда я взял Метиду, богиню мудрости, и Диониса.

Сирокко такие подробности мало волновали. Названия были удобны и, в своем роде, систематичны.

— Догадываюсь насчет рек. Тоже мифология?

— Ага. Я выбрал девять самых крупных рек в Гиперионе — где их, как ты сама видишь, навалом — и назвал их именами девяти муз. Вон там, на юге, соответственно, Урания, Каллиопа, Терпсихора и Эвтерпа. Полигимния течет в сумеречной зоне и впадает в Рею. А вон та на северном склоне, текущая с востока, — Мельпомена. Ближе к нам лежат Талия и Эрато, которые, похоже, образуют единую систему. А та, вдоль которой вы шли, — это приток Клио, той, что сейчас почти под нами.

Приглядевшись, Сирокко заметила вьющуюся через густой зеленый лес синюю ленточку, проследила весь ее путь до лежащего позади утеса — и раскрыла рот от удивления.

— Так вот куда девается та речушка, — пробормотала она.

А речушка, как выяснилось, дугой вылетала из отвесного склона примерно в полукилометре под ними. Метров пятьдесят она казалась твердой и блестящей, будто из металла, — пока не начинала рассеиваться. Рассеивалась же она стремительно — и земли достигала уже в виде густого тумана.

Вылетало из утеса и еще с добрый десяток водяных фонтанов — хотя и не таких близких и эффектных. Непременным спутником каждого оказывалась богатая радуга. С того места, откуда наблюдала Сирокко, радуги эти выстраивались будто крокетные воротца. Красиво было до жути. Просто дух захватывало!

— Хотела бы я получить тут концессию на торговлю видовыми открытками, — пошутила Сирокко.

Кельвин рассмеялся.

— Ага. Ты торгуешь пленкой для камер, а я продаю билеты на обзорные экскурсии. Идет?

Сирокко оглянулась на все еще примерзшую к

стенке Габи.

— Реакция публики будет неоднозначной. Хотя лично мне нравится. А как называется вон та большая река? Та, куда впадают все остальные?

— Офион. Громадный змей северного ветра. Если приглядишься, то увидишь, что он вытекает из небольшого озерца в сумеречной зоне между Мнемосиной и Океаном. Это озеро должно иметь источник, и я подозреваю, что сам Офион и течет туда под землей — только мы не видим где. А в остальном он открыто течет до самых морей и вытекает из них с другой стороны.

Сирокко проследила всю замысловатую траекторию и убедилась, что Кельвин прав.

— Думаю, географ указал бы тебе, что не может одна и та же река одновременно и впадать в море, и из него вытекать, — сказала она. — Но я понимаю, что эти правила установлены для земных рек. Ладно, назовем его круговой рекой.

— А вон там сейчас Билл и Август, — заметил Кельвин, указывая. — Примерно на полпути по Клио, где третий приток…

— Билл и Август. Мы, кажется, собирались с ними связаться. Но из-за всей этой суматохи с пузырем…

— Я воспользовался твоей рацией. Они уже

проснулись и ждут нас. Если хочешь, можешь с ними поговорить.

Сирокко взяла у Габи кольцо от шлема с рацией.

— Билл, ты меня слышишь? Это Сирокко.

— А? Да-да, я тебя слышу. Как ты?

— Лучше не бывает. Лечу в желудке у пузыря. А ты как? У тебя нормально прошло? Не ранен?

— Нет, все замечательно. Знаешь, я хотел… хотел сказать тебе, что страшно рад тебя слышать.

По щеке у Сирокко поползла слеза, и она смахнула ее ладонью.

— А тебя-то как приятно слышать, Билл. Когда ты вылетел в то окно… а, черт! Ведь ты наверняка не помнишь.

— Я очень многого не помню, — сказал Билл. — Потом нужно будет многое прояснить.

— Умираю, хочу тебя видеть. На тебе есть волосы?

— Уже по всему телу растут. Знаешь, это лучше оставить на потом. Нам нужно о многом переговорить — тебе, мне, Кельвину и…

— Габи, — отважилась Сирокко после какой-то слишком уж долгой паузы.

— Габи, — не очень уверенно повторил Билл. — Понимаешь, меня тут кое-что смущает. Но ничего,

разберемся.

— У тебя правда все хорошо? — Сирокко вдруг стало зябко, и она потерла ладонями предплечья.

— Да-да. А когда ты прибудешь?

Сирокко спросила у Кельвина. Тот просвистел короткий мотивчик. Откуда-то сверху донесся другой похожий мотивчик.

— Вообще-то у пузырей нет четкого представления о времени, — сказал Кельвин. — По-моему — еще три-четыре часа.

— Ну и авиакомпания! Даже времени не узнать.

ГЛАВА VIII

Для уединенных размышлений Сирокко выбрала передний конец гондолы (хотя от слова «желудок» было никак не отвязаться). Габи все еще цепенела от ужаса, а с Кельвином — после того, как он выложил все, что знал о Свистолете, — разговора не получалось. Он упорно не желал говорить о том, что Сирокко особенно хотелось узнать.

Поручня тут явно не хватало. Стенка гондолы была прозрачна до самого пола, который также был бы прозрачен, не покрывай его плотный ковер полупереваренных веток и листвы. Но зрелище и так завораживало.

Свистолет пролетал над густыми джунглями, очень похожими на те, что Сирокко и Габи уже проходили. Тут и там виднелись кляксы озер. И буквально всю местность оплетала река Клио — широкая, желтая, неторопливая, — похожая на блестящую веревку, невзначай брошенную на землю.

Чистота и прозрачность воздуха потрясала. Над Реей клубились облака, у северного берега моря

сгущавшиеся в грозовые тучи, но Сирокко видно было поверх них. Видно было до самых пределов Фемиды — в обе стороны.

У ближайшего к Свистолету подвесного троса на разных высотах парил косяк крупных пузырей. Сирокко не могла понять, что они там делают, но решила, что едят. Трос был столь массивен, что на нем запросто росли деревья.

Внизу прямо перед собой Сирокко видела громадную тень, что отбрасывал Свистолет. Чем ниже они опускались, тем больше становилась тень. Четыре часа спустя она уже казалась необъятной, хотя пузырь по-прежнему парил над верхушками деревьев. Сирокко недоумевала, как же Свистолет собирается их высадить, если во всей округе — ни единой мало-мальски подходящей для него поляны.

Потом Сирокко вдруг потрясенно поняла, что у поворота реки, на западном берегу, ей машут руками две крошечные фигурки. Сильно сомневаясь, что им ее видно, она помахала в ответ.

— Так как же мы спустимся? — полюбопытствовала она у Кельвина.

Тот помрачнел.

— Я не был уверен, что это вам придется по вкусу. Потому и не торопился рассказывать. Но

беспокоиться совершенно не о чем. Мы парашютируемся.

Сирокко поначалу никак не отреагировала, и Кельвину заметно полегчало.

— Дело верное, — добавил он. — Раз плюнуть. Безопасность гарантируется.

— Угу. Знаешь, Кельвин, я вообще-то обожаю прыгать с парашютом. По-моему, классная забава. Только я привыкла сама проверять и паковать свой парашют. Еще мне, как правило, желательно знать, кто его сделал и достаточно ли он хорош. — Она огляделась. — Поправь меня, если я ошибаюсь, но, по-моему, здесь на борту нет ни парашютов, ни мастерской по их пошиву.

— У Свистолета есть парашюты, — сказал Кельвин. — И безотказные.

Сирокко опять промолчала.

— Я прыгну первым, — убедительно продолжил доктор. — Сама все и увидишь.

— Угу. А что, Кельвин, никакого другого способа нет?

— Почему нет? Свистолет может доставить вас на равнины — это километрах в ста к востоку. Но обратно придется добираться через болота.

Сирокко взглянула на землю, на самом деле ее не видя. Потом медленно, глубоко вдохнула и так

же медленно выдохнула.

— Ладно. Показывай свои парашюты. — Подойдя к Габи, она обняла ее за плечи, нежно оттянула от стенки и отвела в хвост гондолы. Габи была послушна как малый ребенок. Плечи ее подергивались, а все тело била мелкая дрожь.

— Собственно, показать я их не могу, — сказал Кельвин. — Пока не прыгну. Они получаются, только когда выбрасываешься. Вот смотрите.

Протянув руку, он ухватил добрую пригоршню болтающихся белых усиков. Усики натянулись. Кельвин принялся разделять их, пока не получилась редкая сетка. Ткань усиков была вроде патоки, но держала форму, пока ее не тянули.

Кельвин просунул одну ногу в отверстие сетки, затем другую. Когда он натянул сетку на бедра, получилось что-то вроде плотной корзины. Затем он просунул обе руки в другие отверстия и стал тянуть, пока все его тело не оказалось завернуто в кокон.

— Прыгать тебе уже приходилось — значит, техника знакома. А плаваешь ты хорошо?

— Лучше всех. Особенно когда тону. Габи? А ты хорошо плаваешь?

Та не сразу сообразила, о чем ее спрашивают, затем в измученных глазах блеснуло понимание.

— Я? Плаваю? Конечно. Как рыба.

— Вот и хорошо, — обрадовался Кельвин. — Следите внимательно и потом делайте как я. — Стоило ему свистнуть, как в полу прямо у его ног растянулась дыра. Кельвин сделал всем ручкой, ступил на край дыры — и камнем туда ухнул. Правда, при четверти жэ все выглядело не так стремительно, но, подведи прыгуна неопробованный парашют, прикинула Сирокко, отбивная из него вышла бы не хуже, чем на Земле.

За Кельвином, будто паучьи нити, потянулись стропы. Затем мимо мелькнул какой-то плотный бледно-голубой комок. Зрительницы едва успели перевести взгляды вниз, как вдруг что-то затрещало, захлопало — это парашют раскрылся и хватанул воздух. Радостно махая им рукой, Кельвин плыл вниз.

По сигналу Сирокко Габи натянула снаряжение. Ей так хотелось поскорее смыться из пузыря, что она прыгнула раньше, чем Сирокко успела все как следует проверить.

"Что ж, два из трех есть", — подумала Сирокко и сунула ногу в третий комплект сеток. Теплые, эластичные, волокна удобно облегали тело.

Прыжок вышел самый обычный — если на Фемиде вообще что-то бывало обычным. На фоне

желтого неба раскрылся голубой кружок парашюта. Он казался меньше, чем следовало, но этого, очевидно, вполне хватало при низкой гравитации и высоком давлении. Подтягивая нужные стропы, Сирокко держала путь к берегу реки.

Приземлилась она на ноги и быстро высвободилась из снаряжения. Сирокко стояла по колено в воде и разглядывала идущего к ней Билла. Трудно было не расхохотаться. Билл удивительно напоминал синеватого ощипанного цыпленка с короткой щетиной едва ли не по всему телу.

Чтобы не разразиться диким смехом, Сирокко приложила обе руки ко лбу и усиленно растирала пушистые виски. Но чем ближе Билл подходил, тем шире она ухмылялась.

— Ну как, ты меня такой помнишь? — спросила она.

— Нет. Сейчас ты лучше. — Последние несколько шагов Билл буквально пролетел. Потом обнял ее, и они поцеловались. Сирокко не плакала, даже и не хотела, хотя счастье и переполняло ее сверх всякой меры.

* * *

С помощью одних лишь колец от скафандров Билл и Август за считанные дни сотворили на-

стоящие чудеса. Две хижины они уже отстроили; у третьей, правда, были всего две стены и полкрыши. Материалом служили плетенки из веток, обмазанные глиной. Наклонные крыши были крыты тростником.

— Сделали что могли, — сказал Билл, показывая Сирокко хижины. — Я подумал было о саманных постройках, но выяснилось, что солнце не успевает высушить глину. А эти защищают от ветра и, в общем-то, от дождя.

Внутри хижины были два на два метра и устланы толстым слоем сухой соломы. Сирокко, правда, не могла там выпрямиться, но протестовать и не думала. Сон под крышей — одно это уже дорого стоило!

— Третью хижину мы к вашему прибытию закончить не успели, — продолжал Билл. — Но если вы трое поможете, то хватит и одного дня. Габи, вот эта — для вас с Кельвином. Мы с Сирокко займем вон ту. Раньше там спала Август, но теперь она говорит, что хочет новую. — Кельвин и Габи дружно молчали, но Габи подбиралась поближе к Сирокко.

Август выглядела просто ужасно. С тех пор как Сирокко последний раз ее видела, она постарела минимум лет на пять и превратилась в настоя-

щий скелет с запавшими глазами и трясущимися руками. В ней явно чего-то не хватало — как будто добрую ее половину взяли да и отхватили.

— Поохотиться нам сегодня не удалось, — говорил тем временем Билл. — Слишком увлеклись постройкой нового дома. Август, ты не знаешь, там вчерашних остатков не хватит?

— По-моему, хватит, — ответила она.

— Может, похлопочешь?

Август побрела прочь. Поймав взгляд Сирокко, Билл нахмурился и сокрушенно покачал головой.

— Про Апрель совсем ничего? — тихо спросил он.

— Совсем. И про Джина тоже.

— Даже не знаю, что с ней теперь будет.

* * *

После трапезы все под руководством Билла взялись заканчивать третью хижину. Уже имея опыт строительства двух предыдущих, Билл довел процесс едва ли не до совершенства. Работа была не тяжелая, но страшно нудная; они запросто ворочали здоровенные бревна, но тратили кучу времени на то, чтобы перепилить даже самые мелкие. Соответственно и результаты труда

получались довольно неказистые.

Когда закончили, Кельвин занял предназначенную ему хижину, а Август перешла в новую. Габи выглядела совсем растерянной. В конце концов ей удалось выдавить, что она пока погуляет по округе и вернется только через несколько часов. С несчастным видом она побрела прочь.

Билл и Сирокко глядели друг на друга. Наконец Билл пожал плечами и кивнул в сторону оставшейся хижины.

Внутри, испытывая некоторую неловкость, Сирокко села. Ей хотелось задать столько вопросов, но она не знала, с чего начать.

— Как у тебя прошло? — наконец спросила она.

— Если ты о времени между столкновением и пробуждением здесь, то я тебя разочарую. Совсем ничего не помню.

Протянув руку, она осторожно погладила его лоб.

— И никаких головных болей? А головокружения? Надо бы Кельвину тебя осмотреть.

Билл нахмурился.

— Меня ранило?

— Да. И скверно. Все лицо у тебя было в крови, и ты потерял сознание. Только это я за считанные

секунды и успела заметить. Но мне показалось, что у тебя пробита голова.

Билл коснулся своего лба, пробежал пальцами по вискам и затылку.

— Ничего такого не прощупывается. И синяков никаких не было. Знаешь, Сирокко, я…

Она положила руку ему на колено.

— Зови меня Рокки, Билл. Наверное, только из твоих уст меня эта кличка и не доставала.

Он помрачнел и отвернулся.

— Хорошо, Рокки. Я вот о чем хотел с тобой поговорить. Дело даже не в том… темном периоде, как его называет Август. Ведь я не только его не помню. У меня и о многом другом представление крайне туманное.

— Например?

— Например — где я родился, сколько мне лет, где я вырос и в какую школу ходил. Я представляю себе лицо моей матери, но не помню, как ее зовут, и не знаю, жива она или умерла. — Он потер лоб.

— Она жива и здорова. А живет в Денвере — где ты, между прочим, и вырос, — негромко сказала Сирокко. — Так, по крайней мере, было, когда она приглашала нас на твое сорокалетие. Зовут ее Бетти. Мы все ее очень любили.

Биллу вроде бы полегчало, но затем он снова

повесил голову.

— Полагаю, это должно что-то значить, — сказал он. — Ее я все-таки запомнил, потому что она для меня важна. И тебя я тоже запомнил…

Сирокко заглянула ему в глаза.

— Но забыл, как меня зовут. Кажется, ты именно в этом никак не можешь мне признаться?

— Ага. — Билл совсем стушевался. — Вот чертовщина, правда? Август сказала мне твое имя, но не сообщила, что я звал тебя Рокки. Кстати, очень милое прозвище. Мне нравится.

Сирокко рассмеялась.

— Всю свою взрослую жизнь я пыталась от него избавиться, но вся таю, когда мне его нашептывают в самое ухо. — Она взяла его за руку. — Что ты еще про меня помнишь? Помнишь, что я была капитаном?

— Да, конечно. Даже помню, что ты была первой женщиной, под чьим началом я служил.

— В невесомости, Билл, неважно, кто у кого под началом.

— Но я вовсе не это… — Поняв, что Сирокко шутит, Билл улыбнулся. — Насчет этого я тоже, между прочим, сомневался. Мы вообще-то… в смысле, мы?..

— Трахались, что ли? — Она покачала головой

— но не отрицая сказанное, а просто от удивления. — Как кошки. При каждом удобном случае. С тех самых пор, как я прекратила доставать Джина с Кельвином и заметила, что лучший мужчина на борту — мой старший механик. И знаешь, Билл, ты не обижайся, но мне даже нравится, что ты так себя держишь.

— Как "так"?

— Ну, что ты никак не мог заставить себя спросить, были мы… "в интимной близости" или нет. — Паузу перед "интимной близостью" она выдержала самую что ни на есть театральную и стыдливо опустила глаза. Билл рассмеялся. — Ты был точно таким же, когда мы только познакомились. Застенчивым. Похоже, теперь все как бы начнется снова, с самого начала. А в самом начале всегда все как-то по-особенному, правда? — Подмигнув ему, Сирокко подождала приличествующее время. Когда же Билл никак не отреагировал, она сама подошла к нему и прижалась потеснее. Ничего удивительного для нее тут не было; в тот первый раз ей тоже пришлось самой открыть свои чувства.

Когда поцелуй прервался, Билл оглядел ее и улыбнулся.

— Я хотел сказать, что люблю тебя. А ты меня

всю дорогу перебиваешь.

— Этого ты раньше никогда не говорил. Быть может, тебе не стоит связывать себя обещаниями, пока память окончательно не вернется?

— Думаю, раньше я просто не понимал, что люблю тебя. Кроме того… все, с чем я остался, было твое лицо и это чувство. Я в него верю. И знаю, что говорю.

— Гм. Очень мило. А ты, случайно, не помнишь, что за этим обычно следует?

— Уверен, немного практики — и все вернется.

— Тогда тебе, кажется, снова пора послужить под моим началом.

Все вышло еще восхитительнее, чем в первый раз, — без той неловкости, что обычно этому сопутствует. Сирокко обо всем на свете забыла. Освещения хватало как раз на то, чтобы видеть лица друг друга, а гравитации — как раз на то, чтобы превратить соломенную подстилку в мягчайшие шелковые перины.

Безвременье этого долгого дня имело отдаленное отношение к неизменному свету Фемиды. Сирокко уже не требовалось никакое другое место; ей не хотелось никуда идти. Нет, никогда и ни за какие коврижки.

* * *

— Самое время закурить, — сказал Билл. — Вот бы сигаретку.

— Ага, и чтобы непременно стряхивать на меня пепел, — поддразнила Сирокко. — Пакостная привычка. А мне бы малость кокаина. Только он сгинул вместе с кораблем.

— Ничего, можешь завязать.

Билл до сих пор был в ней. Сирокко вспомнила, как ей это нравилось на «Укротителе». Лежать и ждать — а ну как сейчас опять все по-новой. У Билла обычно так и получалось.

Но на сей раз ощущения были не те.

— Знаешь, Билл, мне уже не очень приятно.

Он приподнялся на руках.

— Что, принцессу донимает горошина? Если хочешь, могу лечь снизу.

— Да нет, милый, горошина тут ни при чем. Все куда проще. Боюсь, ты сейчас с любым наждаком посостязаешься.

— А ты, думаешь, нет? Просто мне хватает такта, чтобы об этом промолчать. — Он перекатился набок и просунул руку ей под плечи. — Странно, что я несколько минут назад этого и не заметил.

Сирокко рассмеялась.

— Даже отрасти ты шипы, несколько минут назад я бы и этого не заметила. Но, если честно, хочется поскорей отрастить волосы. Ужасно по-дурацки себя чувствую. Да и чертовски неудобно.

— Думаешь, тебе хуже всех? Я-то ими с головы до ног обрастаю. Ощущение такое, будто блохи по всему телу кадриль пляшут. Извини, я малость почешусь. — Этим он и занялся, а Сирокко помогла ему со спины. — А-а-а! У-у-у! Я тут случайно не говорил, что люблю тебя? Идиот, я и понятия не имел, что такое любовь! Вот теперь я знаю.

В этот самый момент в дверь вошла Габи.

— Извини, Рокки, но я тут подумала насчет парашютов. Может, они на что сгодятся? А то один уже уплыл по реке.

Сирокко быстро села.

— И что с ними делать?

— Ну не знаю. Мало ли.

— Знаешь что, Габи… хотя, конечно. Ты права.

— Я просто подумала, что это хорошая мысль. — Глядя на пол, Габи поковыряла его ногой и только затем посмотрела на Билла. — Ну… ладно. Я подумала, может… удастся кое-что для тебя смастерить. — И она выскочила из хижины.

Билл сел и уперся локтями в колени.

— Я не слишком мудрено все это истолковал?

Сирокко вздохнула.

— Боюсь, что нет. С Габи будут проблемы. Понимаешь, она тоже вбила себе в голову, что меня любит.

ГЛАВА IX

В каком это смысле "до свиданья"? Куда ты собрался?

— Я уже все обдумал, — тихо ответил Кельвин. Потом снял свои часы и отдал их Сирокко. — Вот, возьми. Вам они будут нужнее.

Сирокко уже готова была взорваться от негодования.

— И это все объяснения? "Я уже все обдумал"! Черт возьми, Кельвин, нам надо держаться вместе! Мы по-прежнему одна экспедиция, а я пока еще твой капитан. Мы должны вместе работать на общее спасение.

Кельвин слегка улыбнулся.

— И что нам нужно для этого делать?

Сирокко подумала, что лучше бы он этого вопроса не задавал.

— У меня еще не было времени разработать подходящий план, — туманно объяснила она. — Но что-то мы наверняка сможем сделать.

— Когда что-нибудь надумаешь, дай мне знать.

— Я приказываю тебе остаться вместе со всеми.

— Но как ты думаешь меня удержать, если я все-таки решу уйти? Свяжешь? А сколько сил будет тратиться на то, чтобы меня сторожить? Если держать меня здесь, я окажусь в пассиве. А если уйду — наверняка в активе.

— Как это — "в активе"?

— Так это. У пузырей налажена связь по всей Фемиде. Они всегда полны новостей; здесь все к ним прислушиваются. Если я тебе зачем-то понадоблюсь, я смогу вернуться. Тебе нужно всего-навсего выучить несколько несложных вызовов. Свистеть умеешь?

— Прекрати, — раздраженно махнула рукой Сирокко. Потом, усиленно потирая ладонью лоб, заставила себя успокоиться. Если она хочет его удержать, надо убеждать, а не рявкать приказы.

— Я все-таки не понимаю, почему ты хочешь уйти. Тебе так с нами плохо?

— Ну… не так уж. Но мне было лучше одному. Здесь слишком напряженная атмосфера. И недоброжелательства хватает.

— Всем нам пришлось многое пережить. Все постепенно наладится.

Кельвин пожал плечами.

— Вот когда наладится, тогда и зовите. Тогда я снова попробую. Но вообще-то компания себе

подобных меня уже не очень интересует. Пузыри свободнее и намного мудрее. Я за всю жизнь не был так счастлив, как за один этот полет.

Такого воодушевления Сирокко не видела у Кельвина с той первой встречи на утесе.

— Пузыри очень старые, капитан. И по отдельности, и вместе, как раса. Свистолету, наверное, 3000 лет.

— Откуда ты знаешь? А он откуда знает?

— Есть холодные поры и теплые поры. Я полагаю, это оттого, что Фемида всегда остается в одной и той же позиции. Сейчас ось направлена почти точно на Солнце, но каждые пятнадцать лет кольцо перекрывает солнечный свет — пока Сатурн не переместится и не обратит к Солнцу другой полюс. Так что годы здесь есть — но каждый равен нашим пятнадцати. Свистолет прожил уже 200 таких лет.

— Вот-вот, — подхватила Сирокко. — Именно для этого, Кельвин, ты нам и нужен. Ты каким-то образом научился разговаривать с этими существами. И учишься у них. Многие из этих сведений могут оказаться крайне важными. К примеру, про этих шестиногих. Как ты их там, кстати, зовешь?..

— Титаниды. Но я про них больше ничего не

знаю.

— Ну так можешь со временем узнать.

— Со временем всем нам, капитан, предстоит многое узнать. Но вы попали в самую гостеприимную часть Фемиды. Оставайтесь здесь, и все будет в порядке. Не суйтесь в Океан или даже в Рею. Эти места опасны.

— Вот видишь? Как бы мы без тебя это узнали? Ты нам нужен.

— Ты не понимаешь. Как же мне узнать про это место, если я его не увижу? Большая часть свистолетовского лексикона мне недоступна.

Сирокко остро чувствовала горечь поражения. Будь оно все проклято! Джон Вейн давно протащил бы ублюдка под килем! Чарлз Лафтон заковал бы его в кандалы!

Она знала, что ей сильно полегчает, если она скрутит упрямого сукиного сына в бараний рог. Но все было бы сразу испорчено. К тому же такими методами Сирокко никогда не пользовалась. Уважение команды она завоевывала и поддерживала, проявляя инициативу и предельно разумный подход к любой ситуации. Она умела не отворачиваться от фактов и теперь ясно понимала, что Кельвин все равно уйдет. Но это казалось неправильным.

"А почему?" — вдруг задумалась она. Не потому ли, что это уменьшает ее авторитет?

Отчасти — пожалуй. А отчасти дело было в ее ответственности за его благополучие. Так все опять возвращалось к той проблеме, с которой Сирокко столкнулась в самом начале своего командирства: к нехватке образцов для подражания среди капитанов женского пола. В таком случае она намеревалась рассматривать все варианты и использовать только те меры, которые казались правильными лично ей. То, что годилось для адмирала Нельсона в Британском флоте, вовсе не обязательно должно было годиться для капитана Сирокко Джонс.

Да, конечно, необходима дисциплина. Да, важен авторитет. Тысячелетиями флотские капитаны вели себя как диктаторы, постоянно пользуясь принуждением, — и Сирокко не собиралась отбрасывать накопленный опыт. Там, где авторитет капитана оказывался под вопросом, неизбежно случалась беда.

Но в космосе, вопреки писаниям целых поколений научных фантастов, дело обстояло совсем по-другому. Ибо люди, которые этот космос осваивали, были высокообразованными гениями-индивидуалистами — лучшие из всех, кого

только могла предложить Земля. В обращении с ними требовалась предельная гибкость — и правовой кодекс НАСА для дальних космических экспедиций всячески это подчеркивал.

Оставался и еще один фактор, о котором Сирокко никак не следовало забывать. У нее уже не было корабля. Ее постигла самая страшная участь, какая только может подстерегать капитана. Она потеряла свою власть. Память об этом могла изводить ее всю оставшуюся жизнь.

— Ладно, — тихо сказала Сирокко. — Ты прав. Тратить время и силы на то, чтобы тебя сторожить, я не могу. А убивать тебя неохота — разве что в переносном смысле. — Тут она вдруг поняла, что скрипит зубами, и волевым усилием расслабила челюсти. — Теперь я скажу тебе, что будет, когда мы вернемся на Землю. Я отдам тебя под суд за неподчинение приказу командира. Если ты уйдешь, ты сделаешь это вопреки моей воле и вопреки интересам экспедиции.

— Согласен, — без особых эмоций отозвался Кельвин. — Но ты скоро сама поймешь, что насчет интересов экспедиции ты неправа. Экспедиции я принесу куда больше пользы, если уйду, чем если останусь. А на Землю мы не вернемся.

— Это мы еще поглядим. Теперь, может, по-

учишь кого-нибудь свистать твоих чертовых пузырей? Мне лучше от тебя подальше держаться. А то мало ли что.

Но в итоге учиться свистовому коду пришлось именно Сирокко как самой способной к языку пузырей. Слух у нее оказался едва ли не абсолютным.

Выучить пришлось всего три фразы, самая длинная из которых содержала семь нот и трель на конце. Первая фраза переводилась как "доброго подъема" и была всего-навсего учтивым приветствием. Вторая значила "Мне нужен Кельвин", а третья — "на помощь!"

— Помни только, что нельзя звать пузырь, когда у тебя горит костер.

— Ха! Ну ты и оптимист!

— Думаю, вам скоро удастся развести костер. И я тут еще вот о чем подумал… может, мне забрать у вас Август? Со мной ей, наверное, будет полегче. Ведь мы сможем облететь многие земли в поисках Апрель.

— О своих людях мы позаботимся сами, — холодно ответила Сирокко.

— Как скажешь.

— К тому же ей, наверное, и невдомек, что ты улетаешь. А теперь уйди с глаз моих, черт бы

тебя побрал.

* * *

Оказалось, что Август далеко не столь безучастна, как полагала Сирокко. Услышав, что Кельвин отбывает, она настояла на том, чтобы ей к нему присоединиться. После краткой баталии Сирокко выбросила белый флаг, но дурных предчувствий у нее от этого только прибавилось.

Опустившись ниже, Свистолет принялся крутить каким-то канатом. Все наблюдали, как канат пляшет в воздухе.

— Зачем он это делает? — поинтересовался Билл. — Чего ему надо?

— Он мне радуется, — просто ответил Кельвин. — А потом он привык возить пассажиров. Разумные особи платят за проезд, перемещая пищу из первого желудка во второй. У Свистолета для этого просто нет мышц. Ему приходится экономить в весе.

— А что, здесь все так тихо-мирно? — спросила Габи. — Мы еще не видели никого, даже отдаленно похожего на хищника.

— Хищники есть, но их немного. Здесь главный жизненный принцип — это симбиоз. А еще — религия. Свистолет говорит, что все высшие формы

жизни поклоняются одному верховному божеству, которое, как принято верить, пребывает в ступице. Я представил себе богиню, что правит здесь всем кругом земным. И назвал ее Геей, в честь матери греческих богов.

Сирокко, сама того не желая, заинтересовалась.

— И кто, по-твоему, эта Гея? А, Кельвин? Просто персонаж примитивной легенды? Или, быть может, пункт управления всей этой махиной?

— Не знаю. Фемида намного старше Свистолета, и очень многое даже ему неведомо.

— Но кто здесь верховодит? Ты сказал, что на Фемиде живет множество рас. Так которая же? Или они сотрудничают?

— И этого я не знаю. Читала ты когда-нибудь рассказы про корабли генерационного типа, где что-то выходило из строя и все постепенно возвращались к первобытному состоянию? Думаю, нечто подобное может происходить и на Фемиде. Что-то здесь несомненно работает. Быть может, машины. Или в ступице по-прежнему остается какая-то раса. Отсюда, надо полагать, и проистекает местная религия. Но Свистолет уверен, что руку на штурвале кто-то все-таки держит.

Сирокко помрачнела. Ну как его со всей этой

информацией отпустить? Пусть сведения обрывочные и пусть даже неясно, что здесь правда, а что — нет, но это все, что у них есть.

Однако менять решение было уже поздно. Кельвин уже сунул ногу в стремя на конце длинной веревки. Август присоседилась — и пузырь подтянул их к себе.

— Капитан! — крикнул Кельвин, прежде чем исчезнуть. — Габи не следовало называть это место Фемидой. Зовите его Геей.

Погруженная в черную хандру, Сирокко мысленно пережевывала случившееся. Сидела у реки и без конца думала о том, что ей следовало сделать. Но единственно верного решения так и не находила.

— А как насчет клятвы Гиппократа? — вдруг спросила она у Билла. — Ведь его, черт побери, послали сюда с одним-единственным заданием — заботиться о нас, когда нам это потребуется.

— Пойми, Рокки, мы все теперь изменились.

"Все, кроме меня", — подумала Сирокко, но вслух сказать не решилась. И все же, насколько она могла судить, пережитое ею далеко идущих последствий не имело. В каком-то смысле странно было именно это — а не то, что произошло с остальными. Вообще-то все они должны были

впасть в кататонию. Вместо этого один получил амнезию, другая невроз навязчивости, третью стала мучить травма подросткового возраста, а четвертый ни с того ни с сего возлюбил живые дирижабли. И только разум Сирокко остался в целости и сохранности.

"Хоть себя не дурачь, — пробормотала она. — Наверняка ты им кажешься такой же тронутой, как и они тебе". Но и это замечание Сирокко затем отвергла. Билл, Габи и Кельвин сознавали, что пережитое их изменило, хотя Габи и не желала признавать свою любовь к Сирокко побочным эффектом. Август же была настолько потрясена утратой сестры, что вообще ни о чем другом не думала.

Тут Сирокко опять вспомнила про Апрель и Джина. Интересно, живы ли они, а если живы, то как у них там дела? Пребывают ли они в одиночестве или им удалось соединиться?

Пытаясь связаться с пропавшими товарищами, Сирокко, Билл и Габи наладили регулярные сеансы приема и передачи — но тщетно. Не слышно было больше мужских рыданий, а Апрель вообще исчезла бесследно.

Время шло дальше — но теперь за ним уже следили. Часы Кельвина позволяли Сирокко давать

сигнал к отбою, хотя приспособиться к непрерывному свету было нелегко. Сирокко не ожидала этого от группы людей, несколько месяцев проживших в искусственной среде «Укротителя», где день устанавливали по корабельному компьютеру и могли произвольно его менять.

Жизнь была легче легкого. Все до единого фрукты оказались съедобными и, судя по всему, питательными. Любой недостаток витаминов давно бы уже проявился. Некоторые фрукты содержали соль, а другие, судя по характерному привкусу, витамин С. Навалом было и удобной для убоя дичи.

Они привыкли к строгим временным предписаниям жизни астронавта, где повседневные обязанности прописываются наземным контролем, а главная забава состоит в том, чтобы поскулить, как же это невыносимо, — все что надо при этом проделывая. Все готовились к борьбе за жизнь во враждебном окружении, но враждебности в Гиперионе оказалось еще меньше, чем в зоопарке Сан-Диего. Они ожидали что-то из "Робинзона Крузо" — или хотя бы из "Швейцарского семейства Робинзонов", — но Гиперион завалил их взбитыми сливками с клубничным мороженым. Именно поэтому ни Биллу, ни Габи, ни

даже Сирокко долгое время никак не удавалось ощутить себя в Гиперионе не желанным гостем, а членом экспедиции.

* * *

Через двое суток после отлета Кельвина и Август Габи презентовала Сирокко одежду, скроенную ею из бросовых парашютов. Сирокко глубоко тронуло выражение лица Габи во время торжественной примерки.

Наряд представлял собой некую помесь тоги с шароварами. Материя была тонкой, но удивительно прочной. Габи затратила массу энергии на то, чтобы раскроить ее на куски нужного размера и сшить иглами из шипов.

— Если сумеешь сработать что-нибудь вроде мокасинов, — шутки ради пообещала ей Сирокко, — то по возвращении домой получишь повышение сразу на три ранга.

— Уже пробую. — После этого Габи еще сутки буквально сияла и резвилась как щенок, при каждом удобном случае касаясь Сирокко и ее чудесного наряда. Трогательно было видеть, как она счастлива услужить.

* * *

Сирокко сидела на берегу реки, ненадолго оставшись одна и радуясь этому. Все-таки тяжко быть камнем преткновения между двумя влюбленными в тебя людьми. Ей, по крайней мере, не нравилось. Биллу поведение Габи уже порядком поднадоело. Ему стало казаться, что пришла пора уже что-то предпринять.

Удобно развалившись на травке с длинным и гибким шестом в руке, Сирокко следила за маленьким деревянным поплавочком на конце лески. Мозг ее лениво обсасывал проблему оказания помощи спасательной партии, которая несомненно сюда отправится. Что бы такое придумать для облегчения поиска?

Самим им, естественно, с Геи не выбраться. Лучшее, что можно сделать, — это попытаться установить контакт со спасательной партией. Сирокко не сомневалась, что таковая прибудет, и имела мало иллюзий на предмет того, что будет ее главной задачей. Сообщения, которые ей удалось послать во время захвата «Укротителя», описывали враждебный акт, а последствия в данном случае обещали быть самыми серьезными. Команду «Укротителя» конечно же запишут в по-

койники, но Фемида-Гея забыта не будет. Корабль скоро прибудет — и на сей раз готовый к войне.

— Так, — вслух заключила Сирокко. — На Гее где-то обязательно должны быть средства связи.

Скорее всего, в ступице. Даже если там же находятся двигатели, из ее центрального положения логически вытекает расположение там командного пункта. Там могут хозяйничать люди, а могут и машины. Поход туда легким не казался, да и место назначения безопасным не выглядело. Наверняка оно тщательно охраняется от вторжения и диверсии.

Но если там есть рация, Сирокко просто обязана сделать все, чтобы туда добраться.

Широко зевнув, она почесала бок и лениво двинула ногой вверх и вниз. Поплавок мигом запрыгал. Эх, вздремнуть бы теперь.

Но тут поплавок дернулся и исчез под мутными водами. Какой-то миг Сирокко просто таращилась на то место, где он только что был, затем с некоторым удивлением сообразила, что кто-то схватил наживку. Резко вскочив, она принялась сматывать леску.

У рыбины не оказалось ни глаз, ни чешуи, ни плавников. Сирокко с любопытством ее осмотрела. Все-таки первая рыба, которую им на троих

удалось поймать.

— Что я, черт побери, тут дурью маюсь? — вслух спросила сама себя Сирокко. Потом, швырнув рыбину обратно в реку, свернула леску и вдоль изгиба реки бодро направилась к лагерю.

Уже на полдороге она не выдержала и перешла на бег.

* * *

— Извини, Билл. Я знаю, что ты здесь массу труда вложил. Но когда за нами прибудут, я хочу сделать все, чтобы помочь нас вызволить, — сказала Сирокко.

— Да я в общем-то согласен. Так что ты придумала?

Сирокко изложила свои соображения по поводу ступицы — что если над всей этой махиной осуществляется единое технологическое руководство, исходит оно именно оттуда.

— Понятия не имею, что мы там найдем. Может статься, ничего, кроме пыли и паутины. Вдруг выяснится, что все работает чисто по инерции? А может, капитан и команда поджидают нас там, чтобы порубить в мелкое крошево за вторжение на их корабль. Но проверить мы просто обязаны.

— И как ты предлагаешь туда добраться?

— Толком пока не знаю. Полагаю, пузыри туда не летают — иначе бы они знали больше про ту богиню, о которой болтают. А в спицах даже может не быть воздуха.

— Круто же нам придется, — заметила Габи.

— Круто, не круто… Пока не посмотрим, не узнаем. До спиц можно добраться по подвесным тросам. Они идут вверх по внутренним сторонам — до самой вершины.

— Ничего себе, — пробормотала Габи. — Даже наклонные километров сто в вышину. И по ним добираешься только до крыши. А оттуда еще 500 километров до ступицы.

— Моя больная спина, — простонал Билл.

— Что с тобой? — холодно поинтересовалась Сирокко. — Я же не говорю, что мы по ним полезем. Решим, когда хорошенько осмотримся. Я только пытаюсь вам втолковать, что это место нам пока еще совершенно незнакомо. Почем знать, может, вон в том болоте спрятан скоростной лифт, который мигом домчит нас до самого верха. А может, какой-нибудь лысый шибздик торгует там билетами на ковры-самолеты или на ступу с помелом. Но если мы не начнем искать, то так ничего и не найдем.

— Не психуй, — успокоил ее Билл. — Я с тобой

заодно.

— А ты, Габи?

— Я туда же, куда и ты, — отозвалась та, словно констатируя очевидное. — Сама знаешь.

— Хорошо. Тогда я вот что надумала. Ближайший наклонный трос лежит на западе, по пути к Океану. Но река течет в другую сторону, и мы могли бы ею воспользоваться. По ней наверняка можно быстрее добраться до следующего ряда тросов, чем пробиваясь сквозь джунгли. Думаю, нам следует взять путь на восток, в сторону Реи.

— Но Кельвин предупреждал нас не соваться в Рею, — напомнил Билл.

— А я и не сказала, что мы туда сунемся. Если есть что-то еще более труднопереносимое, чем непрерывный день, то это, как пить дать, непрерывная ночь. Так что меня в любом случае туда не тянет. Но между нами и Геей еще навалом всяких земель. Мы могли бы там осмотреться.

— Признайся, Рокки. Ведь ты в душе туристка.

Ей пришлось улыбнуться.

— Признаю, есть грешок. Я тут недавно вот о чем подумала. Вот мы попали в это потрясающее местечко. Говорят, здесь с десяток разумных рас. А мы чем занимаемся? Сидим и рыбу ловим. Нет, это не для меня. Мне охота все здесь обнюхать. В

конце концов, нам за это, черт побери, деньги-то и платили. К тому же мне, наверное, просто хочется приключений.

— Ничего себе, — снова сказала Габи и негромко хихикнула. — Приключений ей хочется. Тебе мало того, что уже стряслось?

— Приключения, — заметил Билл, — такая штука, что их обычно на свою же задницу и находишь.

— Без тебя знаю. Но мы все равно поплывем по реке. Сразу после очередной «ночи» и отправимся. А то я будто наркотиков хватанула.

Билл немного подумал.

— А может, и правда? Скажем, в каком-то из фруктов…

— А? Это ты, Билл, научной фантастики начитался.

— Слушай, Рокки, ты мои любимые книжки не трогай. Тогда я промолчу насчет твоих древних черно-белых фильмов.

— Дубина, там же искусство. А твоя фантастика… Хотя ладно. Да, вполне возможно, что мы употребили что-то успокоительное. Хотя на самом деле это, по-моему, старая добрая лень.

Билл встал и потянулся к воображаемой трубке. Потом, явно раздосадованный своей рассеянно-

стью, отряхнул пыль с ладоней.

— Я тут пока плотом займусь, — сказал он.

— А зачем плот? Как насчет тех здоровенных семенных коробок, что иногда проплывают по реке? Места в них будет вполне достаточно.

Билл нахмурился.

— Да, пожалуй. Но ты уверена, что они будут хорошо слушаться руля на быстринах? Кстати, хотелось бы для начала промерить тут глубину…

— Слушаться руля? А разве плот будет слушаться руля?

Казалось, Билл потрясен своей ошибкой. Его снова взяла досада.

— Знаешь, кажется, это я чего-то такого хватанул. Веди, капитан.

ГЛАВА X

Семенные коробки росли на макушках самых высоких деревьев в лесу. Каждое дерево зараз производило только одну коробку. Созрев, та выстреливала почище любой пушки. Время от времени выстрелы эти разносились по всему лесу. То, что оставалось от взрыва, напоминало аккуратнейшим образом разделенную на две половинки скорлупу гигантского грецкого ореха.

Увидев проплывающую мимо коробку покрупнее, Сирокко и Габи сплавали за ней и подтянули к берегу. Пустая, она высоко торчала из воды. Но даже у груженой, у нее по-прежнему хватало надводного борта.

Два дня они снаряжали свое судно и даже попытались приделать руль. Наконец прикрепили к борту длинный шест с широкой лопастью на конце и решили, что этим обойдутся. На случай прохождения быстрин каждый обзавелся примитивным веслом.

Габи отдала концы. Сирокко, поработав шестом, чтобы вытолкнуть судно к середине реки, заняла свой пост на корме и гордо положила руку на румпель. Налетел ветерок, и она в очередной раз

пожалела о волосах. По какой ерунде мы порой тоскуем, тут же подумалось ей.

Рассевшиеся у противоположных бортов лодки Билл и Габи так увлеклись плаванием, что даже на время забыли свою вражду. Непрестанно наблюдая за рекой, они то и дело криком предупреждали Сирокко о возможных опасностях.

— Эй, капитан! — заорала Габи. — Даешь морскую запевку!

— Дурочка, ты все перепутала, — засмеялась Сирокко. — Это как раз всякая вульгарная шушера на полубаке травит байки и поет песни. Ты что, "Морскую Ведьму" не видела?

— Не знаю. А она шла по объемке?

— Это плоский фильм со стариной Джоном Вейном в главной роли. "Морской Ведьмой" звался его корабль.

— Да? А я было подумала, что так звался капитан. Вот ты и подобрала себе прозвище.

— Ну ты, не очень. За грубые шуточки будем ставить на доску и провожать за борт.

— А кстати, Рокки, как нам назвать это судно? — спросил Билл.

— Да-да, ведь у него должно быть название, правда? Я так замоталась в поисках шампанского для спуска на воду, что все на свете забыла.

— Ох, не надо при мне о шампанском, — простонала Габи.

— Ну, какие будут предложения? Есть шанс продвинуться по службе.

— Я знаю, как назвал бы его Кельвин, — вдруг сказал Билл.

— Не надо при мне о Кельвине.

— И все-таки нам уже никуда не деться от греческой мифологии. Этот корабль должен называться "Арго".

Сирокко засомневалась.

— Там было что-то насчет поисков золотого руна? Да-да, помню этот фильм.

— Но мы ничего не ищем, — заметила Габи. — И знаем, куда нам нужно.

— Тогда как насчет… — Билл замялся, затем еще немного подумал. — Мне тут пришел в голову Одиссей. Его корабль как-нибудь назывался?

— Понятия не имею. Наш мифолог, к несчастью, заболел рекламой разросшихся автопокрышек. Но даже если у того судна было название, я бы им пользоваться не стала. У Одиссея в том фильме никаких радостей, кроме сплошных заморочек, не было.

Билл ухмыльнулся.

— Ага, капитан! Суевериями страдаем? Вот

никогда бы не поверил.

— Эх ты, салага. Тут море. Оно всегда с человеком шутки шутило.

— Ладно, кончай тут с диалогами из мыльных опер. Я за то, чтобы назвать корабль «Титаником». Вот было судно. В самый раз для тебя.

— Совсем умом тронулся? Не гневи судьбу, приятель.

— А мне тоже «Титаник» нравится, — засмеялась Габи. — Кому бы еще в голову пришло? Для скорлупы от арахиса?

Сирокко задумчиво посмотрела в небо.

— Ладно. Только все будет на вашей совести. Итак, «Титаник». Долгого ему плавания. Дозволяется гиканье и прочие проявления восторга.

Команда грянула троекратное «гип-гип-ура», а Сирокко с ухмылкой поклонилась.

— Да здравствует капитан! — проорала Габи.

— Вот еще что, — сказала Сирокко. — Где малюется название? На кранце? Или как там эту фигу зовут?

— На чем, на чем? — испугалась Габи.

Сирокко ухмыльнулась.

— Самое время признаться. Положа руку на сердце, я в этих лодках — как свинья в апельсинах. Кто-нибудь вообще на них плавал?

— Я немного плавала, — сказала Габи.

— Тогда назначаешься штурманом. Давай меняться местами. — Отпустив румпель, Сирокко осторожно прошла вперед. Потом откинулась на спину, потянулась и заложила руки за голову. — Я буду обдумывать важные командные решения, — сказала она и дико зевнула. — Будить только в случае урагана. — И под дружный хор улюлюканий она закрыла глаза.

* * *

Клио оказалась длинной, извилистой и неторопливой. В самой ее середине четырехметровые шесты до дна не доставали. Зато все время чувствовалось, как что-то в них врезается. Что это было, путники так и не выяснили. Курс «Титаника» поддерживался аккурат между серединой реки и берегом по левому борту.

Первоначально Сирокко планировала оставаться на борту, сходя на берег только за пищей — что обычно занимало минут десять. Но регулярные вахты вскоре доказали свою неэффективность. Слишком часто «Титаник» налетал на мель — а чтобы его оттуда стащить, требовались усилия всех троих. Следовательно, приходилось будить спящих. Также быстро выяснилось, что

«Титаник» не слишком маневрен, и, чтобы миновать приближающуюся мель, требовались, как минимум, двое с шестами.

Тогда решили каждые пятнадцать-двадцать часов вставать лагерем. Сирокко составила расписание, которое предписывало двоим постоянно бодрствовать, когда корабль на воде, и одному, когда все на суше.

Клио петляла по почти плоской равнине будто змея, перебравшая нембутала. Порой выходило, что по прямой линии один лагерь отстоял от другого на каких-нибудь полкилометра. Они давно потеряли бы всякую ориентировку, не возвышайся в самом центре Гипериона прямой подвесной трос. Из своей воздушной разведки Сирокко знала, что трос этот еще долго будет оставаться к востоку от них — даже после того, как Клио сольется с Офионом.

Трос ни на миг не исчезал из виду, торчал подобно какому-то невообразимому небоскребу, тянулся до самого верха, словно бы клонясь в их сторону, — пока не соединялся с крышей и не уходил в космос. Они должны были миновать его на пути к наклонному тросу, что вел внутрь спицы над Реей. Сирокко надеялась повнимательнее его осмотреть.

Жизнь уже устоялась. Вскоре трое астронавтов превратились в сплоченную команду своего суденышка, все чаще понимая друг друга без слов. Большую часть времени делать было совершенно нечего — только высматривать песчаные отмели. Габи и Билл убивали время, внося бесконечные усовершенствования в свои наряды. Оба здорово наловчились управляться с иглами из шипов. Билл также без конца возился с рулем и обустраивал внутренности лодки.

Сирокко почти все время проводила в мечтаниях и разглядывании проплывающих облаков. Она обдумывала пути и средства подъема к ступице, пыталась предвосхитить возможные трудности, но все это на самом деле было впустую. Разнообразие вариантов просто не допускало какого-либо более или менее разумного планирования. Поэтому она предпочитала откровенное витание в облаках.

Со временем она и в самом деле запела — причем потрясла этим и Билла и Габи. В детстве она десять лет брала уроки вокала и фортепьяно — и, прежде чем тяга к космосу окончательно взяла верх, даже подумывала о карьере певицы. До плавания на «Титанике» никто из команды о ее таланте даже и не подозревал; Сирокко не

считала возможным, без ущерба для своего капитанского положения, развлекать подчиненных песенками. А теперь ей уже было все равно — и пение еще больше их сплотило. Роскошное, чистое капитанское контральто лучше всего подходило для старинной народной музыки, баллад, а также песен из репертуара Джуди Гарланд.

Из ореховой скорлупы, парашютных стропов и шкуры смехача Билл смастерил лютню. Более того — он наловчился прилично на ней играть, а Габи подыгрывала ему на барабане опять же из скорлупы ореха. Сирокко учила их песням и правильным созвучиям; у Габи прорезалось сносное сопрано, а у Билла — мучительно немузыкальный тенор.

Они пели застольные песни из пивбаров О'Нила-Один, шлягеры из хит-парадов, из мультиков и старых фильмов. Одна вещица, учитывая сопутствующие обстоятельства, быстро сделалась их любимой. Там пелось про желтую кирпичную дорогу и удивительного волшебника страны Оз. Каждое «утро», собираясь в дорогу, они ревели ее во всю мочь — и совсем уж надсаживались, когда лес начинал верещать им в ответ.

* * *

Прошло несколько недель, прежде чем «Титаник» достиг Офиона. И за все время их мирное плавание прерывалось лишь дважды.

Первый инцидент случился на четвертый день пути, когда в неполных пяти метрах от «Титаника» из воды вдруг вылез длинный стебель с круглым глазом на конце. Никаких сомнений, что это глаз, ни у кого не возникло. Это было еще больше похоже на глаз, чем у Свистолета. Шар двадцати сантиметров в диаметре вылезал из гибкой зеленой глазницы, которая на первый взгляд казалась схватившей его сзади зеленой лапой с плоскими пальцами. Само глазное яблоко с отверстым зрачком было тоже зеленое, но заметно светлее.

При виде столь странной твари все трое принялись активно толкаться шестами к берегу. Нацеливаясь на них, глаз не выказывал ни интереса, ни каких-либо эмоций — просто таращился, и все. Когда они стали отплывать прочь, глаз опять-таки ни сожаления, ни радости не выразил. Потаращившись еще минуты две-три, он затем исчез так же бесшумно, как и появился.

Достигнутый после берегового брифинга кон-

сенсус был таков, что ни хрена тут все равно не поделать. Пакостить странное существо им не стало — что, впрочем, ровным счетом ничего не говорило о его дальнейшем поведении. Но не прерывать же плавание только оттого, что в реке водятся крупные рыбины с глазами на стеблях!

Вскоре пассажирам «Титаника» попались еще несколько таких глаз — и постепенно они к ним привыкли. Глаза так напоминали перископы, что Билл окрестил странных рыбин "подлодками".

Ко второму инциденту они были в общем-то готовы, ибо такое случалось и раньше. Речь шла о том неимоверном, стонущем ветре, который Кельвин нарек "Плач Геи".

Прежде чем задули самые жуткие ветры, троим путникам удалось причалить к берегу и укрыться с подветренной стороны «Титаника». Помня о незначительном промахе с рухнувшей ветвью, Сирокко не решилась искать убежища под деревьями.

Хлещущий в лицо ветер и мчащиеся над головой облака делали обзор неважным, но Сирокко все-таки удалось разобрать, что буря идет из Океана. Тучи разлетались от огромной спицы над замерзшим морем подобно леденящему дыханию Бога. Ветер бросался на ледяные глыбы

и крошил их, сплетался в смерчи, издали казавшиеся игрушечными, но на самом деле далеко превосходящие свирепостью любые земные.

Сквозь быстро затягивавшую Гиперион пелену облаков Сирокко разглядела и наклонные тросы, что соединяли землю с небом над Океаном. На таком расстоянии было неясно, действительно они движутся или нет, но какое-то покачивание или растяжение все-таки несомненно было. С тросов вовсю сыпалась мелкая серая пыль. Глядя, как пыль плывет к земле, Сирокко вынуждена была напомнить себе, что размерами эти серые частички, должно быть, не меньше крупных деревьев. Затем все затянули облака, и пошел снег. Река, быстро поднимаясь, подобралась почти к вытащенному на берег «Титанику». Сирокко даже показалось, что земля стала слегка подрагивать.

Затем, поняв, что наблюдает в действии какую-то часть системы циркуляции воздуха на Гее, Сирокко взялась прикидывать, как воздух втягивается в спицу и какой механизм выталкивает его наружу. Заинтересовало ее и то, почему процесс этот идет так бурно. По часам Кельвина выходило, что с последнего Плача миновало семнадцать суток; хотелось надеяться, что до следующего пройдет не меньше.

Как и в прошлый раз, холод длился не более шести-семи часов, а снег на земле не залежался. Путники уже не так сильно пострадали от непогоды. Выяснилось, что одежда из парашютного шелка защищает куда лучше, чем казалось на первый взгляд, и ничем не хуже любой ветровки.

* * *

Тридцатый день их появления на свет в Гее был отмечен двумя событиями: одним случившимся и одним, которое так и не случилось.

Первым событием стало прибытие «Титаника» к месту слияния Клио с полноводным Офионом. К этому времени путники уже порядочно углубились в южный Гиперион, оказавшись как раз между центральным вертикальным тросом и южным наклонным, что уходил вверх прямо у них над головой.

Сине-зеленый Офион был шире и быстрее Клио. «Титаник» сразу вынесло в самую его середину. Впрочем, после нескольких минут настороженности и нескольких промеров глубины путники решили, что вполне безопасно там же и остаться. Шириной и быстротой Офион напомнил Сирокко и Биллу Миссисипи — если забыть о густой расти-

тельности и высоких деревьях по обоим берегам. Да, несмотря на полноводную торопливость Офиона, вокруг него по-прежнему были джунгли.

Для Сирокко, впрочем, куда тревожнее оказалось другое событие — то, которого она, сверяясь с часами Кельвина, ожидала со дня на день, — но которое так и не случилось. Месячные у нее уже двадцать два года проходили с точностью чуть ли не до часа — и куда же они подевались теперь?

* * *

— Знаешь, что уже тридцать дней прошло? — тем же вечером спросила Сирокко у Габи.

— Правда? Я даже как-то и не подумала, — отозвалась та и помрачнела.

— Вот-вот. И у меня уже как минимум задержка. Всегда было четко двадцать девять дней. Ну иногда начиналось на день раньше, но чтобы позже — никогда.

— Знаешь, и у меня задержка.

— Я так и подумала.

— Черт побери, но это же полная ерунда!

— Я тут прикидывала, чем ты предохранялась на «Укротителе». Могла ты там ушами хлопнуть?

— Ни под каким соусом. Кельвин давал мне

колеса.

Сирокко вздохнула.

— Я как раз боялась, что будет что-то настолько безотказное. Сама-то я таблеток не принимаю — у меня на них аллергия. Я пользовалась таким вечным колпачком. И перед тем как все случилось, он был на месте. Потом мне даже и в голову не пришло проверить… ну, а после того как мы встретились с Биллом и Август, уже могло быть слишком поздно.

Эту часть ей обсуждать с Габи не хотелось. То, что они с Биллом трахались, секрета не составляло. Не составляло, впрочем, секрета и то, что на «Титанике», да еще когда рядом постоянно была Габи, для этих занятий не находилось ни места, ни времени, ни нужного настроения.

— Короче, колпачок исчез. Полагаю, та самая тварь стрескала его заодно с нашими волосами. И у меня при этой мысли, между прочим, мурашки по коже бегают.

Габи вздрогнула.

— Сперва я подумала, что залетела с Биллом. Но теперь уже так не думаю.

Тут Сирокко встала и подошла к прикорнувшему на земле Биллу. Разбудив его, дождалась, пока он начнет в нужной мере соображать.

— Билл, мы обе беременны.

Выяснилось, что Билл в нужной мере еще не соображает. Он удивленно поморгал, затем наморщил лоб.

— Только на меня не косись. Даже насчет себя. С Габи последний раз было вскоре после отлета. А кроме того, у меня стоит клапан.

— Да я ничего такого и не сказала, — утешила его Сирокко. А сама подумала: "Ну и ну. С Габи. Вскоре после отлета. Атас". Об этом Сирокко и понятия не имела — хотя до сих пор не сомневалась, что знает про все случки на борту «Укротителя». — Тогда окончательно ясно, что дела творятся крайне странные. Кто-то или что-то с нами шутки шутит. И очень по-крупному. Только мне не до смеха.

* * *

Кельвин сдержал слово. Через двое суток после того, как Сирокко насвистела что надо пролетавшему мимо пузырю, на фоне зависшего в небе Свистолета расцвел синий цветок с болтающимся под ним блудным доктором. Позади держалась Август. Приземлились они у самого берега.

Сирокко пришлось признать, что выглядит Кельвин превосходно. Улыбчивый, походка

пружинистая. Тепло всех поприветствовав, ни малейшего намека на досаду по поводу внезапного вызова он не продемонстрировал. Он собрался было поведать о своих странствиях, но Сирокко слишком хотелось поскорее узнать его соображения насчет их новейших проблем. Задолго до того, как они с Габи все рассказали, улыбка Кельвина исчезла, а лицо резко посерьезнело.

— А у тебя на Гее были месячные? — спросил он у Август.

— Нет, не было.

— Уже тридцать дней, — сказала Сирокко. — Тебя это ни на какие мысли не наводит? — По расширившимся от страха глазам Август Сирокко заключила, что наводит. — Когда у тебя последний раз была близость с мужчиной?

— Никогда не было.

— Так я и думала.

Кельвин какое-то время молчал и все обдумывал. Потом еще больше помрачнел.

— Что я могу сказать? Все вы знаете, что у женщины может раз-другой не быть месячных и по какой-то иной причине. У спортсменок то и дело такое случается — и мы даже толком не знаем почему. Возможно, влияет стресс — эмоциональный или физический. Но все же, полагаю, шансы

на то, что такое приключилось сразу со всеми троими, очень дохлые.

— Это точно, — согласилась Сирокко.

— Еще могло повлиять питание. Теперь уже ничего не узнаешь. А еще могу вам сказать, что вы трое и… мм, Апрель… все вы подверглись определенной синхронизации.

— Как это? — спросила Габи.

— Так порой случается с женщинами, живущими вместе, — как, например, в звездолете, где все они располагаются в соседних каютах. Некий гормональный сигнал ведет к синхронизации их менструальных циклов. Апрель и Август уже давно находились в ритме друг с другом, а Сирокко от их цикла отставала лишь на пару дней. Два ранних начала — и она присоединилась. А у тебя, Габи, если ты помнишь, месячные проходили нерегулярно.

— Мне было без разницы, — отозвалась Габи.

— Ну да, верно. Впрочем, я не вижу, как это может быть связано с тем, что мы имеем здесь.

— Пока что я делаю лишь один вывод: с вами происходит нечто странное. И все-таки вероятность того, что все вы разом пропустили один цикл, существует.

— А еще очень вероятно, что все мы брюхаты,

и даже страшно подумать, от кого, — кисло заметила Сирокко.

— Нет-нет, это совершенно исключено, — сказал Кельвин. — Хотя если ты имеешь в виду, что то самое существо, которое нас поглотило… нет, не верится. Даже на Земле ни одно животное не может оплодотворить женщину. А ты утверждаешь, что это удалось какому-то инопланетному существу.

— Не знаю, не знаю, — отозвалась Сирокко. — Может, как раз инопланетному-то и удалось. Но я твердо уверена в том, что оно забралось к нам внутрь и проделало там что-то, с его точки зрения, быть может, совершенно разумное и естественное, но чуждое всему, что мы знаем. И мне это совсем не нравится. Так что нам желательно знать, чем ты можешь помочь, если мы и вправду беременны.

Кельвин потер жесткие кудряшки у себя на подбородке, затем еле заметно улыбнулся.

— В институте меня не учили принимать роды после непорочного зачатия.

— Знаешь, мне не до шуток.

— Извини. Впрочем, вы с Габи все-таки не девственницы. — Он недоуменно покачал головой.

— Мы тут подумали кое о чем более насущном

и не столь священном, — вставила Габи. — Нам эти младенцы — или кто они там — как-то без надобности.

— Понятно. Только почему бы вам не подождать еще тридцать дней, а уже потом пороть горячку? Вот если у вас и тогда менструаций не будет, смело меня зовите.

— Мы хотим немедленно с этим покончить, — заявила Сирокко.

Кельвин начал немного раздражаться.

— А я говорю, что сейчас за это не возьмусь. Слишком рискованно. Какие-то инструменты для аборта я бы еще придумал, но их необходимо простерилизовать. У меня нет зеркала, а мои соображения насчет того, чем пришлось бы расширять шейку матки, железно обеспечат вам ночные кошмары.

— Ночные кошмары мне уже обеспечены, — мрачно заметила Сирокко. — Причем собственными соображениями насчет того, что растет у меня в брюхе. Пойми, Кельвин, сейчас мне даже человеческого ребенка не хочется. А тут-то ведь черт те что! Короче, делай операцию.

Габи и Август кивнули в знак согласия, хотя Габи явно стало не по себе.

— А я говорю — подождите еще месяц. Ничего

же не изменится. Операция будет та же самая. Простое выскребывание внутренних стенок матки. Но через месяц, быть может, вам все-таки как-нибудь удастся развести костер и вскипятить воду. Тогда, по крайней мере, будет возможность простерилизовать изготовленные мной инструменты. Разве так не разумнее? Клянусь, я могу проделать эту операцию с минимумом риска — но лишь в том случае, если у меня будут чистые инструменты.

— Мне сейчас хочется одного — покончить с этим, — уперлась Сирокко. — Я хочу, чтобы ты выскреб из меня эту гадость.

— Спокойнее, капитан, спокойнее. Успокойся и хорошенько подумай. Если кому-то из вас попадет инфекция, я буду бессилен. А к востоку лежит другая страна. Может статься, там вы сумеете развести костер. Я тоже буду посматривать. Когда пришел вызов, я как раз был над Мнемосиной. И там вполне может оказаться некто, пользующийся инструментами и способный сделать приличное зеркало и расширитель.

— Так ты опять улетаешь? — спросила Сирокко.

— Конечно. Но не раньше, чем всех вас осмотрю.

— Я еще раз прошу тебя остаться.

— Прости. Не могу.

И никакие уговоры не смогли заставить Кельвина переменить решение. Снова полелеяв мысль о том, чтобы удержать его силой, Сирокко по тем же причинам, что и раньше, ее отбросила. А во время его отлета ей пришла на ум еще одна причина. Не слишком разумно пытаться причинить вред человеку, чей друг пусть даже вдвое поменьше Свистолета.

* * *

Кельвин объявил женщинам, что, несмотря на задержку месячных, все они практически здоровы. Потом задержался еще на несколько часов — хотя было видно, что даже это его тяготит. Он рассказал, что они с Август увидели за время своих странствий.

Океан представлял собой жуткое место — ледяное и запретное. Миновать его они постарались как можно быстрее. Там, как оказалось, живет гуманоидная раса, но Свистолет не стал опускаться для более близкого знакомства. Даже несмотря на то, что пузырь летел в километре над землей, гуманоиды швырялись в него валунами с деревянной катапульты. Кельвин сказал, что с

виду они напоминали людей, покрытых длинной белой шерстью. Были они явно из тех, что сначала стреляют, а потом задают вопросы. Кельвин нарек их йети.

— А Мнемосина — и вправду пустыня, — продолжил он. — Выглядит она довольно странно, так как дюны там вздымаются куда выше земных — полагаю, из-за низкой гравитации. Там есть растительность. Когда мы опустились пониже, я разглядел каких-то мелких животных, а также что-то вроде разрушенного города и нескольких поселков. На вершинах скалистых пиков там торчат подобия величественных замков. Вернее, замками они могли быть тысячелетия назад, а теперь слишком сильно осыпались. На их возведение должны были уйти тысячелетия рабского труда — или там использовались какие-нибудь феноменальные вертолеты.

Думаю, здесь произошла какая-то серьезная поломка. Все рассыпается в прах. Некогда Мнемосина вполне могла быть похожа на эти края — судя по пустому руслу реки и трупам громадных деревьев, обглоданным песчаными бурями. Что-то изменило климат — или ускользнуло от глаза строителей.

Возможно, дело тут в черве, которого мы с

Август видели. Причем Свистолет утверждает, что это только один из них. В Мнемосине места хватает только для одного. Если там и были двое, то они давным-давно между собой разобрались, и только этот дедушка-червь и остался. Он такой гигантский, что Свистолета ему заглотить — как мне оливку.

При упоминании Кельвином гигантских червей Сирокко и Билл навострили уши.

— Целиком я эту тварь так и не увидел, но не удивлюсь, если она окажется километров двадцать в длину. Это просто огромная длинная трубка — а на обеих концах дырки того же диаметра, что и сам этот адский червь. Трубка поделена на сегменты, и тело на вид твердое, вроде как панцирь у броненосца. Рот похож на циркулярную пилу, причем зубы и внутри, и снаружи. Вообще-то он живет под землей, но иногда зарывается недостаточно глубоко и вынужден вылезать наружу. В один из таких моментов мы его и наблюдали.

— В одной книжке описывался такой червь, — сказал Билл.

— И в фильме тоже, — подхватила Сирокко. — «Дюна» назывался.

Кельвину явно не понравилось, что его пере-

били, и он поднял взгляд, желая убедиться, что пузырь все еще неподалеку.

— Короче говоря, — продолжил он, — я подумал, а не этот ли червь устроил такую подлянку Мнемосине. Представляете, какой вред от него корням деревьев? Пожалуй, он мог за пару лет все там разорить. Деревья погибают, очень скоро портится почва, удерживать воду она уже не способна — и все реки уходят под землю. Так оно и есть, сами знаете; ведь через Мнемосину протекает Офион. Можно увидеть, где он исчезает и где снова появляется на поверхности. Поток не прерывается, но Мнемосине от него никакого толку.

Тогда я прикинул, что архитектор этого места — кем бы он ни был — нипочем не стал бы включать в план такого червя. Должно быть, червь не переносит мрака — иначе он прополз бы через Океан и вообще все к чертям тут разрушил. Думаю, просто удача, что так получилось. Но если здесь так важна удача, этому месту долго не протянуть. Этот червь, должно быть, какая-то левая мутация — а это значит, что во всей округе нет никого, кто имел бы достаточно власти, чтобы прикончить эту тварь и вернуть все на свои места. Боюсь, я начинаю склоняться к мысли, что строители либо мертвы, либо вернулись к

варварству — как в тех рассказах, о которых ты, Билл, уже раз упоминал.

— Вполне возможно, — согласился Билл.

Сирокко фыркнула.

— Ага. Непременно. А еще возможно, что ты начитался про того червя книжек. Возможно, люди тут сами вроде червей — и просто не смогли этого приятеля с собой забрать. А когда он вымахал так, что потребовал новой конуры, ему отвели Мнемосину. Как бы то ни было, мы по-прежнему намерены добраться до ступицы.

— Правильно, — согласился Кельвин. — А я собираюсь облететь весь обод и посмотреть, кто там еще есть из живности. Строители могли оскотиниться, но все же сохранить уровень технологии, достаточный для создания рации. Если так оно и есть, я прилечу вам сообщить. Тогда вы, ребята, считайте, уже дома.

— "Вы, ребята?" — переспросила Сирокко. — Ну-ну, Кельвин. Мы тут все заодно. Только из-за того, что ты не держишься нашей компании, мы тебя здесь не бросим.

Кельвин нахмурился и больше ничего не сказал.

* * *

Прежде чем Свистолет лег на новый курс, Кельвин выбросил из дырки несколько снаряженных парашютами смехачей. Смехачи послужили ему лишь в качестве гирек, ибо ничего более ценного, чем голубоватый шелк и стропы, земляне еще, кажется, на Гее не находили.

Складывая и аккуратно запаковывая парашюты, Габи клялась, что теперь-то уж оденет Сирокко как королеву. Сирокко официально ей это поручила. Мелочь, конечно. Зато Габи была просто счастлива.

И «Титаник» снова пустился в плавание, но теперь его команду подгоняли новые надобности. Непременно требовалось найти контакт с расой, знакомой с антисептической хирургией или способной хотя бы развести костер — причем поскорее. Твари у них в животах ждать не станут.

В последующие дни Сирокко постоянно об этом думала. Отвращение сидело у нее внутри, будто сжатый кулак. А объяснялось оно по большей части неведомой природой зверя, одарившего ее своим семенем.

Но даже будь Сирокко уверена, что вынашивает человеческий плод, аборт все равно стал

бы ее целью. Материнство тут было совсем не в тему; матерью она собиралась сделаться лет в сорок-сорок пять, после увольнения из НАСА. На О'Ниле-Один в криогенной суспензии хранились десятки ее клеток, готовые к оживлению и имплантации, как только Сирокко почувствует, что готова дать жизнь младенцу. Такова была обычная предосторожность, принятая у астронавтов, а также у колонистов Луны и Л-5: защита тканей половых органов от радиоактивного поражения. Сирокко планировала вырастить мальчика и девочку в то время, когда уже будет годиться им и в матери, и в бабушки.

Время это она выбрала сама. И вне зависимости от того, кто в данном случае был отцом — любимый мужчина или бесформенная тварь из утробы Геи, — Сирокко сама намерена была распоряжаться собственными половыми органами. Она еще не готова — и еще много лет не будет готова. Не говоря уж о том, что Гея — вообще не то место, где стоит обременять себя младенцем, Сирокко еще предстоит проделать кучу дел и совершить массу всевозможных подвигов. Ребенок же неизбежно сделает будущие преграды окончательно непреодолимыми. А планы свои Сирокко твердо решила воплотить в жизнь.

ГЛАВА XI

Подвесные тросы шли рядами по пять штук, составленными в группы из пятнадцати, и рядами по три, стоящими отдельно.

С каждым ночным регионом соединялись пятнадцать тросов. Во-первых, был ряд из пяти вертикальных тросов, что шли прямиком к полому конусу в крыше, который представлял собой внутреннюю часть одной из спиц колеса Геи. Два таких троса смыкались с землей в горной местности и фактически составляли часть стены — один северный и один южный. Один выходил из точки ровно посередине между крайними тросами, а еще два располагались опять-таки точно по центру между крайними и центральным.

Эти срединные вертикальные тросы дополнялись в ночных регионах еще двумя рядами по пять наклонных, что лучами расходились от спиц, но крепились к земле уже в дневных областях — один ряд в двадцати градусах к востоку, а один в двадцати градусах к западу от срединного ряда. Из спицы над Океаном тросы, к примеру, расходились в Мнемосину и Гиперион. Весь комплекс из пятнадцати тросов поддерживал землю

под участком, равным примерно сорока градусам окружности Геи.

Тросы, укорененные в дневном регионе и через сумеречную зону переходившие в ночной, находились под острым углом к земле — причем угол этот увеличивался с высотой, пока в точке соединения с крышей не достигал градусов шестидесяти.

Оставались еще ряды по три троса, относившиеся исключительно к дневным регионам. Эти шли строго вертикально от земли до самой крыши, пронзали крышу и выходили в космос. К среднему из таких трех тросов в Гиперионе «Титаник» как раз и приближался.

С каждым днем трос представал все более величественным и жутким. Даже из лагеря Билла казалось, что он словно нависает над головой. Теперь же, заметно раздавшись, сильнее трос нависать не стал. Страшно было на него смотреть. Одно дело — знать, что эта вертикальная колонна пять километров в поперечнике и 120 в длину. Совсем другое — наблюдать ее воочию.

Офион описывал вокруг основания кабеля широкую петлю, которая начиналась на юге и шла к северу, пока река не возвращалась к своему общему восточному направлению. Петлю эту путники

заметили еще задолго от ее начала. Пожалуй, в путешествии по Гее больше всего раздражало как раз то, что пейзаж слишком далеко просматривался. По приближении обзор становился все ракурснее, а неровности пейзажа становились все менее различимы. Страна, по которой они путешествовали, всегда казалась такой же плоской, как Земля. И только далеко-далеко начинала закругляться.

* * *

— Не хочешь еще раз объяснить, зачем мы это делаем? — крикнула сзади Габи. — А то я что-то не поняла.

Поход к спице оказался тяжелей, чем ожидалось. До сих пор они плыли сквозь джунгли, где река образовывала естественную автостраду. Теперь же до Сирокко дошел истинный смысл выражения "непроходимая чаща". Землю здесь покрывала едва ли не твердая стена растительности, а единственной заменой ножей и тесаков путникам по-прежнему служили кольца от шлемов. В довершение же всех неудобств земля, по мере приближения к тросу, неуклонно шла вверх.

— Я бы на твоем месте поменьше ныла, — крик-

нула в ответ Сирокко. — Сама знаешь — надо, и все. Скоро будет полегче.

К этому времени они уже обладали кое-какой полезной информацией. Самым важным было то, что это и впрямь оказался трос, свитый из отдельных жил. Жил этих было больше сотни, каждая добрых 200 метров в диаметре.

Почти по всей длине троса жилы эти были туго сплетены, но в полукилометре от земли начинали расплетаться — и к земле уже крепились каждая по отдельности. В результате основание кабеля оказывалось целым лесом громадных башен, а не одной гигантской.

Самым интересным открытием стало то, что несколько жил были порваны. Высоко в небе путники видели изогнутые концы двух таких — похожие на кончики секущихся волос в рекламе шампуня.

Вырвавшись наконец на свободное пространство, Сирокко увидела, что эластичное вещество Геи, обычно скрытое под почвой, здесь, увлекаемое тросом, натянулось. Каждая жила вытягивала за собой аккуратный конус, и конусы эти были присыпаны песком. За наружными жилами виднелся целый их лес, где царил мрак.

Земля, разделявшая теперь путников и трос,

была песчаная, с немногими раскиданными там и тут валунами. Красновато-желтый песок лежал вокруг острогранных валунов, явно не пострадавших от эрозии. Казалось, их кто-то яростно вырвал из земли.

Наклоняя голову, Билл провел взглядом по тросу до самого его расширения у полупрозрачной крыши.

— Да-а, прямо скажем, картинка, — заключил он.

— А ты прикинь, каково это видеть аборигенам, — заметила Габи. — Канат с неба, держащий на себе мир.

Сирокко прикрыла глаза ладонью.

— Неудивительно, что они вообразили себе живущего там Бога, — сказала она. — Вообразили себе кукловода, что тянет за эти ниточки.

Когда они начали взбираться вверх по склону, земля была твердой, но затем ноги стали проскальзывать. Песчаную почву, влажную сверху, но совсем сухую снизу, уже ничто не скрепляло. Осталась лишь корка, легко расходившаяся на ненадежные, верткие полоски, которые сразу скользили вниз.

Сирокко рвалась вперед, твердо решив добраться до самой жилы, но еще метрах в 200 до

вершины конуса стала неудержимо соскальзывать назад. Билл и Габи остались позади, наблюдая за ее тщетными попытками зацепиться за неверную почву. Наконец Сирокко больно шлепнулась оземь — и села, пожирая глазами издевательски близкий трос.

— Какого черта? — взвыла она и треснула кулаком по земле.

Потом смахнула с губ песок.

Стоило встать, как нога опять соскользнула. Габи протянула руку. Билл тоже попытался помочь, но кончилось это тем, что он едва не оседлал их обеих. Они откатились еще на метр.

— Все, с меня хватит, — устало выдохнула Сирокко. — Но я по-прежнему намерена тут осмотреться. Кто со мной?

Особого энтузиазма никто не проявил, но все же и Билл, и Габи, спустившись по склону, вслед за Сирокко углубились в странный лес жил вертикального троса.

Каждая жила вытягивала за собой песчаный холм. Приходилось следовать по извилистой тропе между ними. В плотной почве у подножий гигантских кротовых кочек росли жесткие, ломкие сорняки.

Чем дальше они углублялись, тем темнее стано-

вилось — темнее и тише. За несколько последних недель на реке они от такой тишины отвыкли. Слышалось только далекое подвывание, словно по длинным заброшенным коридорам дул неугомонный ветер, — и еще где-то высоко-высоко будто позвякивали колокольцы. Путники слышали свои шаги и дыхание друг друга.

На ум невольно приходило сравнение этого места с огромным собором. Хотя нечто подобное Сирокко уже испытывала и среди гигантских секвой Калифорнии. Там было куда зеленее и далеко не так тихо, но странная недвижность и чувство потерянности среди громадных и безучастных существ было тем же самым. Сирокко вдруг поняла, что попадись ей сейчас на глаза паутина, она бросится бежать — и остановится только под светом дня.

Потом они и впрямь начали различать над головой что-то висячее, но похожее скорее не на паутины, а на рваные гобелены. Высоко наверху, полускрытые тенями, лжегобелены висели в недвижном воздухе словно бестелесные призраки. Вокруг них, раздуваемая дохлым ветерком, клубилась тончайшая пыль.

Габи слегка тронула Сирокко за руку. Та вздрогнула всем телом, затем посмотрела туда, куда

указывала подруга.

В пятидесяти метрах над вершиной песчаного холма на одной из нитей виднелся странный нарост. Сперва показалось, что там выступ, на котором кто-то сидит, потом — что там какая-то поросль.

— Похоже на морскую уточку, — сказал Билл.

— Или на целую их колонию, — прошептала Габи. Потом нервно закашлялась и повторила сказанное. Сирокко поняла состояние подруги; у нее самой было чувство, что здесь полагается именно шептать.

Сирокко покачала головой.

— А я вспомнила скальные жилища в Аризоне.

Несколько минут спустя они заметили и другие такие же объекты — но гораздо выше и не столь заметные, как тот, что обнаружила Габи. Интересно, жилища это или паразиты? Но выяснить это не удалось.

Сирокко напоследок огляделась — и тут ей показалось, что далеко, на самом рубеже полного мрака, она что-то заприметила.

Строение. Точно — строение. И как только Сирокко это поняла, ей тут же стало ясно, что строение это лежит в руинах. Почти все скрывала груда тонкого песка.

Едва ли не отрадно было встретить хоть что-то похожее на человеческую постройку. Размером строение было с самые мелкие домишки в колорадских пуэбло — да в общем-то как раз их и напоминало. Состояло оно из трех слоев шестиугольных комнат. Дверей нигде не наблюдалось. Комнаты каждого следующего слоя были чуть крупнее тех, что ниже. Подойдя ближе, Сирокко дотронулась до стены. Прохладный камень — обтесанный и сложенный без строительного раствора, вроде как у древних инков.

Теперь, вблизи, стало заметно, что слоев на самом деле пять, но два нижних намного меньше тех трех, что были видны издалека, и составлены из камней помельче. Отгребая песок у подножия стены, Сирокко обнаружила шестой уровень, а затем и седьмой — совсем крошечный.

— Ну, что скажешь? — поинтересовалась она у Билла, который, пока она копала, опустился рядом на корточки.

— Странный способ строительства.

Сирокко попыталась вкопаться глубже, но

вскоре была побеждена песком, который осыпался быстрее, чем она его отбрасывала. Самый нижний уровень, какой удалось откопать, составляли комнатки не более полуметра на полметра,

построенные из камней размером со стандартные кирпичи.

Обогнув строение, путники обнаружили место, где оно осыпалось. Массивные камни с верхушки раздавили почти все мелкие уровни внизу. В одной из комнат не хватало только наружной стены. Действительно — никаких внутренних дверей и никакой возможности попасть туда снаружи.

— Кому нужны дома без дверей?

— Может, туда забирались снизу? — предположила Габи.

— Этого без бульдозера не узнать. — Сирокко подумала про оборудование, которое предполагалось загрузить в спускаемый аппарат, — и вздрогнула, снова представив себе беспомощно крутящиеся в космосе обломки ее корабля.

— Я тут подумал, какое отношение вся эта ерунда может иметь к тросу, — сказал Билл. — Может, тут что-то вроде бытовок для строителей? Или это соорудили позже — когда все уже пошло под откос?

Сирокко удивленно подняла брови.

— А разве уже ясно, что все пошло под откос?

Билл развел руками.

— Некоторые структурные поломки явно не

устранялись. Ты же видела те рваные жилы.

Но даже в своем упадке Гея была величественна и благородна. Воздух ее оставался свежим, вода чистой. Да, верно, крупные ее участки сделались ныне пустынями и мерзлыми пустошами — и трудно было поверить, что так все и задумывалось. Но в то же время казалось, что экологические системы пришли бы в куда больший упадок, не держи кто-то руку на штурвале. Руку — пусть даже трясущуюся.

— Гея не так уж неуправляема, — вторя мыслям Сирокко, заметила Габи. — Это сооружение, по-моему, очень древнее. Ему вполне может быть несколько тысячелетий.

— Судя по виду, наверняка, — согласился Билл.

— А мне кое-что известно насчет сложностей, связанных с поддержанием нормальной работы биосистемы, — продолжила Габи. — Гея крупнее О'Нила-Один, и это делает ее гибче. Но без управления от нее уже через несколько столетий камня на камне бы не осталось. Так что не все, далеко не все пошло под откос.

— Управлять могут и роботы, — заметил Билл.

— А по мне так даже лучше, — сказала Сирокко. — Раз за всем этим стоит некий разум, я намерена с ним связаться и попросить о помощи.

Иметь дело с компьютерами, скорее всего, куда как проще.

Билл, порядком начитавшийся научной фантастики, был неистощим на всевозможные теории по поводу Геи. Сейчас он склонялся к неизменно безотказной теории "чумной мутации": нечто явилось невесть откуда и поубивало столько строителей, что Гея осталась в руках устройств автоматического контроля.

— Она брошена командой, могу поклясться, — убеждал он их. — Совсем как корабль в "Пасынках Вселенной" Хайнлайна. Тысячелетия назад на Гее пустилась в полет масса людей, а потом, в дороге, они потеряли управление. Корабельный компьютер вывел корабль на орбиту Сатурна, заглушил двигатели и до сих пор, ожидая дальнейших приказов, поддерживает воздушную циркуляцию.

* * *

Назад путники двинулись другой дорогой — в основном просто-напросто потому, что не могли взять в толк, откуда они пришли. Сирокко не беспокоилась, зная, что, куда ни пойди, все равно выйдешь на свет.

В результате на свет они вышли значительно севернее того места, где вошли, — и теперь узрели

нечто, от того места самим тросом заслоненное. Опять оборванная жила — но уже на земле.

Первая мысль Сирокко была о гигантском земляном черве, которого описывал Кельвин. Посверкивая в желтом свете, жила напоминала какое-то живое существо. Затем Сирокко вспомнила виденные ею на тренировочных сборах бразильские нефтепроводы: громадные серебристые трубы, так изрезавшие сельву, словно та была для них лишь ничтожной преградой.

Падая, жила славно расчистила себе дорогу — повалила высоченные деревья, безжалостно вгрызлась в землю. С тех пор над ней уже сомкнулись джунгли — но и теперь громадина, казалось, в любой миг готова подняться, стряхнуть с себя назойливые побеги и, будто пригоршню спичек, раскидать по сторонам могучие деревья.

А пятьюстами метрами выше от троса дугой отходил верхний конец оборванной жилы. Торец был неровный, и обнаженные разрывом внутренности отсвечивали красным, сине-зеленым и медно-бурым. Виднелось на обрубке и что-то серое, вроде хлебной плесени, а со дна стекал водопад. На земле под водопадом разрастался отделенный от остального леса оазис буйной растительности. Водопад был невероятно мощный и

шумный, но, вытекая из жилы столь гигантской, казался жалкой струйкой из игольного прокола в нефтепроводе.

Приблизившись к оборванной жиле, путники выяснили, что составляют ее шестигранные волокна лишь несколько миллиметров в поперечнике, а под самой поверхностью виднеются золотистые прожилки. Жила давала смутные, искаженные отражения — словно вместо зеркала земляне решили воспользоваться глазом гигантского насекомого.

Проследовав вдоль жилы вниз по склону холма и углубившись в джунгли, путники добрели до ее торца. Тот оказался полым, но так зарос лозой и кустарниками, что пробраться туда было просто немыслимо.

— Растениям явно по вкусу то, что там внутри, — заметила Габи.

Сирокко промолчала. Столь далеко зашедшее разложение несколько угнетало. В открытый торец жилы запросто мог влететь «Укротитель». А по масштабам Геи это была мелочь — всего-навсего одна из 200 жил только этого троса. И все же обрыв этой, столь стремительно пришедшей к распаду жилы шороху в свое время навел немалого. Звон тогда, наверное, по всей Гее пошел.

И никто с этим ничего не поделал.

Сирокко молчала. Тяжело было смотреть на остатки былого величия и чувствовать, что всем этим по-прежнему кто-то управляет.

ГЛАВА XII

Через двое суток после пристального осмотра основания троса команда «Титаника» вдруг выяснила, что тропический лес остался позади. Земля и раньше была холмистой лишь в окрестностях троса; теперь же она и вовсе стала гладкой как бильярдная доска. Офион просматривался теперь в обе стороны на многие километры. Береговая линия как таковая исчезла. Единственным, что хоть как-то отмечало границу реки с болотами, оставались укорененные на дне полоски высокой травы, а местами — глинистый берег не более метра вышиной. Всюду теперь простиралось водное полотно. Глубина редко составляла больше десяти сантиметров — не считая разве что запутанных лабиринтов каналов и рукавов, бухт и заводей. Там, на солидной глубине, сами расчищая свои жилища, кишели громадные угри и одноглазые ильные рыбины размером с бегемота.

Местные деревья, росшие отдельными, но плотными кучками, составляли три разновидности. Сирокко больше всего понравились те, что напоминали стеклянные скульптуры, — с

прямыми прозрачными стволами и идеально симметрично, как в кристалле, расположенными на них ветвями. Мелкие ветки казались вполне пригодными для использования в волоконной оптике. Некоторые слабые ветки ломались от порывов ветра. Подобрав их и обернув концы парашютной тканью, путники наконец-то обзавелись превосходными ножами. За красивое мерцание, происходившее от покачивания веток, Габи окрестила стеклистые деревья "рождественскими елками", а вскоре сократила название просто до "елок".

Две другие главенствующие формы растительности нравились Сирокко значительно меньше. Одно растение — неверно было бы назвать его деревом, хотя размеры вполне соответствовали, — напоминало те горки, что всегда бывают в большом изобилии на любой скотоводческой ферме. Билл назвал их навозными деревьями. При ближайшем рассмотрении у навозных деревьев оказалось любопытное внутреннее строение. Никому, впрочем, не захотелось изучать их еще досконально, ибо воняли они примерно так же, как и их земные аналоги.

Последний вид деревьев был несколько приятнее глазу. Что-то от кипариса, совсем чуть-чуть

от ивы — а росли они неопрятными клубками, сплошь обвешанными гирляндами ползучих побегов, которые будто бы силились притянуть их к земле.

Края эти выглядели столь же чужеродными, что и нагорная местность, — но в какой-то более неприятной манере. Только что оставшиеся позади джунгли мало чем отличались от долины Конго или Амазонки. Здесь же все казалось незнакомым, все было уродливым и пугающим.

Встать здесь лагерем было немыслимо. Тогда команда стала привязывать «Титаник» к деревьям и спать прямо в нем. Из каждых двенадцати часов десять непременно шел дождь. Путники кое-как приспособили над лодкой навесы из парашютов, но вода все равно просачивалась и скапливалась на дне. Было не то чтобы очень жарко, но из-за страшной влажности почти ничего не сохло.

Вся эта бесконечная грязь, жара, сырость и пот начали действовать людям на нервы. Они плохо спали, часто умудряясь лишь ненадолго прикорнуть в перерыве между дежурствами. Кончилось это тем, что в один прекрасный момент все трое дружно заснули — и пробудились от неистовой взаимной толкотни на вогнутом дне "Титаника".

Сирокко приснился такой кошмар, что поначалу даже дух перевести не удавалось. Она села, чувствуя, как мокрая ткань, будто кожура, отлепляется от тела. Всюду было липко — между пальцами рук и ног, под мышками, под коленями, на загривке.

Когда Сирокко с трудом поднялась на ноги, Габи кивнула ей и продолжила оглядывать реку.

— Знаешь, Рокки, — сказал Билл. — Тут для тебя кое-что…

— Н-нет, на хрен, — просипела Сирокко, воздевая к небу сжатые кулаки. — Будь оно все проклято! Я хочу кофе! Убила бы сейчас за чашечку кофе!

Габи исправно улыбнулась — но было видно, что через силу. Они с Биллом уже уяснили, что после сна Сирокко не сразу раскачивается.

— Верно. Ничего смешного. — Сирокко тупо поглазела на местность, которая показалась ей такой же подгнившей и разбитой, как и она сама. — Дайте хоть малость прочухаться, а уж тогда и спрашивайте, — сказала она. Потом, сорвав с себя липкую одежду, бросилась в реку.

Полегчало, но не особенно.

Вынырнув, она качалась как поплавок, придерживаясь за борт и с грустью думая о мыле,

пока нога не наткнулась на что-то скользкое. Не допуская бредовой мысли, что это и есть желанное мыло, Сирокко от греха подальше махнула через борт. Там встала на ноги. Мигом натекла приличная лужица.

— Ну вот, теперь порядок. Так что у вас там?

Билл указал на северный берег.

— Мы там дым заприметили. Его и сейчас еще видно — слева от той рощицы.

Сирокко перегнулась через борт и увидела: на фоне далекой северной стены прочерчивалась тоненькая серая линия.

— Давайте причаливать. Посмотрим.

* * *

Последовал долгий и противный поход по колено в липкой глине и затхлой жиже. Впереди шел Билл. Обходя крупное навозное дерево, заслонявшее обзор, путники заволновались. Сирокко сквозь навозный смрад различила запах дыма — и заспешила вперед по скользкой почве.

Не успели добраться до пожара, как пошел дождь. Так себе дождик, но и пожар оказался тоже не Бог весть какой. Поначалу казалось, что только черную сажу на ногах они оттуда и унесут.

Пожар выжег неровное пятно в квадратный

гектометр площадью, причем худо-бедно тлело лишь по краям. Прямо на глазах у путников белый дым под напором дождя стал быстро чернеть. Затем язычок огня вдруг лизнул небольшой кустик всего в нескольких метрах от них.

— Раздобудьте что-нибудь сухое, — приказала Сирокко. — Что угодно. Еще этой болотной травы и каких-нибудь палок. Скорее, а то вот-вот кранты. — Когда Билл и Габи ринулись в разные стороны, Сирокко присела рядом с кустиком и принялась дуть. Дым валил прямо в глаза, но она не обращала внимания. Дула и дула — аж голова пошла кругом.

Вскоре Сирокко уже складывала из сравнительно сухой древесины костер. А еще через некоторое время смогла спокойно присесть и не сомневаться, что костер будет гореть. Габи радостно взвизгнула и зашвырнула палку в такую высь, что та почти пропала из виду, пока не начала падать. Сирокко ухмыльнулась, а Билл похлопал ее по плечу. Эта маленькая победа могла оказаться чрезвычайно важной. Сирокко страшно радовалась.

Дождь прекратился, а костер продолжал гореть.

* * *

Загвоздка теперь состояла в том, как сохранить огонь.

После многих часов горячего обсуждения были опробованы и отброшены несколько вариантов.

На осуществление своего плана у путников ушел остаток дня и большая часть следующего. Слепив из болотной глины две чаши, они тщательно их обожгли, а затем насушили побольше той древесины, что горела медленнее любой прочей. Наконец в каждой из чаш были устроены костерки. Благоразумие подсказывало обзавестись запасом. Схема, правда, предусматривала постоянную заботу о костре. Так и порешили делать — по крайней мере до лучших времен.

Когда закончили с чашами, почти подошло время сна. Сирокко хотела попробовать добраться до сухой земли, не слишком доверяя самопальным устройствам для хранения огня, но Билл предложил вначале кого-нибудь прикончить.

— Осточертели уже эти дыни, — пожаловался он. — Последняя к тому же была протухшая.

— Хорошо, но здесь же нет смехачей. Я уже несколько дней ни одного не видела.

— Так давайте забьем кого-нибудь еще. Без мяса

нам никуда.

Питались путники и вправду неважно. На болотах и близко не было того изобилия фруктов, которым они наслаждались в лесах. Единственное местное растение, которое они попробовали, на вкус напоминало манго и обеспечило всем жестокий понос. А понос на «Титанике» оказался почище внутреннего круга Дантова ада. С тех пор они полагались исключительно на запасы провизии.

Решено было, что здоровенная ильная рыбина станет наилучшей добычей. Подобно всем прочим встреченным путниками тварям, особого внимания рыбина на них не обращала. Все остальное было или слишком мелким и шустрым — или, подобно гигантским угрям, слишком большим.

Рыбина любила зарываться носом в ил и ползать, лениво шевеля плавниками.

Вскоре Сирокко заодно с Биллом и Габи одну такую окружили. Впервые разглядев рыбину, Сирокко решила, что более отвратительной твари в жизни своей не видела. Трехметровая, плоскобрюхая, с мерзким вздутием как раз меж тупым рылом и угрожающим на вид горизонтальным хвостовым плавником. По здоровенной спинище

шел длинный серый гребень — мягкий, вялый. Вроде петушиного, только склизкий. Гребень ритмически набухал и сдувался.

— Билл, а ты уверен, что эта пакость тебе в рот полезет?

— Отлично полезет. Если только еще немножко на месте постоит.

Сирокко замерла метрах в четырех перед рыбиной, пока Билл и Габи подходили с боков. Все трое вооружились мечами из обломанных веток рождественской елки.

Единственный глаз рыбины был с хорошее блюдо для пирога, какой обычно едят на поминках. Один край его стал приподниматься, пока глаз не оказался устремлен на Билла. Тот замер. Рыбина фыркнула.

— Билл, не нравится мне это.

— Спокойно. Моргает она, видишь? — Из дырки над глазом опять вырвалась струйка жидкости, которая и производила странное фырканье. — Глаз увлажняет. Век-то у нее нет.

— Ладно, как скажешь. — Сирокко хлопнула в ладоши — и рыбина вежливо перевела взгляд с Билла на нее. Без уверенности, что делает то, что нужно, Сирокко пододвинулась еще на шаг. Рыбине вся эта возня явно надоела, и она отвер-

нулась.

Тогда Билл собрался с силами, подскочил к твари — и, вонзив меч как раз позади громадного глаза, еще и на него приналег. Рыба слегка дернулась — Билл выпустил меч и отскочил назад.

И — ничего. Глаз не шевельнулся, а плавник прекратил распухать и сдуваться. У Сирокко отлегло от сердца, а Билл ухмыльнулся.

— Раз плюнуть, — подытожил он. — Интересно, когда это колесо бросит нам вызов? — Спокойно подойдя к рыбине, он выдернул меч. Хлынула темная кровь. Рыбина вдруг выгнулась так, что хвостом коснулась рыла, — а потом резко бросила хвост вниз и вбок — аккурат по голове Биллу. Затем она ловко просунула плавник под неподвижное тело Билла и швырнула его в небо.

Сирокко даже не успела посмотреть, как он упадет. Рыбина выгнулась снова — на сей раз балансируя на брюхе с задранными вверх рылом и хвостом. И тут Сирокко впервые разглядела ее пасть. Пасть была круглая, как у миноги, с двумя рядами зубов, что вращались друг относительно друга и зверски скрежетали. Потом хвост опять хлестнул по хляби — и рыбина бросилась на Сирокко.

А та плашмя рухнула на землю и рванулась

вперед, прорывая подбородком канавку в грязи.

Рыбина плюхнулась как раз позади нее, выгнулась, бешено взмахнула хвостом — и швырнула в небо добрых полста килограммов ила. Острый плавник резанул по земле у Сирокко перед носом, затем взлетел для новой попытки. Сирокко ринулась прочь на четвереньках, поскальзываясь всякий раз, как только пыталась подняться.

— Рокки! Прыгай!

Она так и сделала — и едва успела убрать руку, когда хвостовой плавник чудовища снова рубанул по земле.

— Беги! Беги! Она опять на хвосте!

Взгляд через плечо — одни зверски вращающиеся зубы. Единственный звук — страшный их скрежет. Рыбина явно решила ее сожрать.

По колено в мерзкой жиже, Сирокко пыталась пробиться на глубину. Разумной идеей это не выглядело — но всякий раз, как она пыталась свернуть, из грязи взлетал страшный хвост. Вскоре от постоянных всплесков затхлой воды с илом Сирокко вообще перестала что-либо различать. Вот она в очередной раз поскользнулась — и, не успев вовремя подняться, получила хвостом по голове. Сознания она не потеряла, но в ушах воцарился дикий звон. Перевернувшись

на спину, Сирокко попыталась найти меч. Но тот уже утонул в иле. Рыбина, в каком-то метре от своей жертвы, уже свивалась для последнего сокрушительного броска, когда мимо нее вдруг промчалась Габи. Пятки ее едва касались земли. Габи прыгнула, Сирокко явственно ощутила зубодробительный удар обеих ее ног, рыбина прыгнула тоже — и все трое проскользили метра три по липкой грязи.

Сирокко уже очень смутно сознавала, что под ногой у нее невесть откуда взялась склизкая, влажная стена. Она оттолкнулась. Стоило Габи, барахтаясь в грязи, оттащить Сирокко на себя, как плавник хлестнул снова. Тогда Габи отпустила подругу — и Сирокко, захлебываясь, высунула голову из мерзкой жижи.

На глаза ей сразу попалась спина стоящей лицом к лицу с тварью Габи. Хвост рыбины, смертоносней любой сабли, рубанул Габи, казалось бы, точно по шее — но та успела пригнуться и выставить меч. Меч сломался почти у самой рукоятки, но все же успел срезать хороший кусок хвостового плавника. Рыбине такой отпор явно не понравился. А Габи прыгнула — едва избегнув чудовищной пасти — и приземлилась на спину твари. Потом, не успела та опомниться, вонзила

меч прямо в круглый глаз. Удар вышел не колющим, как у Билла, а рубящим. Рыбина тут же сбросила наездницу и бешено забила хвостом — но уже вслепую. Стоя в опасной близости от беснующейся твари, Габи высматривала, куда бы еще всадить меч.

— Габи! — выкрикнула Сирокко. — Брось! Не нарывайся!

Габи обернулась, затем поспешила к Сирокко.

— Давай сматываться. Можешь идти?

— Ясное дело… — Земля закачалась. Пришлось уцепиться за руку Габи.

— Держись. Эта тварь опять подбирается.

Сирокко не удалось самой в этом убедиться, поскольку Габи потянула ее прочь раньше, чем она успела выяснить, что и как. Совсем ослабев, Сирокко просто висла на плечах у Габи — а та, как заправский спасатель, тащила подругу из болота.

Дальше Сирокко поняла, что ее кладут на траву, и увидела нависшее над нею лицо. Заливаясь слезами, Габи нежно ощупала голову подруги, затем прикоснулась к груди.

— Мм! — Сирокко вздрогнула от боли и сжалась в комок. — Ты мне, похоже, ребро сломала.

— О Господи. Когда поднимала? Прости, Си-

рокко, я…

Сирокко погладила ее по щеке.

— Да нет же, дурочка. Не когда поднимала. Когда налетела на меня как паровоз. И хорошо, что налетела.

— Надо проверить твои глаза. По-моему, у тебя…

— Нет времени. Помоги мне встать. Надо посмотреть, как там Билл.

— Сначала ты. Лежи смирно. Тебе нельзя…

Отмахнувшись от ее руки, Сирокко все-таки встала на колени. Но тут же согнулась пополам и блеванула.

— Вот видишь? Тебе надо лежать.

— Ладно, — выдохнула она. — Найди его, Габи. Позаботься о нем. Притащи его сюда. Живого.

— Дай только проверю…

— Иди!

Со страданием на лице Габи прикусила губу и взглянула на все еще беснующуюся неподалеку рыбину. Потом резко вскочила и бросилась бежать. Сирокко оставалось надеяться, что побежала она туда, куда надо.

Держась за живот и тихо матерясь, Сирокко так и сидела, пока Габи не вернулась.

— Он жив, — сообщила она. — Только без созна-

ния. И, по-моему, ранен.

— Тяжело?

— У него кровь на ноге, на руках и по всей груди. Где — его, где — рыбья.

— Я же велела тебе его притащить, — прорычала Сирокко, с трудом сдерживая новый приступ тошноты.

— Тсс, — успокаивающе зашипела Габи, поглаживая Сирокко по голове. — Что я, трактор? Сделаю носилки — тогда и притащу. Но первым делом я доставлю тебя до лодки и уложу. А ну тихо! Если придется с тобой драться, я готова. Ты ведь не хочешь разок по челюсти, правда?

Сирокко самой хотелось влепить подруге разок по челюсти, но тошнота пересилила. Она снова осела на землю, а Габи опять потянула ее наверх.

Следующее, что запомнилось Сирокко, — это ее собственные мысли насчет смехотворности происходящего. Славно, должно быть, смотрелись они со стороны. Полтора метра Габи против метра восьмидесяти пяти Сирокко. Хотя, при низкой гравитации, Габи лишь приходилось выбирать точные движения. Вес же большой проблемы не составлял.

Когда закрыла глаза, стало полегче. Меньше мутило, и земля не раскачивалась. Сирокко опу-

стила голову на плечо Габи.

— Спасибо, что выручила, — прошептала она и вырубилась.

* * *

Очнулась Сирокко от мужского вопля. Не хотелось бы ей еще когда-нибудь такое услышать.

Билл бредил. Сирокко села и осторожно дотронулась до виска. Все еще болело, но голова уже так не кружилась.

— Иди-ка помоги, — попросила Габи. — Надо его держать — или он сам себя ранит.

Сирокко поспешила к подруге.

— Как у него?

— Совсем хреново. Нога сломана. Еще, по-моему, и несколько ребер. Хотя кровью он не харкал.

— На какой кости перелом?

— На перцовой… нет, на берцовой. Не то на большой, не то на малой. Не помню я, где какая. Сперва я думала, там просто рана. А потом, когда стала класть на носилки, он дернулся. Тут кость наружу и вылезла.

— О Господи.

— Крови он, по крайней мере, много не потеряет.

Осматривая рваную рану на ноге Билла, Сирок-

ко снова почувствовала, что ее вот-вот вырвет. Габи промывала открытый перелом прокипяченными парашютными тряпками. Всякий раз, как она касалась раны, Билл хрипло стонал.

— Что же теперь делать? — спросила Сирокко, смутно сознавая, что такой вопрос следовало адресовать ей самой.

Габи совсем измучилась.

— Наверное, надо позвать Кельвина.

— А что толку? Ну ладно, позову я этого сукина сына. Но ты же помнишь, как долго он в тот раз добирался. Если Билл умрет раньше, чем этот негодяй прибудет, я его своими руками прикончу.

— Тогда надо самим вправлять кость.

— А ты знаешь, как это делается?

— Видела как-то раз, — ответила Габи. — Но с анестезией.

— А у нас, кроме кучи тряпок сомнительной чистоты, больше ни черта. Ладно. Я подержу его. Сейчас. — Она пододвинулась к Биллу и посмотрела ему в лицо. Билл таращился в никуда. Лоб его на ощупь просто горел.

— Билл. Послушай меня, Билл. Ты ранен.

— Рокки?

— Да, это я. Все будет хорошо, но у тебя сломана

нога. Понимаешь?

— Понимаю, — прошептал он и закрыл глаза.

— Билл, очнись. Мне нужна твоя помощь. Ты не должен от нас отбиваться. Ты меня слышишь?

Подняв голову, Билл посмотрел на свою ногу.

— Ага, — сказал он, грязной рукой вытирая лоб. — Я постараюсь. Только скорее, ладно?

Сирокко кивнула Габи. Та зажмурилась и потянула.

Понадобились три попытки. После третьей обеих женщин уже била крупная дрожь. Во время второй попытки обломок кости с мерзким хлюпаньем высунулся наружу, и Сирокко опять вырвало. Билл держался как мог — жилы у него на шее натянулись как струны, дышал он со свистом, но больше не кричал.

— Никак в толк не возьму, получилось у нас что-нибудь или нет, — сказала Габи. И заревела. Сирокко оставила ее в покое и продолжила приматывать шину к ноге Билла. Потом встала, держа окровавленные ладони перед собой.

— Надо уходить отсюда, — сказала она. — Здесь хорошего мало. Надо найти место посуше, разбить лагерь и ждать, пока он поправится.

— Его, наверное, нельзя беспокоить.

— Нельзя, — вздохнула Сирокко. — Но придет-

ся. Через сутки мы уже должны выбраться из проклятых болот на ту равнину. Вперед.

ГЛАВА XIII

Вместо суток получилось двое — одинаково жуткие.

Приходилось часто останавливаться, чтобы стерилизовать Биллу повязки. Чаша, в которой они грели воду, достоинствами керамического горшка не обладала. Она без конца осыпалась, то и дело грозила растаять, а кипяток в ней выходил мутный. Вдобавок на кипячение уходил добрый час, так как давление на Гее было выше земного.

Пока река оставалась широкой и глубокой, Габи и Сирокко удавалось по очереди немного поспать. Но когда попадали на опасный участок, обеим приходилось прилагать все усилия, чтобы «Титаник» не налетел на мель. А дождь все шел и шел.

Билл спал — а сутки спустя проснулся старее лет на пять. Лицо его посерело. Когда Габи стала менять повязки, рана ей сильно не понравилась. Нога ниже колена распухла чуть ли не вдвое.

К тому времени, как болота остались позади, Билл уже вовсю бредил. Температура сильно подскочила, без конца лил обильный пот.

Ранним утром второго дня Сирокко удалось связаться с пролетавшим мимо пузырем и получить от него в ответ тонкий свист с повышающимся тоном, который, согласно указаниям Кельвина, следовало перевести как "хорошо, я передам". Впрочем, она начинала бояться, что уже слишком поздно. Глядя, как пузырь безмятежно плывет в сторону замерзшего моря, Сирокко спрашивала себя, какого черта ее тогда дернуло уговорить Билла и Габи покинуть лес. А если это уж так ей потребовалось, почему было не полететь на Свистолете — подальше от всякой жути вроде ильных рыбин, которые категорически отказываются умирать.

Причины, по которым все это не годилось, оставались столь же вескими, что и прежде, — но казнить себя они ей нисколько не мешали. Габи в пузырях летать не могла — оттого и пришлось искать другой выход. Но Сирокко не переставала думать, что наверняка бывает что-то более легкое и радостное, чем возлагать на себя ответственность за чужие жизни, — и додумалась до того, что ее буквально затошнило от собственной. Ей хотелось избавиться от тяжкой ноши, хотелось переложить ее на кого-то другого. Какого черта она вообще возомнила, что способна быть

капитаном? Разве с тех пор, как она взялась командовать «Укротителем», ей удалось принять хоть одно верное решение?

То, чего ей на самом деле хотелось, было предельно просто, но так труднодостижимо. Сирокко, как и всем прочим, хотелось любви. Но ведь Билл сказал, что любит ее, — так почему она этим же ему не ответила? Она тогда подумала, что успеется. Но вот он умирает — и смерть его ляжет на ее совесть.

Еще Сирокко хотелось приключений. Они влекли ее с самого детства — начиная с первой раскрытой книжки комиксов, с первого репортажа из космоса, увиденного широко распахнутыми детскими глазами, с первых черно-белых боевиков и цветных вестернов на плоском экране. Жажда свершить что-нибудь такое отважное и героическое никогда ее не покидала. Именно эта жажда оттолкнула ее от карьеры певицы, которой так хотела видеть Сирокко ее мать, и отталкивала впоследствии от роли домохозяйки, которую пытались ей навязать все кому не лень. Сирокко хотелось, лихо орудуя бластером, обрушиваться на базу космических пиратов, вместе с кучкой отчаянных революционеров пробираться сквозь дремучие джунгли ради ночного налета

на вражескую твердыню, искать чашу Грааля или уничтожать Звезду Смерти. Повзрослев, Сирокко ухитрялась находить все новые и новые причины, чтобы сначала улиткой проползти через университет, чтобы тренироваться и закаляться — и в конце концов вышколить себя так, что, когда выпал шанс, ее, именно ее, а не кого-то другого, выбрали для этой самой экспедиции на Сатурн. Не больное честолюбие, а отчаянная жажда дальних странствий, неоткрытых земель и небывалых подвигов — вот что в итоге все-таки привело ее на палубу "Укротителя".

Теперь Сирокко получила желанные приключения. В полной мере. Вот она плывет в жалкой скорлупке внутри самого титанического строения, какое когда-либо являлось человеческому глазу, — а любящий ее мужчина умирает.

* * *

Восточный Гиперион оказался страной покатых холмов и широких равнин, утыканных одинокими деревьями — примерно как в африканской саванне. Офион все сужался и ускорял бег, одновременно невесть отчего становясь холоднее.

Пять-шесть километров они проплыли, цели-

ком полагаясь на милость реки, мимо невысоких утесов, обрывавшихся у самой водяной кромки. На быстринах «Титаник» становился неуправляемым. Сирокко дожидалась, пока река станет пошире и можно будет высадиться.

Наконец она высмотрела такое место — и добрых два часа они с Габи, вооруженные шестами и веслами, отчаянно боролись с течением, чтобы причалить к скалистому берегу. Боролись из последних сил. В довершение всех несчастий припасы на «Титанике» уже кончились, а Восточный Гиперион особенно изобильным на еду не выглядел.

То и дело поскальзываясь на отполированных рекою камнях, женщины все тащили и тащили «Титаник» на берег, пока не удостоверились, что их суденышко вне всякой опасности. Билл ничего этого не чувствовал. И уже давно ничего не говорил.

Затем Габи заснула мертвецким сном, а Сирокко осталась приглядывать за Биллом. Чтобы тоже не вырубиться, она решила обследовать окрестности в пределах метров ста от стоянки.

В двадцати метрах от кромки воды поднимался невысокий берег. Сирокко не без труда на него вскарабкалась.

На вид Восточный Гиперион казался идеальным местом для земледелия. Его широкие просторы очень напоминали желтые пшеничные поля Канзаса. Кое-где иллюзию нарушали ржаво-бурые участки и другие, бледно-голубые с примесью оранжевого. Все это струилось на ветру будто высокие травы. Повсюду двигались темные тени — причем облака плыли так низко, что в оврагах от них даже при свете дня клубился туман.

Дальше к востоку холмы уходили в сумеречную зону Западной Реи, постепенно зеленея от буйных лесов, но вскоре теряя зелень и превращаясь в дикие голые скалы. А к западу, где земля разглаживалась, под солнцем поблескивали мелкие озера и топи болот с живучими ильными рыбинами. Еще дальше темнела зелень тропических лесов, а выше по изгибу опять расстилались равнины, что исчезали в сумеречной зоне Океана с его замерзшим морем.

Обозревая дальние холмы, Сирокко заприметила группу животных: черные пятнышки на желтом фоне. Два-три пятнышка казались крупнее остальных.

Уже собравшись вернуться к палатке, она вдруг услышала музыку. Музыку столь слабую и дале-

кую, что Сирокко тут же поняла: она уже, сама того не сознавая, давно ее слышит. Сначала шла стремительная россыпь тонов, затем долгая нота — поразительно сладкозвучная и чистая. Музыка словно пела о покое, о тех мирных краях, которые Сирокко уже не чаяла увидеть. И еще музыка эта казалась знакомой как мамина колыбельная.

Сирокко вдруг поняла, что тихо всхлипывает. Она застыла на месте — а заодно с ней замер и ветер. Но музыка уже пропала.

* * *

Титанида нашла их в тот самый момент, когда они уже снимали палатку, готовясь перенести Билла в «Титаник». Она стояла на вершине утеса, куда днем раньше взбиралась Сирокко. Женщина решила подождать, что сделает титанида, а та, казалось, ждала того же от нее.

Самым очевидным названием для застывшего на вершине утеса существа было «кентавр». Нижняя часть его была конская, а верхняя — настолько человеческая, что сходство даже ужасало. Сирокко просто глазам своим не верила.

Причем существо не было похоже ни на кентавров, как их представлял себе Дисней, ни даже на классический античный образец. Да, шерсти на

нем хватало, и все же самой приметной чертой оставались участки с голой кожей. Громадные разноцветные каскады волос располагались на голове и хвосте, над копытами всех четырех ног, а также на предплечьях существа. Но самое странное — густые волосы росли у него меж двух передних ног. Именно там, где у любого нормального коня — которого то и дело силилась представить себе Сирокко — не было ничего, кроме гладкой шкуры. Наконец, если не считать некоторых украшений, на удивительном существе с пастушьей палкой в руке не было никакой одежды.

Сирокко не сомневалась, что это и есть одна из тех титанид, которых упоминал Кельвин. Вот только в его перевод свистолетской фразы вкралась одна явная ошибка. Оно — вернее, она, раз Кельвин сказал, что все титаниды женского пола, — имело не шесть ног, а шесть конечностей.

Сирокко шагнула вперед — и титанида тут же приложила руку к губам, а затем резко выбросила ее вперед.

— Осторожно! — крикнула она. — Пожалуйста, осторожнее.

Долю секунды Сирокко недоумевала, что имеет в виду титанида, — и тут же оказалась в еще боль-

шем недоумении. Ибо говорила титанида ни на английском, ни на русском, ни на французском — короче, ни на одном из известных Сирокко языков.

— В чем… — Сирокко помедлила и откашлялась. Некоторые слова звучали очень высоко. — В чем дело? Нам что-то угрожает? — Вопросы ставились твердо, что требовало довольно сложного форшлага.

— Тебе, по-моему, да, — пропела титанида. — Ведь ты наверняка вот-вот упадешь. Хотя, пожалуй, тебе виднее, как лучше для твоей расы.

Габи как-то странно смотрела на Сирокко.

— Что тут за чертовщина? — поинтересовалась она.

— Я ее понимаю, — ответила Сирокко, не желая вдаваться в подробности. — Она просит нас быть осторожнее.

— Осто… да как, черт побери?

— А как Кельвин общается с пузырем? С нашими мозгами, девочка, кто-то явно схимичил. Но сейчас это даже кстати, так что заткнись на время. — Сирокко поспешила с рекомендацией, пока от Габи не последовали еще вопросы, ответов на которые она все равно не знала.

— Вы люди болот? — спросила титанида. — Или

вы пришли с замерзшего моря?

— Ни то ни другое, — выдала трель Сирокко. — Мы проплывали через болота на пути к… к морю зла, но одного из нас ранило. Мы не желаем тебе вреда.

— Вы вряд ли причините мне вред, если отправитесь к морю зла, потому что там вы умрете. Странно. Для потерявших крылья ангелов вы слишком велики. А для морских тварей слишком красивы. Признаюсь, раньше я вас не встречала.

— Мы… слушай, а ты не спустишься к нам на берег? Моя песнь слаба; ветер еле-еле ее доносит.

— Ага, я мигом. Ты даже хвостом махнуть не успеешь.

— Рокки! — прошипела Габи. — Смотри, она же спуститься хочет! — Она встала перед Сирокко и угрожающе подняла стеклянный меч.

— Да знаю, знаю, — рявкнула Сирокко, хватая Габи за руку с оружием. — Я сама ее попросила. Убери меч, пока она чего плохого не подумала, и постой в сторонке. Если будут проблемы, я крикну.

Титанида спускалась с утеса передними ногами вперед, покачивая руками для равновесия. Легко пританцовывая, она катилась вниз на небольшой лавине камушков, которую сама же и запустила.

Из-под копыт слышались знакомое цоканье.

Она оказалась сантиметров на тридцать выше Сирокко, которая невольно шагнула назад при ее приближении. Редко приходилось ей встречать женщину выше себя ростом, однако это существо прекрасного пола возвышалось бы над любым землянином, за исключением разве что профессиональных баскетболистов. Вблизи титанида создавала еще более неземное впечатление — причем именно из-за частичного, но поразительно точного сходства с человеком.

Ряды алых, оранжевых и голубых полосок, которые Сирокко вначале приняла за естественную масть, оказались всего лишь раскраской. Кое-где, в основном на лице и на груди, полоски эти сплетались в узоры. Четыре полоски в форме римских пятерок украшали живот — как раз над пупком, если бы титаниде таковой полагался.

Крупный рот и широкий нос на пропорционально широком лице выглядели вполне симпатично. Глаза были громадны — и очень широко расставлены. Ослепительно желтая радужка лишь у самых зрачков приобретала зеленоватый оттенок.

Глаза эти так зачаровали Сирокко, что она чуть было не упустила из виду самую удивительную

и совсем не человеческую часть головы. Сперва она решила, что титанида заткнула себе за уши какие-то странные цветы, но выяснилось, что это и есть сами уши. Острые их кончики тянулись выше макушки.

— Меня зовут До-диез… — пропела титанида. На самом деле она напела ряд нот в ключе до-диез.

— Что она сказала? — прошептала Габи.

— Сказала, что ее зовут… — Сирокко пропела имя, и титанида навострила уши.

— Ну нет, я ее так звать не могу, — запротестовала Габи.

— Зови ее До-диез. А теперь, может, ты все-таки заткнешься и дашь мне поговорить? — И Сирокко повернулась обратно к титаниде.

— Меня зовут Сирокко, или капитан Джонс, — пропела она. — А это Габи, моя подруга.

Уши титаниды свесились до плеч. Сирокко чуть было не расхохоталась. Выражение широкого лица не изменилось, но уши поведали обо всем более чем красноречиво.

— Просто сир-рок-кок-кап-пит-танж-жонс? — сымитировала она монотонную фразу Сирокко. Когда титанида вздыхала, ноздри ее раздувались, но грудь оставалось неподвижной. — Это очень длинное имя, но, прошу прощения, не самое

значительное. Неужели вам, людям, доставляет удовольствие называть себя столь мрачными именами?

— Имена нам выбирают другие, — пропела Сирокко, чувствуя сильнейшее замешательство. Имя ее, по сравнению с волшебным мотивом титаниды, вдруг показалось презренной кличкой. — Наша речь не похожа на вашу, а наши дыхательные пути не столь глубоки.

До-диез рассмеялась — причем почти по-человечески.

— Воистину, твой голос как у тонкой свирели, но ты мне нравишься. Если ты не против, я бы пригласила тебя и твою подругу в дом моей задоматери разделить нашу скромную трапезу.

— Мы с радостью примем твое приглашение, но один из нас серьезно ранен. Нам нужна помощь.

— Которая же из вас? — пропела титанида, в ужасе помахивая ушами.

— Ни я, ни Габи. Наш друг. Он сломал себе кость в ноге. — Сирокко мимоходом отметила, что титанидский язык включает в себя конструкции местоимений как для женщин, так и для мужчин. Обрывки песен, где упоминались мать-женщина, мать-мужчина и даже что-то еще более фантастичное, промелькнули у нее в голове.

— Кость в ноге, — пропела До-диез, а уши ее при этом изобразили замысловатый сигнал. — Если моя догадка верна, то для вас, не способных поберечь одну ногу, такое несчастье очень серьезно. Я немедленно позову лекаря. — Она подняла свой жезл и пропела что-то очень краткое в небольшой зеленый комочек на конце.

Габи круглыми глазами воззрилась на титанида.

— У них есть рация? Рокки, скажи, что она делает?

— Она сказала, что позовет доктора. И еще тактично заметила, что имя у меня паскудное.

— Доктор Биллу, понятное дело, нужен. Только ведь ее приятель членский билет Американской медицинской ассоциации тебе, как пить дать, не покажет.

— Думаешь, я сама не знаю? — злобно прошипела Сирокко. — Биллу, черт побери, совсем хреново. И даже если в арсенале у этого доктора одни конские пилюли и языческие заклинания, Биллу от них хуже не станет.

— Это была твоя речь? — поинтересовалась До-диез. — Или у тебя острое респираторное расстройство?

— Мы так разговариваем. Я…

— Ах, прости меня, пожалуйста! Недаром моя задомать говорит, что мне еще учиться и учиться такту. Ведь мне еще только… — она пропела число двадцать семь и меру времени, которую Сирокко перевести не удалось, — …и к моему маточному знанию необходимо прибавить очень многое.

— Понятно, — пропела Сирокко, которая ровным счетом ничего не поняла. — Должно быть, мы кажемся тебе странными. Ты нам, по крайней мере, точно кажешься.

— Правда? — Тональность песни ясно показывала, что для До-диез это новость.

— Ну да. Ведь мы ни разу таких, как ты, не встречали.

— Наверное, вы правы. Но, если вы ни разу не видели титаниды, где же тогда на великом колесе ваша родина?

Сирокко озадачило то, как ее разум перевел песнь До-диез. Только услышав две ноты для слова «родина» она, перебирая все альтернативные интерпретации, вдруг поняла, что До-диез использует вежливо-официальную модальность, микротонами сглаживая высокий тембр, — короче, разговаривает как младшая со старшей. И Сирокко переключилась на сниженные на пол-

тона ряды информационного лада.

— Вовсе не на колесе. За стенами этого мира есть место куда большее, которого ты видеть не можешь…

— Ой! Так вы с Земли!

Конечно, До-диез не сказала "с Земли" — точно так же, как и не называла себя титанидой. Но точный эквивалент обозначения третьей от Солнца планеты поразил Сирокко не меньше, как если бы она услышала название родной планеты. До-диез продолжила, причем ее манера и интонация переключились — по подсказке Сирокко — с почтительного лада на информационный. Титанида явно воодушевилась — и будь ее уши чуть пошире, она непременно вспорхнула бы в воздух.

— Я в затруднении, — пропела она. — Мне казалось, Земля — всего лишь сказка для малышей. Легенда из тех, что рассказывают у лагерных костров. И еще я думала, что обитатели Земли подобны титанидам.

Непривычный к титанидским песням, ум Сирокко задержался на последнем слове, прикидывая, не следует ли его перевести просто как «людям». Примерно как в высказывании "мы люди, вы варвары". Но нет — шовинистских обер-

тонов там не было. До-диез говорила о своем виде как одном из многих на Гее.

— Мы здесь первые, — пропела Сирокко. — Я удивлена, что ты о нас знаешь, ибо мы о вас до сих пор не знали ничего.

— Разве вы не поете о наших великих деяниях подобно тому, как мы поем о ваших?

— Боюсь, нет.

Тут До-диез обернулась. На вершине утеса стояла еще одна титанида. Выглядела она в точности как До-диез, но с одним шокирующим отличием.

— Это Си-бемоль… — пропела До-диез и тут же сконфуженно вернулась к прежнему почтительному ладу.

— Пока он не подошел, мне хотелось бы задать вопрос, который так и терзает меня с тех пор, как я впервые вас увидела.

— Тебе не обязательно обращаться ко мне как к старшей, — пропела Сирокко. — Может статься, ты старше меня.

— Нет-нет. По земному счету мне всего три года. Но я вот что хотела узнать… надеюсь, мой вопрос не покажется дерзким… как это вы так долго стоите и не падаете?

ГЛАВА XIV

Когда вторая титанида к ним присоединилась, шокирующее отличие, которое Сирокко уже успела подметить, предстало во всей своей неприглядности. Между передних ног — там, где у До-диез был всего лишь кустик волос, — у Си-бемоля висел абсолютно человеческий пенис.

— Боже милостивый, — прошептала Габи, подталкивая Сирокко локтем.

— Может, все-таки утихомиришься? — прошипела Сирокко. — Ведь уже на нервах играешь.

— На нервах? У тебя? А я как же? Я-то ни хрена не понимаю, чего вы тут поете. Хотя получается мило. Правда, Рокки. У тебя классно выходит. Ангажемент в Ла-Скала…

— Все, Габи, кончай.

Однако, если не считать мужских гениталий спереди, в остальном Си-бемоль был в точности как До-диез. Те же высокие конические груди и та же бледная безволосая кожа. Смутно женские лица титанид были широкороты и безбороды. У Си-бемоль было больше краски на теле и больше цветов в волосах. Если бы не это — и, опять-таки,

не пенис, — их даже трудно было бы различить.

Из складки кожи на уровне отсутствующего пупка у Си-бемоля торчал конец деревянной флейты. Очевидно, там была сумка — вроде кенгуриной.

Подойдя поближе, Си-бемоль протянул руку к Сирокко. Та отступила. Тогда Си-бемоль быстро подскочил и положил обе руки ей на плечи. В первое мгновение Сирокко испугалась, но тут же сообразила, что он всего-навсего разделяет недоуменное опасение До-диез. Си-бемоль подумал, что двуногая сейчас опрокинется на спину, и решил ее поддержать.

— Со мной все хорошо, — нервно пропела Сирокко. — Я могу стоять сама. — Ладони у Си-бемоля были крупные, но вполне человеческие. Прикосновение его вызывало странные чувства. Одно дело — смотреть на сказочное существо, совсем другое — ощущать тепло его тела. Тут Сирокко невольно пришла к мысли, что именно сейчас она осуществляет первый контакт человека с представителем внеземной цивилизации. Пахло от Си-бемоля корицей и яблоками.

— Лекарь скоро будет. — Он пел ей песнь равного, хотя и в официальном ладу. — А пока что не отказались бы вы поесть?

— Мы бы сами вам предложили, — пропела Сирокко, — но, если честно, у нас кончилась вся провизия.

— И моя передосестра ничего вам не предложила? — Си-бемоль бросил на До-диез осуждающий взгляд, и та повесила голову. — Она любопытна и порывиста, но не слишком внимательна. Пожалуйста, простите ее. — Слова, которые Си-бемоль использовал для обозначения степени своего родства с До-диез, понять было сложно. Словарь Сирокко таких подробностей не содержал.

— Нет-нет, она была очень любезна.

— Ее задомать была бы рада это слышать. Так вы разделите с нами трапезу? Не знаю, какую пищу вы предпочитаете, но, если у нас найдется хоть что-то по вашему вкусу, мы счастливы будем вам это предложить.

Си-бемоль сунул руку в сумку — в кожаную на поясе, а не в ту, что составляла часть его тела, — и достал оттуда приличную красновато-бурую колбасину вроде копченого окорока. Орудовал он ею примерно как ножкой индейки. Аккуратно и ловко сложив свои конские ноги, титаниды сели. Сирокко и Габи тоже сели — причем за этой процедурой титаниды наблюдали с нескрываемым интересом.

Окорок пустили по кругу. До-диез достала также пару десятков зеленых яблочек. Целое яблочко титаниды просто запихивали в рот. Затем следовал хруст — и пища отправлялась по назначению.

Габи с подозрением косилась на фрукты. И даже удивленно подняла брови, когда Сирокко решилась одно яблочко укусить. На вкус — в точности как нормальное зеленое яблоко. Внутри — белое, сочное, с мелкими бурыми косточками.

— Брось, Габи, — сказала Сирокко. — Потом разберемся.

— А мне бы кое-какие ответы и прямо сейчас не помешали, — возразила Габи. — Кто, черт возьми, поверит, что мы ели зеленые яблоки-пепинки, сидя в тесном кружке с размалеванными кентаврами?

До-диез рассмеялась.

— Габ-би поет с большим воодушевлением.

— Это она про меня?

— Ага. Ей твоя песня понравилась.

Габи робко улыбнулась.

— Ну, куда мне до тебя. Ты там такие арии разводишь. А все-таки — как ты их понимаешь? И как насчет их внешности. Слышала я про параллельную эволюцию, но чтобы выше пояса?..

Гуманоиды — это понятно. Я была вполне готова ко всему — начиная от здоровенных блямб из студня и кончая гигантскими пауками. Но они слишком похожи на нас.

— Большая их часть, однако, на нас не похожа.

— Да! Верно! — возбудилась Габи, снова переходя на крик. — Но посмотри на эту физиономию. Убери ослиные уши. Да, рот широкий, глаза большие, а нос такой, будто по нему лопатой треснули. Но все в пределах разумного. Все это можно встретить на Земле. А теперь посмотри пониже, если осмелишься. — Тут Габи передернулась. — Посмотри, посмотри. И если это не нормальный человеческий пенис, можешь мне в глаза плюнуть.

— Пожалуйста, спроси ее, нельзя ли нам присоединиться, — искренне попросил Си-бемоль. — Слов мы, конечно, не знаем, но аккомпанемент бы сымпровизировали.

В ответ Сирокко пропела, что ей нужно еще немного поговорить со своей подругой, а потом она все переведет. Си-бемоль кивнул, но продолжал внимательно следить за их разговором.

— Ты, Габи, тут не ори. Все-таки не дома.

— Извини. — Габи опустила глаза и постаралась успокоиться. — Просто я хочу, чтобы все

стояло на своих местах. Человеческий пенис у инопланетного существа — это абсурд. А ладони ты их видела? Я видела. Ведь у них отпечатки пальцев можно взять. ФБР без проблем на каждую титаниду досье заведет.

— Да видела я, видела.

— Тогда хоть объясни, как ты с ними общаешься…

Сирокко развела руками.

— Не знаю. Получается так, будто я их язык с рождения знала. Петь сложнее, чем слушать, — но это просто оттого, что горло еще не привыкло. Сперва я испугалась, а теперь ничего. Я им верю.

— Точно так же, как Кельвин верит пузырям.

— Уже ясно, что кто-то поиграл с нами, пока мы спали. Кто-то запихнул в меня этот язык — уж не знаю, как и зачем, — и кто-то запихнул в меня кое-что еще. Ощущение такое, что, по крайней мере, за первым даром злых намерений не стояло. Чем больше я с титанидами общаюсь, тем больше они мне нравятся.

— Кельвин про этих проклятых пузырей точно то же самое болтал, — мрачно заметила Габи. — А ты его чуть в колодки не посадила.

— Кажется, теперь я его понимаю.

* * *

Титанидская лекарша — существо женского пола, чье имя также звучало в тональности си-бемоль, — войдя в палатку, некоторое время под бдительным взглядом Сирокко осматривала ногу Билла. По краям рана была желтая с сине-черным. Когда лекарша нажала, оттуда хлынула какая-то гадость.

Лекарша сознавала, что каждое ее действие вызывает у Сирокко живейшее участие. Изогнув человеческий торс и порывшись в кожаной сумке, притянутой подпругой к конской спине, она достала круглую прозрачную фляжку, в которой плескалась бурая жидкость.

— Сильное дезинфицирующее средство, — пропела она и подождала отклика.

— Скажите, доктор, а как его состояние?

— Очень серьезное. Если не лечить, через несколько оборотов он соединится с Геей. — Сирокко вначале так и перевела, но тут же сообразила, что там содержится слово, обозначающее промежуток времени. Применив метрическую приставку, она перевела этот промежуток как «декаоборот». Один оборот на Гее составлял около часа.

Смысл выражения "соединится с Геей" был кристально ясен, хотя словом «Гея» лекарша не воспользовалась. Она разом помянула весь свой мир и богиню, которая этот мир составляла, а потом добавила идею о всеобщем возвращении в почву. Ни малейшего намека на бессмертие упомянутая идея не содержала.

— Быть может, вы предпочтете подождать лекаря из вашего рода? — пропела титанида.

— Билл может его не дождаться.

— Да, это так. Мои снадобья безусловно удалят заражение, вызванное малыми паразитами. Не знаю, правда, как они скажутся на его обмене веществ. Между прочим, не могу обещать, что мое лечение не повредит тому насосу, что качает его жизненную жидкость. Не знаю также, где этот насос расположен.

— Вот здесь, — пропела Сирокко и ударила себя в грудь.

Уши титаниды подскочили и опустились. Потом она прижала одно ухо к груди Билла.

— И правда, — пропела она. — Воистину, Гея мудра и не говорит, зачем вращается.

Сирокко испытывала тягостное замешательство. Представления о микробах и об обмене веществ в компетенцию знахаря вообще-то

входить не должны. Но те слова переводились именно так, и не иначе. В то же время лекарша сознавала, что ее медицина может повредить человеческому организму.

Но Кельвина все не было, а Билл умирал.

— Простите, пожалуйста, а вот это зачем? — пропела лекарша. Держа Билла за пятку, она осторожно перебирала его пальцы.

— Ну, это... — начала было Сирокко, но не сумела подыскать слова для обозначения эволюционных рудиментов. Понятие об эволюции у титанид было — но только не применительно к живым существам. — Они помогают поддерживать равновесие, хотя и не так уж необходимы. Можно сказать, это промашка. Или несовершенство замысла.

— О да, — вполголоса затянула лекарша. — Гея допускает ошибки, это известно всем. Взять, к примеру, того, с кем я много мириаоборотов тому назад впервые задосовокупилась. — Сирокко хотела было перевести тяжеловесную конструкцию просто как "моего мужа", но не вышло. С таким же успехом подходило и "мою жену" — а вернее, без всякого успеха, так как и то и другое было в равной мере ошибочно. Заключив наконец, что все эти тонкости совершенно непереводимы,

Сирокко опять вспомнила про свои заботы.

— Сделайте для моего друга, что сможете, — пропела она. — Вручаю его вам.

Лекарша кивнула и взялась за работу.

Для начала она обмыла рану бурой жидкостью. Потом обмазала ее желтым желе и прилепила к коже крупный лист — "чтобы выманить малых пожирателей его плоти". По мере того как Сирокко наблюдала, надежды ее то оживали, то снова рушились. Лист и фраза насчет выманивания пожирателей никакого впечатления на нее не произвели. Слишком уж примитивно. Впрочем, перевязывая ралу, лекарша воспользовалась повязками, взятыми из заклеенных пакетов, которые, по ее словам, были "очищены от паразитов".

В процессе работы титанида с громадным интересом изучала тело Билла, то и дела мурлыча изумленный мотив.

— Кто бы мог подумать... мышца? Здесь? И так крепится? Ведь это все равно что ходить на сломанной ноге... нет, просто не верится. — Одновременно она награждала всевозможными эпитетами Гею — и мудрая она, и бесконечно изобретательная, и безмерно искусная, и дура набитая. Титанида также заметила, что Гея, как

и всякое божество, обожает откалывать веселые шутки — это замечание последовало после внимательного осмотра ягодиц Билла.

Вся в поту, Сирокко смотрела, как лекарша заканчивает свою работу. Ладно, по крайней мере она не трясла тут всякими шаманскими погремушками, не чертила на песке магических символов и не колола иголками восковых куколок. Впрочем, завязав последний узел на повязке, титанида затянула целебную песнь. Но Сирокко решила, что песнь Биллу не повредит.

Склонившись над Биллом, лекарша обхватила его за талию и нежно прижала к себе. Потом пристроила у себя на плече его голову и приставила губы к самому его уху. Раскачиваясь взад и вперед, она мурлыкала ему бессловесную колыбельную.

И Билл понемногу перестал дрожать. Выражение его уже далеко не столь бледного лица делалось все умиротвореннее. Таким Билл не был со дня своего ранения.

А через несколько минут Сирокко могла бы поклясться, что он улыбается.

ГЛАВА XV

Сирокко обнаружила у себя несколько предубеждений, которые следовало развеять.

Самым очевидным представлялось первое. Когда появившийся перед нею Си-бемоль оказался, не считая половых органов, почти точной копией До-диез, Сирокко заключила, что различать титанид будет непросто.

Однако компания, прибывшая по призыву До-диез, порядком напоминала сбежавших из парка культуры и отдыха персонажей красочной карусели.

Лекарша щеголяла изумрудно-зеленой кожей и роскошным пушистым хвостом. Все остальные части ее тела покрывала густая снежно-белая шерсть. Компанию ей составляла другая шерстистая: рыжеватая блондинка в лиловых яблоках. Был там также пегий в бело-бурых тонах и еще один — совсем без волос, если не считать хвоста, и с бледно-голубой кожей.

Последняя титанида из той группы обманчиво казалась бесшерстной; на самом же деле конская шкура была у нее не только там, где это представлялось естественным, но и на человеческом

торсе. Раскрашена она была на манер зебры — но не в черные и белые, а в ярко-желтые и ослепительно оранжевые полоски; волосы же на голове и хвосте отливали сиреневым. Даже отвернувшись от нее, Сирокко облегчения не испытала: яркий образ словно въелся в сетчатку.

По-видимому, желая всюду создавать карнавальную атмосферу, титаниды размалевывали свою голую кожу и красили пряди волос. А в дополнение к раскраске носили шейные повязки и браслеты, увешивали серьгами мочки ушей и носовые перегородки, обвязывали разные части тела цепочками из латунных колец и цветных камушков, не забывая и цветочные венки. У каждой титаниды был при себе музыкальный инструмент — либо висел на плече, либо торчал из сумки. Материалами для инструментов служили древесина и рога животных, латунь и морские ракушки.

Второе предубеждение — хотя на самом-то деле первое, раз уж о нем вначале рассказал Кельвин, — заключалась в том, что все титаниды якобы женского пола. Тактичный вопрос, обращенный к лекарше, повлек за собой самый откровенный ответ и кошмарную демонстрацию. У каждой титаниды оказалось по три половых

органа.

Про передние, идентичные мужским или женским человеческим гениталиям, Сирокко уже знала. По причинам, понятным, наверное, только самим титанидам, именно эти органы определяли их пол.

Далее, под хвостом, как и у всякой нормальной кобылы, у каждой титаниды имелось крупное влагалищное отверстие.

Но больше всего Сирокко и Габи потряс третий половой орган — срединный. На мягком брюшке между задними ногами лекарши имелась плотная мясистая складка, откуда вылезал опять-таки совершенно человеческий на вид пенис — если не считать того, что длиной и толщиной он не уступал руке Сирокко.

Касательно половых органов Сирокко считала себя достаточно искушенной. Голых мужчин она навидалась дай Боже — и за последние несколько лет ни один из них не сумел предъявить ей нечто принципиально новое. Да, ей нравились мужчины, ей нравилось с ними совокупляться. Но от одного взгляда на эту штуковину у Сирокко впервые возникло желание уйти в монастырь. И столь живая реакция на увиденное сильно ей не понравилась. Теперь она еще яснее поняла, что

имела в виду Габи, когда сказала, что близкие параллели порой приводят в большее замешательство, чем нечто совершенно незнакомое.

Третью тему, которую Сирокко требовалось переосмыслить, вызвало понимание того, что, хотя она владела языком и могла теперь пользоваться существительными для каждого полового органа титанид, о двух задних она узнала, только когда ей о них рассказали. Она не понимала, зачем нужно целых три, и никаких сведений об этом у себя в голове не находила.

Выходило, что в распоряжении у Сирокко имелся лишь словарь и свод грамматических правил. С существительными при таком варианте все было в порядке; стоило только подумать о предмете — и она тут же получала слово. А вот с некоторыми глаголами выходила загвоздка. «Бегать», "прыгать", «плавать», "дышать" — тут проблем не возникало. Глаголы же, обозначавшие то, что делали титаниды и чего никогда не делали люди, были далеко не так ясны.

Но где система совсем рассыпалась, так это в обозначении родственных связей, норм поведения, нравов и еще массы вещей, где у людей с титанидами было совсем мало общего. В песнях титанид все эти представления становились

для Сирокко пустым звуком. А порой она переводила их для себя и для Габи в виде сложных дефисных конструкций вроде "та-которая-моей-задоматери-передо-орто-родная-сестра/брат" или "чувство-праведной-ненависти-к-ангелам". В языке титанид такие конструкции обозначались всего одним словом.

Так Сирокко столкнулась с тем фактом, что чужая мысль в ее голове так и оставалось чужой мыслью. Пока ей эту мысль не разъясняли, ничего с ней поделать она не могла; словарь подробных ссылок не содержал.

Последней сложностью, вызванной прибытием лекарши и компании, стал вопрос имен. Слишком много имен оказались в одном и том же ключе, отчего первоначальная система Сирокко рухнула. Габи выпевать имена не могла, и Сирокко пришлось подыскивать другие земные обозначения.

Раз уж ее сразу потянуло на музыкальную почву, то в том же духе она решила и продолжать. Самую первую свою знакомицу она нарекла Волынкой До-диез, поскольку имя ее звучало немного похоже на моряцкую волынку. Си-бемоль сделался Банджо Си-бемоль. Лекарша стала Колыбельной Си-бемоль, рыжеватая блондинка

— Мазуркой Соль-минор, пегий — Кларнетом Си, голубой — Фокстротом Соль. А желто-оранжевую зебру Сирокко сделала Шарманкой Ре-минор.

Удобства ради Габи одним махом отбросила обозначения ключей. Чего Сирокко следовало ожидать с самого начала.

* * *

Походный госпиталь оказался длинным деревянным фургоном на четырех колесах с резиновыми шинами, куда при необходимости легко впрягались две титаниды. Фургон был снабжен пневматической подвеской и тормозами трения, что управлялись целой системой рычагов. Ярко-желтая древесина, вроде свежей сосны, была чудесным образом отполирована до зеркального блеска. Не менее чудесным образом фургон был собран без единого гвоздя.

Уложив Билла на громадную койку в середине фургона, Сирокко и Габи устроились рядом. Вместе с ними там осталась и Колыбельная, титанидская лекарша. Аккуратно сложив под собой ноги, она заступила на свой пост у одра болезни — напевала Биллу целебные песни и влажной тряпочкой вытирала ему лоб. Остальные титаниды прохаживались неподалеку, за исключением

Волынки и Банджо, которым пришлось остаться со своими стадами. Титаниды держали около двухсот четвероногих животных вполне коровьих размеров — с тонкими и гибкими шеями метров трех в длину. По шеям шел ряд копательных когтей, а на самых концах находились сморщенные рыльца. Кормились животные, зарываясь шеями в землю и высасывая молоко из ильных червей. Единственный глаз располагался у самого основания шеи. Так что, даже уйдя под землю с головой, они прекрасно видели, что творится на поверхности.

Габи несколько возмущенно поглядывала на одну из земляных коров, словно не желая признавать существование подобного чудища.

— "У Геи день на день не приходится", — заключила она, процитировав титанидскую поговорку, которую ей как-то перевела Сирокко. — Такая тварь не иначе как после недельного запоя может в голову прийти. Так как там насчет раций? А, Рокки? Можем мы на них взглянуть?

— Сейчас узнаю. — Сирокко пропела пегому Кларнету вопрос, можно ли им взглянуть на переговорное растение, но на последнем слове осеклась.

— Они их не собирают, — сообщила она Габи. —

Они их выращивают.

— Почему же ты раньше не сказала?

— Потому что не знала. Черт побери, Габи! Поймешь ты, в конце концов, или нет? Хотя ладно. Это слово переводится как "семя растения, которое передает песнь". Вот смотри.

Предмет, примотанный к концу кларнетовского жезла, оказался продолговатым желтым зерном. Зерно было гладким и ничем не примечательным — если не считать единственного светло-коричневого пятна.

— Здесь оно слушает, — пропел Кларнет, указывая на пятно. — Только не касайтесь, иначе оно оглохнет. Оно пропоет вашу песнь своей матери, а та, если пожелает, пропоет ее миру.

— Боюсь, я не вполне понимаю.

Кларнет указал куда-то Габи за спину.

— Вон там есть одна, у которой еще остались дети.

И он прогарцевал к разросшейся в низине кучке кустарников. У каждого куста из земли торчал конусообразный побег. Ухватив конус за кончик, Кларнет выдернул растение из земли — и целиком, вместе с корнями, принес назад к фургону.

— Нужно спеть семенам, — объяснил он. Потом снял с плеча латунный рог и наиграл несколько

танцевальных фраз на пять четвертей такта. — А теперь нагните ваши уши… — Тут он в замешательстве осекся. — В смысле, сделайте что-нибудь, чтобы лучше слышать.

И полминуты спустя они услышали звуки рога — хриплые, как в древнем Эдисоновом цилиндре, но вполне различимые. Кларнет напел обертон, который растение вскоре повторило. Дальше наступила пауза — а затем обе темы прозвучали одновременно.

— Вот видите? — широко улыбаясь, пропел Кларнет. — Она слышит мою песнь и ценит ее.

— Прямо-таки концерт по заявкам радиослушателей, — заметила Габи. — Но что, если диск-жокей чью-то песню играть не захочет?

Сирокко, как смогла, перевела вопрос Габи.

— Чтобы хорошо петь, нужна практика, — заверил ее Кларнет. — Зато они очень добросовестны. Мать передаст быстрее, чем пробегут твои четыре ноги.

Сирокко стала переводить, но Кларнет ее перебил.

— Семена хороши и для постройки глаз, что видят в темноте, — пропел он. — С их помощью мы можем просматривать колодец ветров и узнавать о приближении ангелов.

— Похоже на радар, — заметила Сирокко.

Габи недоверчиво на нее смотрела.

— Ты что, собираешься верить всем россказням этих не в меру образованных кляч?

— Давай не поверим. Давай ты мне популярно расскажешь, как работают эти семена, раз электроника тут ни при чем. А может, тебя больше телепатия устраивает?

— Честно говоря, магию проглотить легче.

— Хорошо, пусть будет магия. А по-моему, в этих семенах всякие кристаллы и микросхемы. И если можно вырастить органическую рацию, почему нельзя вырастить радар?

— Рацию вырастить можно. Причем только потому, что я ее собственными глазами увидела. Увидела и больше, кстати, видеть не желаю. А радар вырастить нельзя.

* * *

Радарная установка титанид располагалась под навесом в передней части полевого госпиталя. Руби Голдберга она порядком бы озадачила. Состоял радар из орехов и листьев, от которых к горшку с почвой шел ряд толстых медно-красных побегов. Колыбельная пояснила, что в горшке с почвой сидит червь, вырабатывающий "существо

силы". Еще там имелась полочка радиосемян, соединенных с клубками тонюсеньких стебельков. Соединенных, судя по всему, не как попало, ибо на каждом семени вокруг контакта со стебельком виднелось множество сочащихся соком укольчиков — очевидно, пробных. Попадались на глаза и другие хитрые фигульки, все до одной растительного происхождения — к примеру, лист, что светился, когда на него падал луч света от еще одного растения.

— Тут все очень просто, — радостно пропела Колыбельная. — Вот это пятнышко ложного пламени обозначает небесного гиганта, которого видно вон там, над Реей. — Она ткнула пальцем в точку на экране. — Смотрите, как из него уходит жизнь… вот! А теперь он сияет ярче, но сместился.

Сирокко начала переводить, но Габи перебила.

— Знаю я, как работает радар, — проворчала она. — Меня эта чертова клумба раздражает.

— Сейчас она нам не очень-то и нужна, — заверил ее Кларнет. — Сейчас для ангелов не сезон. Они прилетают, когда Гея выдыхает их с востока, и досаждают нам, пока она не втягивает их обратно в свою грудь.

Сирокко задумалась, так ли она расслышала;

не пропел ли Кларнет "притягивает их обратно к себе на грудь"? Но тут мысль ее прервалась, так как Билл вдруг со стоном открыл глаза.

— Привет, — пропела Колыбельная. — Рада, что ты вернулся.

Билл сначала вскрикнул, а потом, потревожив больную ногу, завопил благим матом.

Тогда Сирокко оттеснила Колыбельную в сторону. Увидев знакомое лицо, Билл облегченно вздохнул.

— Ох, Рокки, и скверный же сон мне приснился, — сказал он.

Она погладила его по лбу.

— Не все там, наверное, было сном.

— Что? А, ты про кентавров. Нет, я помню, как этот белый баюкал меня и пел.

— Ну а сейчас-то у тебя как?

— Слабость. Нога болит меньше. Интересно, она поправляется или ее просто нет?

— Поправляется. И ты тоже.

— А как там... ну, это самое... короче, гангрена? — Он отвернулся.

— По-моему, гангрены нет. Нога заметно заживает после того, как лекарша с нею повозилась.

— Лекарша? Этот кентавр?

— Другого выхода не оставалось, — твердо

заявила Сирокко, хотя сомнения вновь ее одолели. — Кельвин так и не прибыл. Я за нею присматривала, и похоже, она знает, что делает.

Сирокко показалось, что Билл снова заснул. Но довольно скоро он открыл глаза и слабо улыбнулся.

— Я бы предпочел другое решение.

— Билл, все было просто ужасно. Она сказала, что ты умираешь, и я ей поверила. Оставалось либо ничего не делать и дожидаться Кельвина… а я, между прочим, не знаю, чем бы он сумел тебе помочь без всяких медикаментов… тогда она сказала, что уничтожит микробов, и мне показалось вполне разумным…

Билл тронул ее колено. Рука его была холодна, но уже не тряслась.

— Ты сделала то, что надо, — сказал он. — Вот увидишь. Через неделю я уже встану на ноги.

* * *

Близился вечер — а близился он, как всегда, с мучительной монотонностью. Сирокко вдруг поняла, что кто-то трясет ее за плечо, — и стремительно заморгала.

— Прилетели твои друзья, — сообщил ей Фокстрот.

— Там тот самый небесный гигант, которого мы уже видели, — добавила Колыбельная. — А они у него на борту.

— Друзья?

— Да. Ваш лекарь и еще двое.

— Двое… — Сирокко вскочила на ноги. — Двое! А вы про них уже что-нибудь знаете? С одной все ясно. А кто еще? Вроде нее — или мужчина, как мой друг Билл?

Лекарша нахмурилась.

— Я в замешательстве. Честно говоря, я не знаю, кто из вас мужчина, а кто женщина, раз вы скрываете половые органы за полосками тканей.

— Билл мужчина, а мы с Габи женщины. Я тебе потом все объясню. Так кто же там на небесном гиганте?

Колыбельная пожала плечами.

— Гигант не сказал. Он ваш пол не лучше меня различает.

Свистолет завис над фургоном и колонной титанид, которые остановились, чтобы дождаться выброски. Расцвел парашют с темной фигурой на стропах. Кажется, Кельвин. Точно Кельвин.

Пока Кельвин плыл вниз, в небе раскрылся еще парашют — и Сирокко силилась разглядеть, кто же под ним. Странно. Кто-то очень крупный.

Затем раскрылся третий парашют. И четвертый.

В небе расцвел добрый десяток парашютов, прежде чем под одним из них Сирокко высмотрела Джина. Под другими, разумеется, висели титаниды.

— Эй, да ведь это Джин! — завопила Габи. Она, вместе с Фокстротом и Кларнетом, стояла чуть поодаль. А Сирокко осталась в фургоне. — Интересно, а Апрель…

— Ангелы! Ангелы атакуют! Стройся!

Даже не крик — дикое верещание. Хлещущий ненавистью, голос титаниды вдруг потерял всю свою музыкальность. Сирокко даже дара речи лишилась, немо наблюдая за тем, как Колыбельная, склонившись над экраном радара, выкрикивает приказы. Лицо титаниды перекосилось, все мысли о Билле вылетели из головы.

— Что происходит? — начала было Сирокко — но тут же резко пригнулась, когда Колыбельная махнула прямо через нее.

— Ложись, двуногая! И не ввязывайся!

Сирокко взглянула в небо — а все небо кишело крыльями.

Ангелы падали с обеих сторон пузыря. Десятки удивительных существ, сложив крылья, набирали скорость — и набрасывались на беспомощно

плывущих вниз титанид.

Тут раздался резкий скрип кожаной упряжи, и фургон рвануло вперед. Сирокко и пикнуть не успела, как уже лежала на полу. Едва не вылетев в открытую заднюю дверь, она все-таки сумела встать на четвереньки — и сразу же увидела, что в этой двери, обеими руками цепляясь за края, висит Габи. Сирокко помогла подруге влезть в фургон.

— Что за дьявольщина? — В руке у Габи был бронзовый меч, которого Сирокко прежде не видела.

— Ой, смотри! — Билла сбросило с койки. Подобравшись к больному, Сирокко попыталась затащить его обратно, но фургон дико скакал по камням и рытвинам.

— Стойте вы, мать вашу! — завопила Сирокко. Потом пропела примерно то же самое по-титанидски. Эффект — нулевой. Двух впряженных в фургон и рвущихся в бой титанид остановить уже ничто не могло. Одна из них свирепо размахивала мечом и верещала как сатана.

Сирокко шлепнула титаниду по крупу — и от резкой отмашки мечом едва не лишилась скальпа. Тогда, пригибаясь пониже, она рассмотрела узлы, притягивавшие титанид к фургону.

— Габи, дай мне эту штуку! Живо! — Пролетев по воздуху рукоятью вперед, меч приземлился у ее ног. Сирокко рубанула кожаную сбрую. Вот вырвалась одна, затем другая.

Утраты фургона титаниды даже не заметили. Они во все ноги драли прочь от фургона, который вскоре, налетев на валун, замер на месте.

— Да что в самом деле…

— Не знаю. Единственный ответ, которого я добилась, это чтобы мы лежали и не ввязывались. Помоги мне с Биллом, ладно?

Билл проснулся, но больно ему вроде бы не было. Пока его клали обратно на койку, он не сводил глаз с неба.

— Бог ты мой! — сказал он погромче, чтобы перекрыть дикий визг титанид. — Да ведь их там убивают!

Едва подняв глаза к небу, Сирокко тут же увидела, как одна из летучих тварей перерубает три парашютных стропа над одной из спускающихся титанид. Парашют мигом смялся в комок. С убийственной скоростью титанида исчезла за невысоким холмом на западе.

— Так это ангелы? — поинтересовался Билл.

Для титанид они явно были ангелами смерти. Человекоподобные, снаряженные перьевыми

крыльями семи метров в размахе, ангелы превратили мирное небо над Гиперионом в настоящую бойню. Вскоре в небе не осталось ни одного парашюта.

Теперь битва продолжалась за холмом — вне поля зрения землян. Верещание титанид было будто скрежет ногтей по классной доске, а с неба несся зловещий вой, явно принадлежавший ангелам.

— Сзади, — предупредила Габи. Сирокко резко обернулась.

С востока на них бесшумно летел ангел. Раскинув громадные крылья, он стремительно скользил над землей. Сирокко увидела зажатый в левой руке меч, перекошенное от жажды крови человеческое лицо, подтекающие из уголков глаз слезы. А потом, когда ангел занес меч, — узлами вздувшиеся мышцы…

…Проскочив мимо, ангел отчаянно замахал крыльями, чтобы подняться над невысоким холмом. Кончики крыльев коснулись земли и подняли два облачка пыли.

— Промазал, мохнатый, — позлорадствовала Габи.

— Сядь, — велела ей Сирокко. — Так ты слишком хорошая мишень. И вовсе он не промазал.

Просто в последний момент передумал. Я сама видела, как он удержал меч.

— Почему бы это? — Габи присела рядом с Сирокко и принялась обозревать горизонт.

— Не знаю. Наверное, потому, что у тебя две ноги, а не четыре. Но в другой раз может налететь кто-нибудь не столь наблюдательный.

И они стали смотреть, как несколько с иного угла к ним приближается другой ангел. Вытянув сжатые ноги и прижимая руки к бокам, он скользил по воздуху. Сзади у него имелось что-то вроде хвостовой лопасти, а крыльями он шевелил крайне экономно — так, чтобы только не сбавлять скорость. Сирокко в жизни не видела столь изящных и точных движений.

Потом они заметили еще одного, стремительно летящего вниз. В самый последний миг, буквально чиркнув по земле кончиками крыльев, он вывернул вверх и вскоре исчез за гребнем холма. Самому лихому пилоту самолета-опылителя после такого маневра пришлось бы менять штаны.

— Вот это да, — прошептала Габи.

— Не хотела бы я с ними в воздухе посоперничать, — согласилась Сирокко. — Такие в два счета скальп снимут.

С востока, гоня пыль по сухой земле, вдруг при-

мчался холодный ветер.

Потом из-за холма появилась атакующая колонна титанид, сопровождаемая стаей ангелов. Сирокко узнала Колыбельную, Кларнета и Фокстрота. Левое предплечье Кларнета покраснело от крови. Вооружение титанид составляли деревянные копья с латунными наконечниками и бронзовые мечи.

Голоса на боевые песни им уже не хватало, зато глаза все так же сверкали бешенством. Из ноздрей валил пар, а голая кожа поблескивала от пота. Прогрохотав копытами мимо фургона, они повернулись лицом к ангелам.

— Фургон им нужен для прикрытия! — завизжала Габи. — Мы окажемся в самой гуще! Слезай! Живо!

— А Билл? — крикнула в ответ Сирокко.

Мгновение Габи пристально смотрела ей в глаза. Казалось, она вот-вот заговорит — но затем она лишь прорычала что-то невнятное и отобрала у Сирокко свой меч. И с отвагой, подавившей всякое здравомыслие, встала у заднего борта фургона — лицом к налетающим ангелам. Сирокко снова видела только ее спину — пока Габи бесстрашно заслоняла свою любимую от надвигающейся угрозы.

Но ангелы не удостаивали ее вниманием.

Габи стояла, держа наготове меч, но ангелы облетали фургон с обеих сторон и бросались на выстроившихся позади него титанид. Шум поднялся невообразимый. Вой ангелов мешался с визгом титанид, пока многие десятки громадных крыл рвали воздух. И вдруг из пыльного облака к фургону вынырнула чудовищная фигура — кошмар в черно-бурых тонах, — чьи крылья двигались будто ожившие тени. Ангел этот был слеп — меч и копье бесцельно кололи, пока он тщетно пытался сориентироваться по миазмам.

Тощее тело казалось не больше, чем у десятилетнего ребенка. Из отверстой раны на боку бежала темная кровь.

Оказавшись как раз над фургоном, ангел вдруг решил швырнуть свое копье. Латунный наконечник пробил широкий рукав одеяния, и, впившись в пол, задрожал, будто пущенная из лука стрела. Затем ангел пронесся мимо, а из его шеи торчал деревянный дротик. Как он рухнул, Сирокко уже не увидела.

Стоило битве докатиться до фургона, как она вдруг закончилась. Вой перешел на другую ноту, ангелы поднимались в небо, быстро уменьшаясь на расстоянии, и брали курс на восток. Очень

скоро видны уже были только их размеренно машущие крылья.

А на земле рядом с фургоном происходила отвратительная возня. Три титаниды топтали тело упавшего ангела. Изуродованный труп уже потерял всякое человекоподобие. Сирокко отвернулась. От потоков крови и убийственной ярости на лицах титанид ее нестерпимо затошнило.

— Как ты думаешь, почему они вдруг улетели? — спросила Габи. — Еще пара минут — и дело у них было бы в шляпе.

— Наверное, они узнали что-то, чего не знаем мы, — ответила Сирокко.

Билл смотрел на запад.

— Вон там, — сказал он, указывая. — Кто-то приближается.

Сирокко разглядела две знакомые фигуры. К ним полным галопом неслись Волынка и Банджо, пастухи.

Габи язвительно рассмеялась.

— Ты бы что посолиднее показал. А то Рокки говорит, одному из этих детишек всего три годика.

— Пожалуйста, вот тебе посолиднее, — отозвался Билл и указал в другом направлении.

Из-за холма, будто какая-то шутовская кавалерия, изливалась пестрая волна титанид.

ГЛАВА XVI

Произошло это через шесть дней после нападения ангелов, на шестьдесят первый день их появления на Фемиде. Сирокко лежала на невысоком столе, а ее раскинутые ноги крепились в импровизированных стременах. Кельвин был где-то рядом, но ей и видеть его не хотелось. Колыбельная, светловолосая титанидская лекарша, следила за операцией и пела Сирокко свои песни. Песни утешали, но не особенно.

— Шейка матки расширена, — сообщил Кельвин.

— В самом деле? Шейка, да еще и матки. В жизни ни о чем таком не слышала.

— Очень жаль. — Кельвин ненадолго выпрямился, и над хирургической маской Сирокко увидела его глаза и усеянный прозрачными капельками лоб. Колыбельная вытерла ему лоб, и Кельвин взглядом поблагодарил титаниду. — Можно эту лампу пододвинуть?

Габи переставила мерцающую лампу. От раскинутых ног на стенах висели громадные тени. Сирокко услышала металлический звон извлеченных из стерилизующей ванночки инстру-

ментов, потом до нее донеслось постукивание их по зеркалу.

Кельвину, конечно, хотелось получить инструменты из нержавейки, но титаниды таких не делали. Они с Колыбельной изрядно помучили лучших мастеровых, прежде чем Кельвин удовлетворился латунными орудиями.

— Больно, — проскрипела зубами Сирокко.

— Ну ты, доктор хренов, ей больно, — разъяснила Габи, словно Кельвин земной язык понимать разучился.

— Слушай, Габи. Либо ты помолчишь, либо лампу кто-то другой подержит. — Сирокко впервые слышала, чтобы Кельвин так огрызался. Ненадолго оторвавшись от работы, он вытер лоб рукавом.

Боль была не столь сильной, сколь постоянной. А еще трудно было понять, где именно болит — примерно как при воспалении среднего уха. Слыша и ощущая выскабливание, Сирокко по-тихому скрежетала зубами.

— Достал все-таки, — негромко сообщил Кельвин.

— Что достал? Ты что, уже это видишь?

— Ага. У тебя там длиннее, чем я думал. Н-да. Хорошо, что ты настояла на операции. — Кельвин

продолжил выскабливание, время от времени прерываясь, чтобы очистить инструмент.

Габи, отвернувшись, принялась разглядывать что-то у себя на ладони.

— У него четыре ноги, — прошептала она и двинулась было к Сирокко.

— Уйди. Не хочу это видеть. Убери.

— Позвольте мне посмотреть? — пропела Колыбельная.

— Нет! — Отчаянно борясь с тошнотой, пропеть ответ она не сумела и энергично замотала головой. — Габи, у-нич-тожь это. Не-мед-лен-но. Слышишь меня?

— Ага, Рокки. Уже готово.

Сирокко испустила долгий вздох, который закончился всхлипом.

— Я не хотела на тебя орать. Просто Колыбельная сказала, что хочет посмотреть. Я решила, что не стоит. А то вдруг она еще сумела бы этим распорядиться.

* * *

Сирокко протестовала, утверждая, что может ходить, но титанидская медицина предполагала как можно больше объятий, телесного тепла и успокоительных песен. Поэтому Колыбельная

лично пронесла ее по грязным улицам к жилищу, отведенному землянам титанидами. Опуская Сирокко на койку и чувствуя ее угнетение, лекарша пропела поддерживающую песнь. Рядом своих хозяек ждали еще две пустые койки.

— Добро пожаловать в ветеринарный лазарет, — приветствовал ее Билл. Пока Колыбельная накрывала ее простынями, Сирокко сумела изобразить вялую улыбку.

— Твой веселый друг опять прикалывается? — пропела Колыбельная.

— Да. Он называет это местом-лечения-для-животных.

— Ему должно быть стыдно. Лечение — это всегда лечение. Вот, выпей и расслабишься.

Сирокко взяла у лекарши мех и от души глотнула. Вино приятно ожгло горло и растеклось теплом внутри. Одним из приятнейших открытий последних шести дней стало то, что титаниды потому же, почему и люди, готовили и употребляли алкогольные напитки.

— Похоже, мне только что линейкой по ладоням надавали, — сказал Билл. — Такой тон я уже различаю.

— Она очень тебя любит, Билл. Даже когда ты несносен.

— Хотел тебя развеселить.

— Занятная попытка. Знаешь, Билл, у этой штуки было четыре ноги.

— О Господи. А я тут шуточки про животных отпускаю. — Он потянулся и взял Сирокко за руку.

— Да ладно. Все уже позади, и единственное, чего мне сейчас хочется, — это поспать. — Пропустив еще парочку славных глотков, Сирокко провалилась в сон.

* * *

Целый час после операции Габи рассказывала всем, как замечательно она себя чувствует, — а потом вдруг потеряла сознание и двое суток провалялась в лихорадке. У Август же все прошло как по маслу. У Сирокко со здоровьем тоже был порядок — но на душе скребли кошки.

Билл вроде бы успешно поправлялся, но Кельвин сказал, что кость еще как надо не срослась.

— Так сколько же мне тут валяться? — возмутился Билл. Такой вопрос он уже задавал и раньше. Книг в лазарете не было, телевизора тоже; оставалось только пялиться через окно на темную улицу Титанополя. Биллу даже с сиделками было не пообщаться — разве что какими-то гибридными частушками. Колыбельная училась

языку землян, но очень медленно.

— По крайней мере еще две недели, — ответил Кельвин.

— А по-моему, я уже сейчас могу на нее наступать.

— Конечно, можешь. Тут-то как раз и самая опасность. Ты только разбежишься, а она — хрясь, и готово. Нет, ходить я тебе еще две недели не позволю. Даже на костылях.

— А почему бы его не вынести на воздух? — спросила Сирокко.

— Пожалуйста. Хочешь на воздух, Билл?

Вытащив койку с Биллом наружу, они пронесли ее чуть дальше по улице и поставили под одно из раскидистых деревьев, которые делали Титанополь практически невидимым с воздуха и наводили в нем густые сумерки — почти такую же ночь, какую Сирокко видела во время экспедиции в основанию троса. Титанидам приходилось круглые сутки освещать свои дома и улицы.

— Ты Джина сегодня не видел? — спросила Сирокко.

— Это смотря что понимать под «сегодня», — отозвался Кельвин и зевнул. — Часы-то мои все еще у тебя.

— Значит, не видел?

Кельвин покачал головой.

— Давненько.

— Интересно, что он поделывает.

Кельвин нашел Джина на Офионе — там, где река вьется средь крутых Немезидиных гор Крия, дневного региона к западу от Реи. Джин рассказал, что вылез в сумеречной зоне и с тех пор брел, пытаясь отыскать остальных.

На вопрос, чем он при этом занимался, Джин ответил одной-единственной фразой: "Пытался выжить". Сирокко и так в этом не сомневалась, но не могла понять, что именно он имеет в виду. Джин отмел весь свой прошлый опыт сенсорной депривации, уверяя, что поначалу немного нервничал, но потом, разобравшись в ситуации, успокоился.

Сирокко и тут не вполне понимала, что именно он имеет в виду.

Поначалу она была рада видеть еще одного члена команды, который, подобно ей самой, казалось, почти не переменился. Габи по-прежнему стонала во сне. Провалы в памяти у Билла восполнялись довольно медленно. Август пребывала в постоянной депрессии — и даже на грани самоубийства. Кельвин был вполне счастлив — но откровенно предпочитал одиночество. Только

они с Джином казались, по сравнению с другими, не затронутыми какими-либо изменениями.

Но Сирокко знала, что тогда, во мраке, ее коснулось нечто загадочное. В частности, она теперь могла петь титанидам. Чувствуя, что и с Джином приключилось нечто большее, чем следовало из его рассказов, Сирокко стала высматривать у него странности в поведении.

Джин без конца улыбался. И продолжал уверять всех и каждого, что все у него в полном порядке. Даже когда никто не спрашивал. Неизменно проявлял дружелюбие. Иногда даже хватал с этим дружелюбием через край — но во всем остальном казался вполне нормальным.

Теперь Сирокко опять решила найти Джина и еще раз поговорить с ним про те два месяца, что он пропадал.

* * *

Сирокко нравился Титанополь.

Под деревьями царило приятное тепло. Поскольку жар на Гее исходил снизу, высокий свод могучих крон улавливал как раз нужную его часть. И тепло это было сухое — Сирокко заметила, что, в легкой рубашке и без обуви, она даже от напряженной физической работы почти

не потеет. Улицы освещались симпатичными бумажными фонариками вроде японских. Твердую почву специально увлажняли с помощью специальных растительных фигулек, именовавшихся прыскалками. Прыскалки эти единожды в оборот рассеивали капельки влаги. Пахло всякий раз как после приятного дождичка летней ночью. Изгороди повсюду так обросли цветами, что лепестки сыпались на тротуары, будто нескончаемый ароматный снег. Вечный полумрак цветам ничуть не мешал.

Титаниды и понятия не имели о городском планировании. Жилища их были как попало разбросаны по земле и под землей. Встречались даже и на деревьях. Дороги спонтанно определялись самим дорожным движением. Нигде не было ни намека на дорожные знаки или таблички с названиями улиц. Вздумай кто-нибудь начертить карту Титанополя, туда пришлось бы вносить бесконечные поправки — по мере того, как посередине улиц вырастали бы новые дома или пешеходы протаптывали бы новые дорожки прямо через изгороди. Облик города если и застывал, то очень ненадолго.

У каждой титаниды находилось для Сирокко радостное приветствие.

— Привет, земное чудище! Что же ты все не падаешь?

— Ой, смотрите, невидаль двуногая! Заходи, Шир-рок-ко, потрапезничай с нами!

— Извините, ребята, — пропела она в ответ. — Я по делу. Никто не видел Менестреля До-диез?

Сирокко нравился именно такой перевод их песен, хотя на титанидском ни в «чудище», ни в «невидали» ничего обидного не было.

А вот отказ от приглашения на трапезу требовал серьезных волевых усилий. После двух месяцев на сыром мясе и фруктовой диете титанидские блюда казались неправдоподобно лакомыми. Искусство кулинарии жители Титанополя довели едва ли не до совершенства, и, за немногими исключениями, все их кушанья годились и для землян.

Наконец, изрядно поплутав, Сирокко добрела до Ратуши — здания, чей внешний вид столь гордого названия решительно не оправдывал. По дороге то и дело приходилось останавливаться и наводить справки. (Сперва налево, затем направо, дальше через… хотя нет, килооборот назад там все перекрыли… ну тогда еще раз направо и мимо прыскалки до упора, а потом по спуску… проще простого, не правда ли?) Сирокко не уста-

вала поражаться, как это титаниды разбираются в своем изменчивом лабиринте. Ей всем этим в жизни не овладеть.

А Ратушу она назвала Ратушей просто потому, что там жил Менестрель — единственный среди титанид, кому хоть как-то можно было приписать положение вожака. На самом деле Менестрель был у титанид вроде воеводы, да и то в довольно узком смысле. Именно он привел подкрепление в тот памятный для Сирокко день битвы с ангелами. Но с тех пор держался наравне с остальными.

Сирокко хотела спросить у Менестреля, не видел ли он Джина, но это оказалось излишним. Джин как раз оказался в Ратуше.

— Вот славно, Рокки, что ты заскочила, — сказал Джин, вставая и хлопая ее по плечу. Потом он как бы невзначай чмокнул ее в щеку, чему Сирокко не сильно обрадовалась.

— Мы тут с Менестрелем кое-что обсуждали. Тебе тоже может быть интересно.

— Так ты… ты можешь с ними разговаривать?

— У него жуткий выговор, — в сложном эолийском ладу пропел Менестрель, — вроде как у крийского народца. Голос толком не поставлен, а слух годится скорее… ну, скажем, для немодули-

рованных слов ваших дыхательных путей. Но в некоторой степени мы с ним спеться можем.

— Я кое-что понял, — смеясь, пропел Джин. — Он думает, что может говорить с тобой поверх моей головы — как при ребенке некоторые слова произносят по буквам.

— Почему ты мне раньше не сказал? А, Джин? — спросила Сирокко, упорно ища его взгляд.

— Я думал, это неважно, — ответил он, так же упорно пряча глаза. — Вдобавок, из того, что получила ты, мне досталась малая доля. А что такое?

— Да ничего. Просто мне бы хотелось, чтобы ты сам рассказал. Вот и все.

— Ну извини, ладно? — Видно было, что Джин раздражен, и Сирокко задумалась: а может, он вообще не хотел, чтобы она знала? Хотя такое долго не скроешь.

— Джин мне тут много интересного рассказал, — пропел Менестрель. — Весь стол исчертил какими-то линиями, только я ничего в них не понимаю. Но хочу понять и прошу, чтобы твоя совершенная песнь развеяла мрак в моей голове.

— Да-да, Рокки, тебе пас. А то я этой помеси осла со студенткой ни черта не втолкую. Тупой, зараза.

Сирокко ожгла его взглядом, но, вспомнив, что

их языком Менестрель не владеет, несколько успокоилась. Хотя выходка Джина менее хулиганской от этого не стала. У титанид были недостатки — но уж чем-чем, а тупостью они не страдали.

Подложив под себя ноги, Менестрель сидел рядом с низеньким столиком, какие обычно предпочитали титаниды. Все его тело покрывала длинная оранжевая шерсть. Лишь лицо с шоколадного цвета кожей и светло-серыми глазами оставалось открытым. Черты лица поначалу казались Сирокко одинаковыми у всех титанид, но теперь она находила в них не меньше разнообразия, чем у людей. Теперь, даже не глядя на цвет, она с легкостью их различала.

Смущало только, что лица всех титанид были женскими. Даже видя перед собой пенис, Сирокко никак не могла привыкнуть к этой культурной особенности.

При помощи краски для кожи Джин нарисовал на столе у Менестреля вполне узнаваемую для Сирокко карту. Две параллельные линии бежали с запада на восток, а другие делили полоску между ними на четырехугольники. Это была внутренняя сторона обода Геи, развернутая на плоскости и наблюдаемая сверху.

— Вот Гиперион, — сказал Джин, тыча в карту алым от краски пальцем. — К западу от него Океан, а к востоку… как ее там?

— Рея.

— Верно. Дальше — Крий. Там подвесные тросы идут тут, тут и вот тут. Титаниды живут в Восточном Гиперионе и Западном Крие. Но в Рее ангелов нет. А знаешь почему? А, Рокки? Да потому, что они живут в спицах.

— Ну и что? К чему все это?

— Потерпи немного. А пока переведи ему, что я сказал.

Сирокко постаралась, как могла. После нескольких ее попыток Менестрель явно заинтересовался и указал оранжевым ногтем на точку в Западном Гиперионе.

— Здесь, стало быть, та великая лестница в небо, что рядом с нашим селением?

— Да, и Титанополь действительно неподалеку.

Менестрель нахмурился.

— Тогда почему я его не вижу?

— Я понял, — сказал Джин по-земному. — Потому что я его не нарисовал, — пропел он Менестрелю. Потом широким жестом изобразил рядом с той точкой еще одну, покрупнее.

— Как эти черточки и точечки убьют всех ангелов? — поинтересовался Менестрель.

Джин повернулся к Сирокко.

— Он спросил, зачем я все это рисую?

— Нет, он спросил, какое отношение это имеет к убийству ангелов. Между прочим, я хочу добавить сюда же и свой вопрос, а именно: чем ты тут, черт побери, занимаешься? Я запрещаю тебе продолжать это обсуждение. Мы не вправе помогать ни одной из воюющих сторон. Ты что, не читал Женевские протоколы по контактам?

Джин, отвернувшись в сторону, некоторое время молчал. Потом, глядя в глаза Сирокко, негромко заговорил.

— А ты что, не помнишь ту резню? Или, может, ничего не видела? Их же тогда по стенке размазали. Пойми, Рокки. Пятнадцать ослов прыгнули с парашютами. И всем вышли кранты. Плюс еще двоим из тех, что были с вами. А ангелы потеряли двоих, и еще одного ранило.

— Троих. Ты не видел, как это было с третьим. — Сирокко до сих пор мутило от воспоминания.

— Пусть троих. Неважно. А важно то, что ангелы применили новую тактику. Пристроились на крыше у пузыря. Сначала мы подумали, что ангелы сговорились с пузырями, но потом вы-

яснилось, что пузыри и сами очень расстроены. Они соблюдают нейтралитет. Ангелы подсели на борт во время бури, и пузырь подумал, что лишний вес — просто вода. Он набирает пару тонн после дождя.

— Что это еще за «мы»? не собрался ли ты с титанидами о союзе сговориться? У тебя нет на это полномочий. Только у меня как у капитана корабля они есть.

— Может, не стоит напоминать, но корабль-то уже тю-тю.

Если он хотел причинить ей боль, то цели своей достиг. Досчитав до десяти, Сирокко откашлялась и продолжила.

— Пойми, Джин, мы здесь не в качестве военных советников.

— Черт возьми, да я просто хотел им кое-что показать. Сущую ерунду. Вроде этой карты. Нельзя же планировать стратегию без карты. Кроме того, им нужны новые тактические приемы, но…

Менестрель испустил тонкий свист, означавший примерно то же, что и вежливое покашливание. Сирокко поняла, что они совсем про него забыли.

— Прошу меня простить, — пропел Менестрель. — Вообще-то этот рисунок очень мил.

Я непременно намалюю его у себя на груди к следующему карнавалу трех городов. Но смею напомнить, что речь у нас шла о том, как убивать ангелов. Мне бы хотелось узнать побольше про тот серый порошок силы, который уже здесь упоминался.

— М-мать твою, Джин! — взорвалась было Сирокко, но тут же волевым усилием заставила себя успокоиться. Потом она запела: — Менестрель. Мой друг, чье владение твоими песнями весьма убого, судя по всему, просто неверно выразился. Мне такой порошок неизвестен.

Глаза Менестреля не выдали ровным счетом ничего.

— Хорошо. Если не серый порошок, тогда расскажите мне про то устройство, что метает дротики дальше, чем рука.

— Прости, но ты опять не так понял. Пожалуйста, подожди минутку. — Стараясь сохранять внешнее спокойствие, Сирокко повернулась к Джину. — Джин, марш отсюда. Я с тобой потом поговорю.

— Рокки, я только хочу…

— Джин, это приказ.

Он колебался. Сирокко прошла хорошую тренировку для рукопашного боя и была повыше

ростом — но Джин был покрепче, и тренирован ничуть не хуже. Она очень сомневалась, что сможет его положить, но тем не менее изготовилась.

Момент прошел. Джин стряхнул с себя напряжение, затем хлопнул ладонью по столу и с достоинством вышел из комнаты. Глаза Менестреля явно не упустили ни одной детали происшедшего.

— Мне очень жаль, если я вызвал недобрые чувства между тобой и твоим другом, — пропел он.

— Ты тут ни при чем. — Теперь, когда противостояние осталось позади, руки у Сирокко вдруг стали холодными как лед. — Я… послушай, Менестрель, — пропела она в ладу равных. — Кому ты веришь? Мне или Джину?

— Признайся, Рок-ки, ведь ты явно хотела что-то скрыть.

Прикидывая, что делать, Сирокко глодала костяшку пальца. Итак, Менестрель уверен, что она лжет. Но что ему уже удалось узнать?

— Ты прав, — пропела она наконец. — У нас есть порошок силы, который способен стереть с лица Геи весь этот город. Мы знаем такие секреты разрушения, на которые мне стыдно даже тебе намекать; к примеру, нечто, способное пробить дыру в твоем мире и выпустить весь воздух, ко-

торым ты дышишь, в ледяной космос.

— Ничего такого нам не требуется, — с явным интересом пропел Менестрель. — Порошка будет вполне достаточно.

— Я не могу тебе его дать. Мы его с собой не захватили.

Когда Менестрель снова запел, видно было, что песнь свою он продумал в деталях.

— Твой друг Джин считает, что все это можно изготовить. Мы умеем обращаться с древесиной и неплохо знаем химию живого мира.

Сирокко вздохнула.

— Пожалуй, он прав. Но мы не можем раскрыть вам эти секреты.

Менестрель молчал.

— Мои личные чувства тут ни при чем, — объяснила она. — Те, кто выше меня, мудрецы нашей расы, решили, что так поступать нельзя.

Менестрель пожал плечами.

— Если старейшины тебе приказали, выбора у тебя нет.

— Рада, что ты все правильно понимаешь.

— Да. — Менестрель помедлил, снова тщательно готовя свою песнь.

— Однако твой друг Джин не столь почтителен к своим старейшинам. Если я снова его попрошу,

он может рассказать о вещах, нужных мне для победы.

Сердце у Сирокко упало, но она отчаянно старалась этого не выдать.

— Джин слишком забывчив. Он пережил тяжелое время скитаний, и рассудок его помутился. Теперь же я напомнила ему о долге.

— Понимаю. — Менестрель снова задумался. Потом предложил Сирокко бокал вина, и она с удовольствием выпила.

— Положим, пускач для дротиков я бы и сам соорудил. Взять гибкую палку, стянуть концы ремнем…

— Честно говоря, меня поражает, почему вы до сих пор ничего такого не сделали. Ведь у вас много вещей куда более сложных.

— Вообще-то у нас есть нечто подобное, но только для детских забав.

— Еще меня поражает и озадачивает ваша война с ангелами. Почему вы воюете?

Менестрель помрачнел.

— Потому что они ангелы.

— И всего-то? Ваша терпимость к иным расам произвела на меня большое впечатление. Вы не испытываете враждебности ни к нам, ни к пузырям, ни к йети из Океана.

— Они ан-ге-лы, — повторил Менестрель.

— Разве вам нужна их земля? Или им ваша?

— Ангелы не смогут вскармливать своих выродков у груди Геи, если покинут великие башни. Мы тоже не сможем жить, вечно цепляясь за стены.

— Значит, ни за пищу, ни за землю вы не соперничаете? Может, причина в религии? Они что, поклоняются другому божеству?

Менестрель рассмеялся.

— Божеству? Ты как-то странно поешь. Есть только одна богиня — даже для ангелов. Гея ведома всем живущим в ней расам.

— Тогда я просто не понимаю. Ты не можешь объяснить? Почему вы воюете?

Воевода Менестрель думал очень долго. А когда наконец запел, то в скорбном минорном ключе.

— Из всего, что случается в этой жизни, мне особенно хотелось бы спросить Гею именно об этом. Да, все мы должны умереть и возвратиться в почву — тут у меня нет ни возражений, ни горечи. То, что мир кругл и что ветер дует, когда Гея дышит, — все это мне понятно. Бывает пора, когда приходится голодать, или когда могучую реку Офион целиком заглатывает пыль, или когда ледяной ветер с запада пробирает нас до костей, — все это я принимаю, ибо сомневаюсь,

что могу хоть что-то с этим поделать. Гее приходится печься о множестве земель, и временами она отвращает свой взор от наших селений.

Когда лопаются великие небесные столпы, когда дрожит земля и все страшатся того, что мир расколется и полетит в никуда, — я не жалуюсь.

Но в пору дыхания Геи, когда ненависть овладевает мною, я перестаю что-либо понимать. Я веду мой народ на битву — и даже не замечаю, что рядом со мной падает мертвой моя родная дочь. Ведь я тогда этого даже не заметил! Она вдруг сделалась мне чужой, ибо небо наполнилось ангелами и настала пора с ними биться. Только потом, когда бешенство оставляет нас, мы считаем потери. Тогда-то мать и находит на поле боя свое мертвое дитя. А однажды и я нашел мою дочь — плоть от плоти моей — лишь раненную ангелами, но растоптанную моими же сородичами.

То было пять дыханий тому назад. Сердце мое болит все сильнее — и уже никогда не излечится.

Сирокко не осмеливалась нарушать безмолвие. А Менестрель поднялся, отошел к двери и стал смотреть во тьму. Прислушиваясь к его негромким рыданиям, Сирокко упорно разглядывала

пламя свечи. Звуки эти ничем не напоминали человеческие рыдания — и все же она понимала, что Менестрель плачет. Некоторое время спустя он вернулся и устало присел к столу.

— Мы бьемся, когда нами овладевает бешенство. И не останавливаемся, пока не убиваем всех ангелов или пока они не улетают обратно в свои дома.

— Ты говоришь — дыхание Геи. Я ничего про это не знаю.

— Ты слышала, как она рыдает. Тогда из небесных башен дуют яростные ветры — холодный с запада и жаркий с востока.

— А ты никогда не пытался заговорить с ангелами? Разве они не выслушали бы твою песнь?

Менестрель пожал плечами.

— Кто станет петь ангелу и какой ангел станет слушать?

— И все-таки мне непонятно, почему никто не попытался… наладить с ними общение. — Фраза далась с трудом. В конце концов Сирокко остановилась на слове, которое в буквальном смысле означало «сдаться» или «драпануть». — Если бы вы вместе посидели и послушали песни друг друга, вам, быть может, удалось бы установить мир.

Воевода наморщил лоб.

— Откуда возьмется чувство-лада-среди-братьев/сестер, когда речь идет об ангелах? — Он пропел то самое слово, которое, из целого набора столь же малоподходящих, выбрала Сирокко. «Мир» среди титанид был универсальным состоянием, о котором и говорить было излишне. Что же до мира между титанидами и ангелами, то такого понятия их язык просто не вмещал.

— Наши люди не имеют врагов среди других рас, но воюют между собой, — сказала Сирокко. — И мы разработали методы улаживания таких конфликтов.

— Для нас это не проблема. Мы легко справляемся с враждебными чувствами к себе подобным.

— Вот бы вы нас этому научили. А я со своей стороны хотела бы продемонстрировать методы, которые освоили мы. Иногда стороны настроены слишком враждебно, чтобы сесть и поговорить. В таком случае мы помещаем между врагами третью, нейтральную сторону.

Менестрель сперва заинтересованно поднял брови, затем подозрительно нахмурился.

— Если вы так прекрасно все улаживаете, зачем вам тогда столько оружия?

Сирокко пришлось улыбнуться. Ничто от этих титанид не укроется!

— Затем, что не все так прекрасно. Наши вояки порой пытаются размазать друг друга по стенке. Но мы накопили столь страшное оружие, что долгой войны теперь просто не получится. И за мирный период мы, наверное, немного поумнели. В доказательство могу привести тот факт, что, уже по меньшей мере шестьдесят мириаоборотов имея возможность разнести нашу планету в мелкую пыль, мы так этого и не сделали.

— Шестьдесят мириаоборотов — огромный срок, — пропел Менестрель.

— Я не хвастаюсь. Ужасно жить, сознавая, что погибнуть может не только твоя задомать, не только твои друзья и соседи, но и вся твоя раса вплоть до грудных младенцев.

Менестрель, явно потрясенный, с серьезным видом кивнул.

— Так что выбор за вами. Мы же со своей стороны можем предложить вам или еще больше войн, или надежду на мир.

— Понимаю, — озабоченно ответил Менестрель. — Это трудное решение.

Сирокко решила промолчать. Менестрель понимал, что в его власти узнать про вооружение, которое предлагал ему Джин.

Свеча в настенном подсвечнике уже оплыла и

погрузилась во мрак; лишь та, что стояла между ними, озаряла пляшущим светом женское лицо воеводы.

— Но где найти того, кто станет посередине? Думается мне, его очень скоро сразят дротики, брошенные с обеих сторон.

Сирокко развела руками.

— Как официальный представитель Организации Объединенных Наций я бы могла предложить свои услуги.

Менестрель внимательно на нее взглянул.

— Никак не затрагивая достоинства органа-зации-обеде-неных-наци, замечу, что мы никогда о такой не слышали. Почему ее должны интересовать наши войны?

— Организацию Объединенных Наций интересуют все войны без исключения. Хотя сама она ничем не лучше всех нас, вместе взятых, — то есть далека от совершенства.

Менестрель пожал плечами, словно с самого начала так и предполагал.

— Зачем же ты хочешь этим заняться?

— Во-первых, на моем пути к Гее мне все равно придется миновать территорию ангелов. А потом — я ненавижу войну.

Впервые Менестрель показался ей по-настояще-

му потрясенным. Очевидно было, что авторитет Шир-рок-ко в его глазах резко подскочил.

— Раньше ты ничего не говорила про свое паломничество. Это в корне меняет дело. Боюсь, ты слабоумна, но слабоумие твое свято. — Наклонившись над столом, Менестрель взял в свои большие ладони голову Сирокко и поцеловал ее в лоб. То был самый ритуальный жест, какой Сирокко видела у титанид, и он ее тронул.

— Итак, отправляйся, — пропел воевода. — А я больше и думать не стану о новом оружии. Жизнь достаточно страшна и без выбора того пути, что неотвратимо ведет к разрушению.

Потом он помолчал, явно о чем-то раздумывая.

— Если же по какой-то нелепой случайности тебе и впрямь удастся увидеться с Геей, хочу, чтобы ты спросила ее, почему должна была погибнуть моя дочь. И если ей нечего будет ответить, ударь ее по лицу и скажи, что это от Менестреля.

— Так я и сделаю.

В каком-то странном оживлении Сирокко встала, чувствуя, что куда меньше, чем все последние два месяца, тревожится о своем будущем. Потом направилась было к двери, но напоследок решила полюбопытствовать:

— А что это был за поцелуй? — Менестрель

поднял голову.

— Это был предсмертный поцелуй. После того как ты уйдешь к Гее, я тебя больше не увижу.

ГЛАВА XVII

Роль проводницы и рассказчицы для землян взяла на себя Волынка. Ее задомать, по словам самой Волынки, это одобрила, сказав, что она наберется полезного жизненного опыта. Люди, добавила задомать, самые замечательные существа, что появлялись в Титанополе за многие и многие мириаобороты.

Когда Сирокко выразила желание взглянуть на место ветров неподалеку от города, Волынка навьючила на себя закуску для пикника и два бурдюка с вином. Кельвин и Габи тоже загорелись идти, а Август продолжила свое безразличное сидение у окна, что в последнее время составляло единственное ее занятие. Джин где-то шлялся. Сирокко напомнила Кельвину, что на его попечении находится Билл.

А Билл попросил ее подождать, пока он вылечится. Сирокко вынуждена была ему напомнить, что командует тут пока что она. Становясь от вынужденного заключения мелочным и ворчливым, Билл то и дело об этом забывал. Сирокко могла войти в положение больного, но его покровительственного тона не переваривала.

— Чудный денек для пикника, — пропела Волынка, когда Сирокко и Габи присоединились к ней на окраине города. — Земля сухая. Туда и обратно за пять-шесть оборотов обернемся.

Присев, Сирокко завязала шнурки мягких кожаных мокасин титанидской работы, затем встала и окинула взглядом бурую землю, куда сквозь прозрачнейший воздух тянулся центральный трос Западной Реи — то самое Место Ветров.

— Жаль тебя разочаровывать, — пропела она, — но у нас с подругой уйдет добрый декаоборот на дорогу туда и столько же — обратно. Так что мы собираемся встать лагерем у основания места ветров и принять ложную смерть.

Волынка вздрогнула.

— Лучше бы вы этого не делали. Я всегда так за вас боюсь. Откуда червям знать, можно вас есть или нет?

Сирокко рассмеялась. Сами титаниды никогда не спали. И эту привычку землян находили еще более неприятной, чем знаменитый трюк с вечным балансированием на двух ногах.

— Есть один выход. Ты только не обижайся. Знаешь, на Земле есть животные — именно животные, не люди! — сложением похожие на вас. Мы ездим на их спинах.

— На их спинах? — Поначалу Волынка явно недоумевала, но по мере понимания лицо ее прояснялось. — В смысле, твои ноги по разные стороны… ну конечно, я понимаю! А что, думаешь, получится?

— Если ты не против, я бы попробовала. Дай мне руку. Нет-нет, поверни ладонь… вот так. Сейчас я поставлю ногу… — Сунув ногу Волынке в ладонь, она ухватилась за ее плечо и уселась на широкую конскую спину. Под ней оказалась подпруга, а за каждой ногой — по седельному вьюку. — Ну как, удобно?

— Я тебя даже не чувствую. Но как ты там удержишься?

— Сейчас посмотрим. Думаю, я… — Тут она осеклась и взвизгнула. А все оттого, что Волынка вдруг повернула к ней голову — на все 180 градусов.

— Что-нибудь не так?

— Да нет, ничего. Просто мы не такие гибкие. Честное слово, даже не верится, что ты так умеешь. Ладно. Повернись обратно и смотри за дорогой. Сначала не очень гони.

— А какой аллюр ты предпочитаешь?

— Мм? Если бы я что-нибудь в этом понимала.

— Хорошо. Тогда я сперва пойду рысью, а затем

возьму легкий галоп.

— Ничего, если я тебя обхвачу?

— Пожалуйста.

Постепенно набирая скорость, Волынка описывала широкие круги. Вот промчались мимо Габи, и та восторженно завопила. Когда Волынка снова перешла на рысь и остановилась, дышала она так же ровно, что и до пробежки.

— Ну, как ты думаешь, получится? — спросила Сирокко.

— Обязательно. Теперь попробуем с вами обеими?

— Хотелось бы чем-нибудь накрыть эту подпругу, — сказала Сирокко. — А что до Габи, то, может, подыщем ей кого-то еще?

Десять минут спустя Волынка вернулась с двумя подушками и еще одним добровольцем. Этот оказался юношей — с сиреневой шкурой, белой головой и роскошным хвостом.

— Эй, Рокки! А моя лошадка еще покруче твоей.

— Это как посмотреть. Итак, Габи, познакомься с… — Пропев имя, Сирокко подумала, отбросила обозначение ключа и шепнула Габи: — Его зовут Рожок.

— А почему не Джон или Пит? — проворчала

Габи, но затем охотно пожала руку новому знакомцу и легко его оседлала.

Они пустились в путь. Титаниды запели походную песнь, а женщины как могли подтягивали. Когда одна песнь кончилась, стали разучивать другую. А потом Сирокко разродилась "Волшебником страны Оз", за которым последовала "Закурим перед стартом". Титаниды были в восторге — они и понятия не имели, что земляне поют такие песни.

Сирокко уже приходилось спускаться на плоту по Колорадо и в ореховой скорлупе по Офиону. Она плавала к Южному полюсу и летала через все Соединенные Штаты на биплане. Путешествовала на велосипеде и аэросанях, фуникулере и гравитовозе. Однажды даже проехалась на верблюде. Но ничто не могло сравниться с ездой на титаниде этим долгим, вечно катящимся к закату днем под желтым сводом Геи. А впереди виднелась уходящая из света во мрак величественная лестница в небо.

Запрокинув голову, Сирокко запела:

— "Долгий путь до Типперари, долгий путь..."

* * *

Место Ветров оказалось голыми скалами и истерзанной землей.

Гребни, вначале похожие на костяшки гигантского кулака, топорщили бурую землю, а меж ними разверзались глубокие расщелины. Дальше гребни вытягивались и превращались в пальцы, что жадно хватали почву и комкали ее будто листок бумаги. Пальцы эти вскоре сходились в исполинскую иссохшую ладонь длинной мохнатой лапы, тянущейся из мрака.

Воздух здесь был неспокоен. Внезапный ветер налетал откуда ему хотелось — и перед путниками то и дело принимались плясать песчаные смерчи.

Вскоре они услышали вой. Гулкий, неприятный — но ничуть не похожий на жуткий ураган скорби из Океана, известный как Плач Геи.

Из рассказов Волынки Сирокко и Габи уже знали, чего следует ожидать. Гребни, по которым они теперь взбирались, были на самом деле покрытыми почвой жилами троса, что под углом в тридцать градусов выходили из земли. Меж жилами свирепый ветер выдул глубокие лощины, также направленные к источнику звука.

Дальше стали попадаться всасывающие дыры — некоторые не более полуметра в диаметре, в другие же запросто могла провалиться титанида. Каждая дыра свистела на свой собственный лад. Получалась дисгармоничная, разупорядоченная музыка, напомнившая Сирокко некоторые еще более невразумительные эксперименты рубежа веков. И на фоне всего этого безобразия звучал непрерывный органный тон.

Титаниды выбрали последний, самый длинный гребень. Твердая и каменистая его почва давно сбросила с себя лишнюю грязь, но самый хребет гребня был очень узок, а глубокие расщелины — напротив, широки. Сирокко очень надеялась, что титаниды знают, когда лучше остановиться. От ветра уже слезы на глаза наворачивались.

— Вот и Место Ветров, — пропела Волынка. — Дальше приближаться мы не осмеливаемся, ибо ветры там столь сильны, что могут тебя сдуть. Но, если спуститься по склону, можно увидеть Великую Плакальщицу. Хочешь, я тебя туда отвезу?

— Спасибо, я лучше пешком, — сказала Сирокко и спрыгнула на землю.

— Я покажу дорогу. — Волынка стала спускаться по склону мелкими шажками, пританцовывая. Казалось, ей трудно удерживать равновесие — но

так только казалось.

Догарцевав до отвесной пропасти, титаниды вдоль нее двинулись к востоку. Когда туда же подобрались Сирокко и Габи, обе сразу почувствовали усиление и ветра и шума.

— Если станет еще покруче, — проорала Сирокко, — думаю, нам лучше сдаться!

— Согласна!

Но, добравшись до того места, где остановились титаниды, они сразу же поняли, что идти дальше уже ни к чему.

Оттуда стали видны семь всасывающих дыр — каждая на конце длинной, крутой лощины. Шесть из них составляли от пятидесяти до двухсот метров в диаметре. А Великая Плакальщица легко заключила бы в себе все остальные.

Сирокко прикинула, что от дна отверстия до его верха примерно километр и где-то около полукилометра в его самом широком месте. Овальную форму дыры обуславливало ее расположение меж двумя выходящими из бурой земли жилами троса, что нависали над ней перевернутой римской пятеркой. В месте их стыка разверзлась огромная каменная пасть.

Стены Великой Плакальщицы были столь гладкими, что отражали солнечный свет подобно

кривым зеркалам. Ветер заодно со шлифовальным песком не зря трудились здесь многие тысячелетия. Прожилки в темном камне более светлой руды наводили на мысль о перламутре.

Нагнувшись, Волынка пропела Сирокко в самое ухо.

— Ничего странного, — проревела Сирокко в ответ.

— Что она сказала? — захотела узнать Габи.

— Она сказала, что титаниды зовут это место передней промежностью Геи.

— Действительно ничего странного. А стоим мы сейчас на одной из ее ног.

— Точно.

Хлопнув Волынку по крупу, Сирокко снова указала на вершину гребня. Хотелось бы ей узнать, какие чувства вызывает это место у титанид. Благоговейный трепет? Вряд ли. Слишком близко с городом. Разве швейцарцы благоговеют перед горами?

Славно было вернуться в место сравнительно тихое. Стоя рядом с Волынкой, Сирокко обозревала окрестности.

Продолжая аналогию с гигантской рукой, можно было сказать, что они добрались до второго сустава одного из ее пальцев. Плакальщица же

располагалась в перепонке.

— А есть другой путь наверх? — спросила Сирокко. — Так, чтобы добраться до лежащей там широкой равнины и чтобы Гея тебя не всосала?

Рожок, чуть постарше Волынки, кивнул.

— Есть, и не один. Эта великая матерь всех дыр самая крупная. По любому из остальных гребней можно добраться до плато.

— Почему же вы меня туда не отвезли?

Волынка удивилась.

— Так ты же сказала, что хочешь увидеть Место Ветров, а не взбираться навстречу Гее.

— Ах да, извини, — признала Сирокко. — И все-таки — какой путь лучше?

— Что, к самой вершине? — широко раскрыв глаза, пропела Волынка. — Я же просто шутила. Ведь ты, конечно, не собираешься туда отправляться?

— Почему? Как раз хочу попробовать.

Волынка молча указала на следующий гребень к югу. Сирокко внимательно рассмотрела землю по ту сторону расщелины. Гребень казался нисколько не сложнее того, по которому они уже взобрались. У титанид на подъем ушло полтора часа. У нее, стало быть, уйдет часов шесть-восемь. Потом еще шесть часов по верхнему участку до

плато, а дальше…

С этой точки обзора наклонный трос казался какой-то нелепой горой. Километров пятьдесят он тянулся на свету, а потом уходил во мрак над границей Реи. На протяжении первых трех из этих пятидесяти километров не росло решительно ничего — виднелись лишь бурая почва и серый камень. Потом еще столько же шли одни корявые деревья без листьев. А дальше упрямая растительность Геи все-таки находила себе зацепку. Сирокко не могла разобрать, были там луга или леса. Видно было лишь, что весь пятикилометровый в диаметре ствол троса оплетен зеленью — ржавая якорная цепь океанского судна.

Зелень тянулась до самой сумеречной зоны у рубежей Реи. Границы этой зоны не были четко очерчены — краска словно понемногу смывалась мрачными водами. Зелень переходила в бронзу, бронза тускнела до темного золота, дальше из-под кроваво-красного начинало проступать серебро — а под конец трос обретал цвет облаков с притаившейся за ними луной. Но трос упорно не становился невидимым. Взгляд следовал по его немыслимому изгибу, пока из каната он не превращался в бечевку, в струну, в нитку, прежде чем проткнуть густую тьму нависшей крыши

и кануть в отверстии спицы. Видно было, что спица постепенно сужается, но все остальное уже окончательно тонуло во мраке.

— Вполне осуществимо, — обращаясь к Габи, заметила Сирокко. — По крайней мере до крыши. Я надеялась, что здесь, внизу, окажется что-нибудь наподобие механического лифта. Возможно, он тут все-таки есть, но если мы возьмемся его искать… — Широким жестом она обвела всю истерзанную местность. — Уйдут многие месяцы.

Внимательно осмотрев склон троса, Габи вздохнула и медленно покачала головой.

— Я, понятное дело, туда же, куда и ты. Но знаешь, ты просто спятила. Дальше крыши нам все равно не пройти. Ну сама посмотри. Ведь оттуда придется взбираться по отвесному склону — и не просто отвесному, а под сорок пять градусов.

— Ну и что? Альпинистам такое не в новинку. На тренировках ты и сама это проделывала.

— Ага. На тренировках. Метров десять проползала. А здесь-то — пятьдесят, а то и шестьдесят километров. Дальше, правда, полегче — всего-навсего по вертикали. И всего-навсего 400 километров.

— Да, тяжело придется. Но попытаться-то мы должны!

— Мать твою за ногу. — Габи шлепнула себя ладошкой по лбу и закатила глаза.

Все это время Волынка следила за жестами Сирокко и пыталась вникнуть в суть. Теперь же она запела, причем в темпе ларго.

— Ты хочешь подняться по великой лестнице?

— Не хочу, а должна.

Волынка кивнула. Затем нагнулась и поцеловала Сирокко в лоб.

— Черт бы вас всех побрал, — взъярилась Сирокко. — Достали своими похоронными ритуалами.

— Чего это она? — поинтересовалась Габи.

— Да так, ничего. Поехали, пора возвращаться.

* * *

Покинув зону ветров, путники остановились. Волынка расстелила коврик, и все присели перекусить. В термосах из ореховой скорлупы оказалась горячая пища. Габи и Сирокко досталась, наверное, десятая ее часть. Остальное слопали титаниды.

До Титанополя оставалось пять километров, когда Волынка вдруг оглянулась, и на ее лице выразилась странная смесь скорби и предвкушения. Она пристально разглядывала темную крышу.

— Гея дышит, — грустно пропела она.

— Что? Ты уверена? Я думала, будет много шума, и нам хватит времени, чтобы… Проклятье! Ведь это значит, что прилетят ангелы?

— Шум будет с запада, — поправила ее Волынка. — С востока дыхание Геи бесшумно. Кажется, я их уже слышу. — Тут она оступилась и чуть не сбросила Сирокко.

— Ну так беги, черт возьми! Если вас тут застанут одних, вам точно конец!

— Слишком поздно, — пропела Волынка. В глазах ее уже виднелась решимость, а под напряженными губами блеснули зубы.

— Марш! — Сирокко годами тренировала такой командный тон и Бог весть как сумела вложить его в титанидскую песню. Волынка сорвалась в галоп, и Рожок помчался за ней следом.

Вскоре и Сирокко расслышала вой ангелов. Волынка то и дело меняла аллюр — ей страстно хотелось повернуть назад и вступить в бой.

Они как раз приближались к одинокому дереву, когда Сирокко приняла внезапное решение.

— Стой. Ну скорее, у нас мало времени.

Волынка встала под разлапистыми ветвями,

и Сирокко спрыгнула на землю. Титанида попыталась взбрыкнуть, но Сирокко влепила ей увесистую пощечину, которая, казалось, времен-

но ее уняла.

— Габи, срезай вьюки. Рожок! Прекрати! Вернись немедленно.

Рожок неохотно, но подчинился. Габи и Сирокко лихорадочно рвали свою одежду на полоски. Вскоре у каждой оказалось по три надежные веревки.

— Друзья мои, — держа путы наготове, пропела Сирокко, — у меня уже нет времени объяснять. Прошу вас мне довериться и сделать все, как я скажу. — Весь свой дар убеждения до последней капли она вложила в эту песнь, а вдобавок использовала лад, в каком умудренные старцы обращаются к юным несмышленышам. Это подействовало, но лишь отчасти. Обе титаниды продолжали смотреть на восток.

Тогда она заставила их лечь на бок.

— Больно, — пожаловалась Волынка, когда Сирокко связала ей задние ноги.

— Прости. Но это для твоего же блага. — Она быстро связала ей передние ноги и руки, затем швырнула Габи бурдюк. — Лей в нее, сколько влезет. Пусть так нажрется, чтобы уже не встать.

— Ага.

— Девочка моя, нужно, чтобы ты это выпила, — пропела она Волынке. — И ты, Рожок. Выпейте

сколько сможете. — Сирокко поднесла трубку бурдюка к губам Волынки. Вой ангелов уже стал гораздо слышнее. Уши Волынки стремительно дергались вверх и вниз.

— Вата, нужна вата, — пробормотала Сирокко. Затем оторвала еще пару кусков от уже раздраконенной рубашки и скатала их в плотные шарики. — Помогло Одиссею, должно помочь и мне. Уши, Габи, уши! Заткни ей уши!

— Больно! — взвыла Волынка. — Отпусти меня, земное чудище. Мне такие игры не нравятся. — Она принялась стонать, но к стонам лишь изредка примешивались слова ненависти.

— Выпей еще вина, — мурлыкала Сирокко. От души глотнув, титанида поперхнулась. А крики ангелов сделались уже совсем громкими. Волынка начала верещать в ответ. Тогда Сирокко схватила титаниду за уши, зажала их ладонями и принялась баюкать большую голову Волынки у себя на коленях. Потом приложила губы к одному ее уху и запела титанидскую колыбельную.

— Рокки, помоги! — завопила Габи. — Я не знаю ни одной их песни. Пой громче! — Рожок отчаянно вырывался и верещал, пока Габи пыталась удержать его за уши. Наконец одним взмахом связанных рук он отшвырнул ее в сторону.

— Держи его! Не дай ему уйти!

— Легко сказать! — Габи побежала за Рожком и попыталась удержать его за руки, но силы оказались неравны. Она опять отлетела в сторону, а когда встала, под правым глазом у нее уже наливался фингал.

Рожок грыз путы, что стягивали его запястья. Как только ткань порвалась, он принялся тереть уши.

— Ну, Рокки? Что теперь? — в отчаянии выкрикнула Габи.

— Иди сюда и помоги мне, — сказала Сирокко. — Если ты встанешь у него на пути, он тебя прикончит. — Действительно, Рожка уже было не остановить. Высвободив передние ноги, он извивался как змея, силясь порвать путы на задних.

Потом, даже не взглянув на двух женщин и Волынку, Рожок бросился в сторону Титанополя. Вскоре он уже скрылся из виду за невысоким холмом.

Присев на корточки рядом с Сирокко, Габи, похоже, не сознавала, что орет в полный голос. Явно не замечала она и того, что по щеке у нее бежит струйка крови.

— Чем тебе помочь?

— Не знаю. Гладь ее, успокаивай. Делай что

хочешь — только бы она не вспоминала про ангелов.

Волынка, стиснув зубы, вырывалась изо всех сил. Лицо ее побелело. Сирокко, тоже изо всех сил, ее держала. Габи тем временем, накинув на грудь титаниде веревку, приматывала ее и без того связанные руки к туловищу.

— Тсс, тише, — шептала Сирокко. — Тебе нечего бояться. Я присмотрю за тобой, пока твоя задомать не вернется. И буду петь тебе ее песни.

Волынка понемногу успокаивалась, в глазах у нее снова появлялся мягкий свет разума, увиденный Сирокко в день их первого знакомства. Титанида становилась куда симпатичнее того страшного зверя, в которого только что чуть не превратилась.

Десять минут прошло, пока у них над головами не пролетел последний ангел. Волынка вся взмокла от пота, будто наркоман или запойный алкоголик, резко решивший завязать.

Пока Сирокко и Габи со страхом ожидали возвращения ангелов, Волынка вдруг принялась хихикать. Сирокко легла на бок лицом к титаниде, стала гладить ее по лицу — и тут же была ошарашена ее движениями. Нет, Волынка уже не пробовала на прочность свои путы. Движе-

ния были откровенно сексуальными. Потом она влепила Сирокко влажный поцелуй. Рот ее был такой широкий и жаркий, что приятных ощущений это не вызвало.

— Как жаль, что я не мальчик, — пьяно замурлыкала Волынка.

Сирокко посмотрела вниз.

— Мамочка, — выдохнула Габи. Громадный пенис титаниды вылез из кожистой складки, и кончик его подергивался на земле.

— Вообще-то ты девочка, — пропела Сирокко, — хотя для меня ты мальчик — да еще ого-го какой.

Волынка нашла это уморительным. От души похохотав, она снова захотела поцеловать Сирокко — но беспрекословно сдалась, стоило той отстраниться.

— Я нанесла бы тебе ужасный урон, — прыснула титанида. — Увы, этот для задних дырочек, а у тебя ничего такого нет. Жаль, что я не мальчик, Жаль, что у меня нет члена, который подошел бы тебе.

Сирокко улыбнулась, позволяя Волынке и дальше нести этот бред, но глаза ее не улыбались. Поверх плеча титаниды она взглянула на Габи.

— Последнее средство, — тихо сказала она подруге. — Если станет ясно, что она вот-вот вы-

рвется, бери камень и бей по голове. Если убежит, ей конец.

— Ага. А чего она там болтала?

— Говорит, что хочет меня трахнуть.

— Вот этой штукой? Нет, я лучше сейчас ее отрублю.

— Не придуривайся. Нам ничего не грозит. Если вырвется, даже нас не заметит. Слышишь? Кажется, возвращаются.

— Похоже на то.

Но во второй раз все оказалось куда легче. Общими усилиями Сирокко и Габи просто не дали Волынке услышать ангелов — и, хотя титанида дрожала и потела так, словно невесть как их чуяла, она уже почти не билась.

Наконец ангелы улетели — обратно в вечную тьму шпиля высоко-высоко над Реей.

* * *

Волынка заплакала, когда ее развязали, — и рыдала беспомощно, как маленькая девочка, не сознающая, что с ней такое случилось. Плач сменился обидами и жалобами — в основном на затекшие ноги и ноющие уши. Сирокко и Габи аккуратно помассировали ей натертые веревками места. Раздвоенные копытца титаниды были

красными и прозрачными как вишневое желе.

Узнав, что Рожок умчался на бой, Волынка, как ни странно, ничуть не расстроилась. Наградив обеих женщин мокрыми поцелуями, она любовно к ним прижалась, чем вызвала у Габи новые опасения. Сирокко несколько успокоила подругу, объяснив, что титаниды четко различают передние и задние половые сношения. Передние органы предназначались у них для получения полуоплодотворенных яиц, которые затем вручную вставлялись в заднее влагалище и доводились задним пенисом до нужной кондиции.

Когда Волынка поднялась на ноги, выяснилось, что она еще слишком пьяна, чтобы их везти. Тогда они поводили ее кругами и в конце концов все-таки направились к городу. Оседлать ее возможно было бы только через несколько часов.

Титанополь уже виднелся на отдалении, когда они вдруг наткнулись на Рожка.

Кровь уже запеклась на его прекрасной сиреневой шерсти. Из конского бока торчало устремленное в небо копье. Человеческий торс был изувечен.

Опустившись на колени, Волынка рыдала над трупом, пока Сирокко и Габи держались чуть поодаль. Губы Сирокко кривились от досады.

Неужели Волынка ее винила? Неужели она и впрямь предпочла бы погибнуть вместе с Рожком — или то была безнадежно земная трактовка ее плача? Доблести, проявленной на поле боя, титаниды не ценили; а в сражение ввязывались лишь потому, что просто не могли этому противиться. Сирокко любила их за первое и жалела за второе.

Радоваться ли, что спаслась, — или рыдать по тому, кто навеки потерян? Титанида не могла делать сразу и то и другое. Вот она и рыдала.

Наконец Волынка с трудом поднялась на ноги. Три годика, подумала Сирокко. Это, впрочем, мало что значило. Невинностью Волынка напоминала трехлетнюю девочку, но была при этом вполне взрослой титанидой.

Подобрав отрубленную голову, Волынка поцеловала ее в окровавленные губы и положила рядом с телом. Она ничего не пропела. Песен для таких мгновений у титанид просто не было.

Габи и Сирокко снова уселись ей на спину. Медленной рысью Волынка пустилась к городу.

— Завтра, — сказала Сирокко. — Завтра же отправляемся к ступице.

ГЛАВА XVIII

Пять суток спустя Сирокко все еще готовилась к походу. Проблема, кого и что с собой взять, оказалась не так проста.

Билл сразу отпадал, хотя у него на этот счет было другое мнение. То же самое — Август. Проводя большую часть времени на окраине города, она теперь почти не разговаривала и лишь односложно отвечала на вопросы. Кельвин даже не знал, что при таком душевном расстройстве будет лучше — взять Август в поход или оставить ее в покое. Тогда Сирокко пришлось решать, исходя из того, что будет лучше для экспедиции, которая явно могла оказаться под угрозой, случись вдруг у Август нервный срыв.

Кельвин отпадал, ибо обещал не покидать Титанополя до окончательного выздоровления Билла; да и к тому же он был сам по себе.

Джина следовало взять. Сирокко желательно было иметь его перед глазами — и подальше от титанид.

Оставалась Габи.

— Ты не сможешь меня бросить, — сказала Габи, даже не упрашивая, а просто констатируя

факт. — Я все равно от тебя не отстану.

— Да я и не собираюсь тебя бросать. Хотя вообще-то ты меня своей маниакальной привязанностью уже достала. Но в то же время ты мне жизнь спасла, а я тебя за это так толком и не отблагодарила. Хочу, чтобы ты знала — я этого никогда не забуду.

— Твоя благодарность мне без надобности, — отозвалась Габи. — Мне нужна твоя любовь.

— Вот любви-то я тебе дать не могу. Ты мне очень нравишься, Габи. Черт возьми, да ведь мы тут чуть ли не с самого начала бок о бок идем. Но штука в том, что первые пятьдесят километров придется проделать в Свистолете. И силой я тебя туда не потащу.

Габи побледнела, но голос ее был полон отваги.

— Не бойся. Не придется.

Сирокко кивнула.

— Что ж, дело за тобой. Кельвин говорит, что мы можем добраться до уровня сумеречной зоны. Выше пузыри не плавают. Ангелам, мол, не по вкусу.

— Значит, ты, я и Джин?

— Ага. — Сирокко нахмурилась. — А знаешь, я рада, что ты со мной.

* * *

Им требовалась масса всякой всячины, и Сирокко понятия не имела, как эту всячину раздобыть. У титанид существовала система обмена, однако цены устанавливались с учетом степени родства, положения в обществе и нужды в данном товаре. Никто не голодал, но у индивидов с низким статусом, как у Волынки, помимо пищи, крова и минимальных средств для раскраски, толком ничего и не было. Красящие средства, между прочим, считались у титанид таким же предметом первой необходимости, что и пища.

Существовала также система кредитов, и Менестрель воспользовался частью своего — но главным подспорьем для снаряжения экспедиции все же послужило произвольное повышение статуса Сирокко. Менестрель провозгласил ее своей духовной зододочерью и потребовал, чтобы общество рассматривало ее таковой, ввиду особой природы ее миссии.

Большинство титанидских мастеровых согласились с такой постановкой вопроса и оказывали при подготовке экспедиции едва ли не чрезмерную помощь. Первым делом были изготовлены пригодные для людей рюкзаки. Затем едва ли не

все повалили со своими изделиями, желая внести хоть какой-то вклад в миссию землян.

Сирокко решила, что каждый вполне сможет нести на себе килограммов пятьдесят. Рюкзаки получились мощные, но по земному счету весили они всего-навсего килограммов двенадцать — а по мере подъема к ступице должны были становиться еще легче. Габи сказала, что за счет центробежного ускорения гравитация там составит всего-навсего одну сороковую жэ.

Первым делом следовало позаботиться о веревках. Впрочем, одно титанидское растение отращивало превосходные веревки — тонкие, гибкие и прочные. Каждый мог спокойно забрать с собой стометровый моток.

Титаниды неплохо лазали, хотя в основном по деревьям. Насчет крюков Сирокко поговорила с мастерами по металлу — и те вскоре принесли плоды своих напряженных усилий. К несчастью, со сталью титаниды знакомы не были. Едва взглянув на крюки, Джин покачал головой.

— Ничего лучше у них не получается, — сказала Сирокко. — Но они их прокалили, как я велела.

— Этого мало. Впрочем, не беспокойся. Что бы там ни было внутри спицы, это не камень. Камень не выдержал бы тех напряжений, что

растягивают эту бандуру. Честно говоря, я даже не знаю материала, который бы выдержал.

— А это означает всего лишь то, что строителям Геи было ведомо нечто, нам пока что неведомое.

Сирокко и сама не очень-то беспокоилась. В спицах живут ангелы. Если они только не проводят в полете всю жизнь, им надо куда-то садиться. А там, куда они садятся, она уж как-нибудь зацепится.

Чтобы вгонять крючья, они обзавелись молотками — самыми легкими и прочными, какие только получились у титанид. Также мастеровые обеспечили их ножами и топориками, а заодно и точильными камнями. Благодаря любезному дару Свистолета все трое упаковали себе по парашюту.

— Теперь одежда, — сказала Сирокко. — Какую бы одежду нам захватить?

Менестрель явно растерялся.

— Нам одежда, сами видите, не требуется, — пропел он. — Хотя некоторые, у кого, как у вас, голая кожа, носят ее в холодную пору. Мы сделаем, что вам нужно.

В результате они с головы до пят оделись в лучшие узорные шелка. На самом деле то были вовсе не шелка — но на ощупь ничем не отличались.

Изготовлены были также войлочные куртки и штаны — по два комплекта на каждого — и вязаные комбинезоны. А еще — меховые плащи и шаровары. А еще — подбитые мехом перчатки. А еще — мокасины на твердой подошве. Приготовиться следовало ко всему, и, хотя одежда заняла много места, Сирокко не склонна была ею пренебрегать.

Упаковали они также шелковые гамаки и спальные мешки. Титаниды пользовались спичками и масляными лампами. Путники взяли себе по штуке. Не забыли и небольшой запас масла. Растянуть его на все путешествие представлялось нереальным, но точно так же обстояло дело с пищей и водой.

— Вода, — волновалась Сирокко. — Вот с чем придется туго.

— Но ты же сама сказала, что там живут ангелы, — резонно заметила Габи, помогая с паковкой в пятый день сборов. — Должны же они что-нибудь пить.

— Должны. Но это не значит, что мы так запросто отыщем источники.

— Если ты будешь без конца дергаться, может, нам лучше вообще не идти?

Они взяли бурдюки с запасом воды на девять-

десять дней, а затем доложили до предельного веса сухими продуктами. По истощении запаса они приготовились есть то же, что едят ангелы, — если, конечно, получится.

На шестые сутки все было готово — и теперь Сирокко требовалось еще раз повидаться с Биллом. Перспектива применения власти для разрешения спора сильно ее беспокоила. Впрочем, она знала, что при необходимости обязательно это сделает.

* * *

— Вы все спятили, — буркнул Билл и хлопнул ладонью по койке. — Вы даже понятия не имеете, что там окажется. И потом. Ты серьезно считаешь, что сможешь взобраться по дымовой трубе 400 километров в вышину?

— Мы хотим посмотреть, возможно это или нет.

— Вы хотите там угробиться. Когда ты грохнешься оземь, твоя скорость будет за тыщу кэмэ.

— Поменьше. Я так прикидываю, что максимальная скорость в этой атмосфере — 200 с небольшим. И вообще, Билл. Если ты пытаешься меня взбодрить, то у тебя это хреново получается. — Сирокко никогда его таким не видела. И таким он ей совсем не нравился.

— Нам нужно держаться вместе, и ты сама это знаешь. Просто ты все еще комплексуешь из-за потери «Укротителя». Вот и пытаешься записаться в героини.

Не будь в его словах хоть крупицы правды, Сирокко не было бы так больно. Порой, пытаясь заснуть, она часами об этом думала.

— А воздух? Что, если там нет воздуха?

— Билл, мы не на коллективное самоубийство собрались. Если невозможно, значит, невозможно. А ты сейчас просто изобретаешь доводы.

Глаза его умоляли.

— Прошу тебя, Рокки. Подожди меня. Раньше я тебя ни о чем не просил. А теперь прошу.

Вздохнув, Сирокко жестом попросила Джина и Габи выйти из комнаты. А когда они вышли, присела на край койки и потянулась, чтобы взять Билла за руку. Тот руку убрал. Тогда Сирокко резко встала, кляня и себя, и Билла. Себя — за то, что решила так к нему подлизаться, а Билла — за то, что он ее отверг.

— Оказывается, Билл, я совсем тебя не знала, — тихо проговорила она. — Когда мне бывало одиноко, ты поддерживал меня, и я думала, что со временем тебя полюблю. Ведь я не так легко влюбляюсь. Быть может, я слишком недоверчива

— не знаю. Рано или поздно каждый начинает указывать, какой ему желательно меня видеть. Теперь и ты за это взялся.

Билл молчал и даже на нее не глядел.

— Ты сейчас так по-свински себя ведешь, что просто выть хочется.

— Хотелось бы посмотреть.

— А зачем? Чтобы я вписалась в твои представления о том, чего следует ждать от женщины? Черт возьми, ведь когда мы познакомились, я была капитаном. И тебя это как будто не очень волновало.

— Не понимаю, о чем ты.

— Я о том, что если я сейчас уйду, между нами все будет кончено. Потому что я не намерена дожидаться, пока ты явишься, чтобы мужественно меня оберегать.

— Не понимаю…

Тут она взвыла, выругалась — и сразу полегчало. А когда полегчало, Сирокко даже удалось испустить горький смешок. Билл обалдел. Габи сунула было голову в дверь, но тут же скрылась, едва поняла, что замечать ее подруга отказывается.

— Ладно, — проговорила Сирокко. — Ладно. Я просто комплексую. Все оттого, что я прово-

ронила свой корабль и должна отыграться, с ног до головы покрыв себя славой. Еще у меня страшный мандраж от неспособности собрать воедино команду и заставить ее работать на общую цель. Я такой хреновый капитан, что даже тому единственному человеку, от которого, как мне казалось, я могу ждать понимания и уважения, мне приходится говорить: заткнись и делай как сказано. Да уж, странная я женщина. Сама это знаю. И хорошо — может, даже слишком хорошо — понимаю, что все было бы по-другому, будь я мужчиной. Поневоле закомплексуешь, глядя, как без конца выходит одно и то же. И поневоле начнешь звереть, понимая, что нужно быть вдвое лучше мужчин — иначе должность тебе не светит.

Ты не согласен с моим решением подниматься к ступице. Ты высказал свои возражения. Еще ты сказал, что любишь меня. Хотя, наверное, уже не любишь. Мне очень жаль, что так вышло. Но я приказываю тебе ждать здесь, пока я не вернусь. И кончен разговор.

Билл непреклонно сжал губы. Потом ответил:

— Я люблю тебя. Потому и не хочу, чтобы ты уходила.

— Господи, Билл. Да не нужна мне такая лю-

бовь. «Я люблю тебя. Так что сиди смирно, пока я тебя не связал». Больнее всего, что как раз это ты и делаешь. Если ты не можешь видеть во мне самостоятельную женщину, способную принимать собственные решения и самой заботиться о себе, мне лучше вообще на глаза тебе не попадаться.

— А такая любовь как называется?

Ей хотелось заплакать, и уже было почти все равно.

— Хотела бы я знать. Может, такой любви вообще не бывает. Может, один всегда должен терпеть заботу другого. Но тогда мне придется подыскать мужчину, который будет мне подчиняться, потому что иной вариант меня не устраивает. Разве мы не можем просто заботиться друг о друге? В смысле, когда тебе туго, я тебе помогаю, а когда я слабею, ты меня поддерживаешь.

— Да ты, похоже, никогда не слабеешь. Ты же только что сказала, что сама можешь о себе позаботиться.

— Каждый должен о себе заботиться. Но если ты думаешь, что я железная, то ты меня совсем не знаешь. Сейчас, к примеру, я как дитя малое. Стою и думаю — неужели ты отпустишь меня без поцелуя? Неужели даже удачи не пожелаешь?

Проклятье, слезы все-таки навернулись. Си-

рокко быстро их утерла, не желая давать Биллу повод думать, что она пускает в ход излюбленное женское оружие. «Черт, — подумала она, — как же меня заносит в такие безысходные ситуации. Сильная я или слабая — а вечно оборону держу».

На поцелуй Билл сподобился. А когда поцеловались, говорить вроде бы уже стало и не о чем. Сирокко так и не разобрала, как Биллу ее сухие глаза. Она знала, что ему больно. Но не стало ли ему еще больнее?

— Возвращайся поскорее.

— Обязательно. Не тревожься за меня. Я крепкий орешек.

— Будто я не знаю.

* * *

— Два часа, Габи. Самое большее.

— Знаю, знаю. И хватит об этом, ладно?

Сидя на гладкой равнине к востоку от Титанополя, Свистолет казался еще громаднее. Обычно пузыри ниже уровня деревьев не опускались. Чтобы убедить его сесть на землю, в городе пришлось потушить все огни.

Сирокко оглянулась на Билла. Он стоял на костылях рядом с носилками, в которых его приспособились возить титаниды. Он помахал, и она

помахала в ответ.

— Все, Рокки, сдаюсь, — стуча зубами, выдавила Габи. — Поговори со мной, скажи что-нибудь.

— Спокойно, девочка, спокойно. Открой глазки, ага? Смотри, куда ступаешь. Оба-на!

В желудке пузыря образовалась целая очередь из доброго десятка разных животных. Все они сильно смахивали на жаждущих поскорее добраться домой пассажиров метро. Но дисциплина у этих пассажиров хромала. Выбираясь наружу, они устроили настоящую чехарду. И сбили Габи с ног.

— Рокки, помоги! — выкрикнула Габи, рискнув бросить на Сирокко лишь один быстрый взгляд.

— Сейчас. — Перекинув свой рюкзак Кельвину, который вместе с Джином уже был внутри, Сирокко помогла подруге. Коротышка Габи просто леденела от страха.

— Два часа.

— Два часа, — тупо повторила Габи.

Послышалось торопливое цоканье копыт, и у открытого сфинктера появилась Волынка. Она ухватила Габи за руку.

— Вот, малышка, — пропела она. — Это поможет тебе в беде. — И титанида сунула Габи бурдюк с вином.

— Откуда ты узнала… — начала было Сирокко.

— Я увидела страх в ее глазах и вспомнила, какую услугу она мне оказала. А что? Я плохо придумала?

— Девочка моя, ты чудесно придумала. Спасибо тебе от нее. — О своем бурдюке, припасенном для той же цели, Сирокко решила не упоминать.

— Я не стану опять тебя целовать, раз ты говоришь, что вернешься. Удачи вам всем, и пусть Гея обязательно вернет вас назад.

— Удачи. — Отверстие бесшумно закрылось.

— Что она сказала?

— Она хочет, чтобы ты в хлам нарезалась.

— Да я уже приложилась разков пять-десять. Но раз уж ты вспомнила…

Потом Габи все-таки не выдержала и стала визжать как резаная. Тогда Сирокко взялась накачивать ее до потери памяти и рассудка. Наконец, удостоверившись, что Габи уже впору класть на большое блюдо и подавать на обеденный стол, она присоединилась к мужчинам в передней части гондолы.

Свистолет уже поднялся в воздух. Из дырки у его носа все еще выливался водяной балласт.

Потом Свистолет заскользил прямо над тросом. Сирокко видела там те же луга и деревья, что и

внизу. Местами заросли были слишком буйные. Вся огромная бандура казалась почти ровной полоской земли. Пока они не доберутся до крыши, никакой опасности свалиться оттуда не будет.

Свет медленно тускнел. Уже через десять минут они оказались в оранжевого оттенка сумерках — на пути к вечной ночи. Сирокко с грустью смотрела, как пропадает свет. Бывало, она кляла его за назойливое постоянство — и все-таки это был свет. Теперь она его какое-то время не увидит.

Вообще-то она и совсем может его не увидеть.

— Конец маршрута, — сказал Кельвин. — Свистолет еще немного опустится и высадит вас на трос. Удачи вам, психи ненормальные. Я буду вас ждать.

Джин помог Сирокко натянуть на Габи снаряжение, а потом прыгнул первым, чтобы принять ее внизу. Сирокко наблюдала сверху, пока Габи не приземлилась, затем расцеловалась с Кельвином. Наконец, приладила собственное снаряжение и прыгнула вниз.

Приземлилась она уже в сумеречной зоне.

ГЛАВА XIX

Оказавшись на тросе — на жалкую сотню километров ближе к центру Геи и в целой сотне длинных километров от ее основания, — все трое почувствовали заметное облегчение. Гравитация понизилась от четверти жэ до одной пятой. Рюкзак Сирокко потерял в весе два килограмма, а тело — аж два с половиной.

— Отсюда сто километров до места, где трос смыкается с крышей, — заметила Сирокко. — Я бы сказала, что наклон здесь градусов тридцать пять. Пока что все проще простого.

Но Джин был настроен более скептически.

— А я бы сказал — больше сорока. Ближе к сорока пяти. И будет все круче и круче. Если доберемся до крыши — по-моему, натянет градусов на шестьдесят.

— Но при такой гравитации…

— Зря ты плюешь на сорок градусов, — перебила ее Габи. Зеленая, но радостная, она все еще сидела на земле. Незадолго до этого, проблевавшись, Габи заметила, что нет и не может быть ничего хуже сидения в пузыре. — На Земле я немало полазала с телескопом на горбу. Тебе-то

будет ничего, а вот нам — не очень.

— Она права, — согласился Джин. — Я потерял в весе. А низкая гравитация нагоняет вялость.

— Ну вы, мать вашу, и пораженцы!

Джин покачал головой.

— Напрасно ты думаешь, что у нас будет преимущество пять к одному. Не забывай, что масса рюкзака почти равна твоей собственной. Надо быть осторожнее.

— Черт возьми! Мы собираемся приступить к самому длинному восхождению, на какое когда-либо отваживался человек! И что я слышу от будущих героев? Радостное пение? Нет! Ничего, кроме старческого брюзжания.

— Если так нужно петь песни, — хмуро заметила Габи, — лучше петь их сейчас. Потом уже не захочется.

«Ну что ж, — подумала Сирокко, — попробуем». Сознавая, что весь поход будет нелегким, она все-таки чувствовала, что круче всего придется, когда они доберутся до крыши. По ее прикидке — суток через пять.

Путники оказались в мглистом лесу. Деревья из мутного стекла нависали над ними, фильтруя скудный свет сумеречной зоны и придавая всему окружающему бронзовый оттенок. Конические

тени казались совершенно непроницаемыми и все как одна указывали на восток — в вечную ночь. Над головой висел и занавес из розовых и оранжевых, сине-зеленых и золотых, будто вырезанных из целлофана листьев — роскошный и вычурный закат летним вечером.

Земля под ногами едва заметно вибрировала. Сирокко представила себе огромные массы воздуха, бегущие по тросу к ступице, и подумала о том, как всю эту неимоверную силищу можно было употребить.

Подъем оказался несложным. Земля была гладкая и плотная — словно специально утрамбованная. Форма ландшафта обуславливалась переплетением жил под тонким слоем почвы. Земля горбилась длинными гребнями, которые через несколько сотен метров заметно уклонялись в сторону — к покатым бокам троса.

Между жил, где слой почвы был поглубже, растительность просто буйствовала. Тогда путники решили применить нехитрую тактику: следовали по гребню жилы, пока та не начинала уходить вбок, под трос, а затем через неглубокую лощину перебирались на соседнюю с южной стороны жилу. Дальше полкилометра спокойно шли по новому гребню, затем опять перебирались на

следующий.

По дну каждой лощины бежал ручеек. Узенькие струйки неслись так весело, что прорыли себе канавки до самого материала жил. Сирокко прикинула, что все они должны падать с троса где-то на юго-западе.

Изобильная Гея и на тросе была верна себе. Большинство деревьев гнулись под тяжестью фруктов и всяких мелких зверьков. Среди них Сирокко сразу опознала ленивое существо вроде кролика — очень даже съедобное и никогда не спешащее улизнуть от охотника.

Под конец второго часа подъема Сирокко поняла правоту Джина и Габи. Причем поняла очень резко — когда икру свело судорогой, и будущей рекордсменке по горным восхождениям пришлось улечься на землю.

— В-в! М-м! Молчите уж, гады!

Габи ухмыльнулась. Сирокко она, конечно, сочувствовала, но собой тоже была довольна.

— У-у, чертов склон. Вроде бы так легко подниматься. И поклажа не особо тянет. Так ведь, собака, такой крутой, что всю дорогу идешь на цыпочках!

Джин присел рядом спиной к склону. Сквозь разрыв в деревьях им виден был клочок Гипери-

она — издевательски яркий и заманчивый.

— С поклажей тоже будут заморочки, — сказал Джин. — Мне только что носом землю рыть не приходится.

— А у меня хребет болит, — тоже пожаловалась Габи.

— И у меня, — жалобно отозвалась Сирокко. Теперь, когда она помассировала ногу, боль уходила. Но, судя по всему, ненадолго.

— Склон чертовски коварен, — продолжил Джин. — Может, нам лучше идти на всех четырех. Мы сильно перегружаем отдельные мышцы ног. Надо равномерней распределить нагрузку.

— Он дело говорит. К тому же так мы наберем хорошую форму для вертикального отрезка. Там основная нагрузка придется на руки.

— Вы оба дело говорите, — сказала Сирокко. — Я слишком гнала. Теперь будем чаще останавливаться. Джин, ты не вынешь у меня из рюкзака аптечку?

В аптечке имелись различные лекарства от насморка и простуды, пузырьки с дезинфицирующим составом, бинты, запас средства для местной анестезии, которое Кельвин использовал при абортах, и даже коробочка ягод, обладавших психостимулирующим действием.

Сирокко уже их пробовала. Фенамин, да и только. Лежала там и написанная Кельвином памятка на предмет первой помощи, где описывалась куча всевозможных процедур — от излечивания расквашенного носа до ампутации ноги. А еще там была круглая баночка с лиловым бальзамом, которую Менестрель дал ей «от дорожных болей». Закатав штанину, Сирокко натерла бальзамом икру, от души надеясь, что титанидское средство помогает и людям.

— Готова? — Джин уже поднялся и поправлял свой рюкзак.

— Вроде да. Ты поведешь. Не гони так, как я. Если для меня будет слишком быстро, я скажу. Через двадцать минут ложимся и десять отдыхаем.

— Есть, командир.

* * *

Через пятнадцать минут от боли уже корчился Джин. С воем сорвав мокасин, он принялся растирать босую ногу.

Сирокко обрадовалась возможности передохнуть. Растянувшись на земле, она полезла в карман за банкой бальзама, а затем перекатилась на спину и передала банку сидящему выше по склону Джину. Из-за пухлого рюкзака спина ее

располагалась почти вертикально, а ноги свисали вниз. Развалившаяся рядом Габи даже не позаботилась перевернуться.

— Пятнадцать минут идем и пятнадцать отдыхаем.

— Как скажешь, гражданин начальник, — вздохнула Габи. — За тебя в огонь и в воду. Пусть хоть живьем кожу сдирают. Буду тут мудохаться, пока не сотру руки и ноги в кровавые огрызки. Лишь об одном прошу. Когда отдам Богу душу, напишите на могильной плите, что я пала смертью храбрых. А, ч-черт! Ладно, лягни меня, когда будем трогаться. — Она громко захрапела, и Сирокко расхохоталась. Габи подозрительно приоткрыла один глаз — и тоже расхохоталась.

— А как насчет «здесь покоится астронавтка»? — предложила Сирокко.

— «Она выполнила свой долг», — подключился Джин.

— Нет, честно, — засопела Габи. — Неужто нет больше в этой жизни романтики? Поведай кому-нибудь свою эпитафию — и что получаешь в ответ? Дурацкие шутки!

* * *

Следующая судорога прихватила Сирокко как раз на следующем привале. Вернее — судороги, так как теперь свело обе ноги. Смешного было уже совсем мало.

— Вот что, Рокки, — сказала Габи, нерешительно трогая подругу за плечо. — Нет смысла так гробиться. Давай отдохнем часок.

— Но ведь смех один! — с трудом прохрипела Сирокко. — Я даже запыхаться не успела. И теперь целый час задницу просиживать? — Тут она с подозрением покосилась на Габи. — А какого это черта у тебя судорог нет?

— А я тут вообще отдыхаю, — с кристально честным лицом призналась Габи. — Привязала веревку к той самой заднице, которую ты не хочешь просиживать, и преспокойно за тобой волокусь.

Сирокко пусть слабо, но не могла не рассмеяться.

— Я просто должна привыкнуть, — заявила она. — Рано или поздно, но форму я наберу. От судорог еще никто не загибался.

— Нет. Не могу видеть, как ты мучаешься.

— А что, если десять минут идти и двадцать

лежать? — предложил Джин. — Пока не почувствуем, что способны на большее?

— Нет. Пойдем по пятнадцать минут — или пока кто-то не свалится, что все равно выйдет раньше. Потом ровно столько же отдыхаем — или меньше, если почувствуем, что готовы. И в таком духе восемь часов… — Она взглянула на часы. — А теперь уже пять с небольшим. Потом разбиваем лагерь.

Габи вздохнула.

— Веди, Рокки. Это ты умеешь.

* * *

Прогулка превратилась в кошмар. Сирокко больше всех страдала от судорог, хотя теперь они прихватывали и Габи.

Титанидский бальзам помогал, но расходовать его приходилось экономно. У каждого было по аптечке, и запас мази у Сирокко уже подходил к концу. Надеясь, что после нескольких первых дней похода потребность в бальзаме отпадет, она хотела сберечь хотя бы баночку для восхождения внутри спицы. В конце концов, боль была не так уж нестерпима. Сперва, когда прихватывало, трудно было не завопить, но потом понемногу отпускало.

Под конец седьмого часа Сирокко смилостивилась, слегка раздраженная собственным упрямством. Ведь все получается так, будто она пытается доказать правоту Билла! Намеренно заставляет себя быть жесткой, намеренно гонит себя к пределам собственных возможностей — и даже чуть дальше!

Лагерь путники разбили на дне лощины — набрали хвороста для костра, но не потрудились установить палатки. Воздух и без того был жаркий и спертый, но все же костер сделался желанным просветом во все сгущающемся сумраке. Удобно усевшись в кружок, они разделись до цветастого шелкового белья.

— Капитан наш — вылитая павлиниха, — заметил Джин, отхлебывая из бурдюка.

— Очень усталая павлиниха, — вздохнула Сирокко.

— Как думаешь, Рокки, сколько мы прошли? — спросила Габи.

— Сложно сказать. Километров пятнадцать?

— Я тоже так думаю, — кивнул Джин. — На паре гребней я посчитал шаги и вывел среднее. Дальше оставалось считать только гребни.

— Мысли великих умов схожи, — сказала Сирокко. — Пятнадцать сегодня, двадцать завтра.

Через пять дней будем у крыши. — Потянувшись, она принялась разглядывать изменчивый полог листвы над головой.

— Габи, тебе водить. Залезь-ка в рюкзак и нашарь нам каких-нибудь личинок. Я бы сейчас целую титаниду сожрала.

* * *

Никаких двадцати километров на следующий день не вышло. Не вышло даже десяти.

Проснувшись, они обнаружили, что их ноги страшно болят. Поначалу Сирокко даже сомневалась, что удастся согнуть колени. Как глубокие старцы, ковыляли они на своих многострадальных ногах, пока готовили завтрак и сворачивали лагерь. Потом заставили себя проделать комплекс зарядки.

— Умом-то я понимаю, что этот гад стал на какие-то граммы полегче, — простонала Габи, закидывая за спину рюкзак. — Ведь я оттуда две порции съела.

— Не знаю, как твой, а мой точно двадцать кило набрал, — отозвался Джин.

— Скотство. Вот скотство. И еще раз скотство! Ну что вылупились, павианы? Шагом марш! Хотите жить в веках?

— Жить? Разве это жизнь?

* * *

Вторая ночь наступила через пять часов после первой. Так постановила Сирокко.

— Нижайшие поклоны тебе, о Державная Владычица Времени, — выдохнула Габи, растягиваясь на своем спальном мешке. — Еще немного — и установим новый рекорд. Даешь двухчасовой день!

Джин с тяжкими стонами опустился рядом.

— Ты вот что, Рокки. Когда запалишь костер, я, пожалуй, не откажусь откушать штук пять филе из тех мясных растений. И потише тут. Посудой не греми, коленями не щелкай. У меня от твоих коленей скоро нервный тик будет. Короче, не мешай отдыхать.

Уперев руки в бока, Сирокко окинула спутников огненным взором.

— Так вот, значит, вы как? Ну ладно. У меня для вас интересная новость. Я тут старшая по званию. Забыли?

— Джин, она что-то сказала?

— Вот эта длинная? Ни звука не слышал.

Сирокко ковыляла по округе, пока не набрала хвороста для костра. Присесть, чтобы его раз-

ложить, оказалось еще сложнее — настолько сложнее, что Сирокко стала сомневаться в успехе операции. Ведь ей предстояло согнуть свои бедные ноги под тем углом, какой они упорно принимать не желали.

Но со временем мясные растения все-таки начали потрескивать в масле, а Джин и Габи повернули свои носы навстречу божественным ароматам.

Сил у Сирокко оставалось только на то, чтобы закидать угли землей и развернуть спальный мешок. Изготовившись было в него залезть, она вырубилась.

* * *

Третий день оказался не хуже второго — в том же смысле, в каком чикагский пожар был не хуже землетрясения в Сан-Франциско.

Почти за восемь часов они одолели десять километров по становящемуся все круче и круче подъему. В конце Габи заметила, что уже не чувствует себя дряхлой старухой. Теперь ей, заявила она, уже не восемьдесят лет, а всего лишь семьдесят пять.

Назрела необходимость в новой тактике подъема. Ходьба по крутому косогору, даже на

четвереньках, становилась все более затруднительной. Ноги без конца проскальзывали — и путники плюхались на животы, раскидывая руки по сторонам, чтобы не сползти вниз.

Джин предложил, чтобы они по очереди брали один конец веревки, заползали как можно выше и привязывали веревку к дереву, чтобы двое оставшихся внизу могли легко по ней взобраться. Ведущий при этом минут десять работал бы на полную, а двое остальных отдыхали. Затем ведущий отдыхал бы два срока. Попробовали. Выходило по 300 метров за каждый заход.

Разглядывая ручей поблизости от их третьего лагеря, Сирокко решила было искупаться, но тут же передумала. Есть хотелось куда сильнее. Джин, изрядно поворчав, все-таки встал на очередную вахту у жаровни.

Сирокко так взбодрилась, что даже успела просмотреть свою поклажу и прикинуть, сколько осталось провизии, — прежде чем опять провалиться в глубокий сон.

* * *

На четвертый день они одолели двадцать километров за десять часов, а под конец того же дня Джин решил приударить за Сирокко.

Лагерь путники разбили в том месте, где речушка, вдоль которой они следовали, разошлась так, что в ней даже появилась возможность искупаться. Без всяких задних мыслей сбросив с себя всю одежду, Сирокко с наслаждением окунулась в чистую воду. Мыло, конечно, не помешало бы — но для мытья вполне годился и превосходный песок со дна. Вскоре к капитану присоединились Габи и Джин. А затем Габи по поручению Сирокко отправилась поискать свежих фруктов. Полотенец у них не имелось — так что Сирокко голой присела к костру. Тут-то ее Джин и прихватил.

Рассыпая по сторонам горящий хворост, Сирокко подскочила и оторвала его ладони от своих грудей.

— Эй, прекрати! — Наконец ей удалось вырваться.

А Джин ничуть не смутился.

— Слушай, Рокки, можно подумать, что мы никогда друг друга не трогали.

— Что? Ну, все равно не люблю, когда меня исподтишка лапают. Держи свои грабли подальше.

Он явно рассвирепел.

— Вот, значит, как? А что мне, по-твоему, делать, когда вокруг да около две голые бабы слоняются?

Сирокко потянулась за одеждой.

— Не знала, что ты от одного вида голой женщины голову теряешь. Теперь буду иметь в виду.

— А чего ты злишься?

— Ничего я не злюсь. Нам еще какое-то время придется жить бок о бок, так что не дело друг на друга злиться. — Управляясь с застежками своей рубахи, Сирокко опасливо поглядывала на Джина. А когда стала поправлять костер, старалась все время оставаться к нему лицом.

— Нет, ты озлилась. А я ничего такого и не подумал.

— Не лапай меня — и дело с концом.

— Я бы завалил тебя розами и коробками конфет, но это малость непрактично.

Сирокко улыбнулась и немного успокоилась. Сейчас он снова напоминал прежнего Джина — и глаза его уже не сверкали так хищно, как считанные мгновения назад.

— Послушай, Джин. Мы и на корабле идеальную пару не составляли — сам знаешь. А здесь… Я устала, проголодалась и по-прежнему чистой себя не чувствую. Короче, если что-то прорежется, я дам тебе знать.

— Что ж, по крайней мере честно.

Оба молчали, пока Сирокко подбрасывала в костер веток, в то же время внимательно следя,

чтобы он не расползся шире того выступа породы, на котором они его развели.

— А ты… у тебя с Габи что-то есть?

Сирокко покраснела, отчаянно надеясь, что в свете костра это незаметно.

— Не твое дело.

— Я всегда знал, что в душе она лесбиянка, — кивая, заметил Джин. — Но не думал, что и ты тоже.

Переведя дыхание, Сирокко с прищуром взглянула на собеседника. В мечущихся тенях трудно было что-то разобрать на его заросшем светлой бородой лице.

— Ты специально меня подкалываешь? Я же сказала — тебя это не касается.

— Не питай ты к ней слабости, просто сказала бы «нет».

«Да что со мной такое? — подумала Сирокко. — Почему по коже мурашки бегают?» В отношениях с людьми Джин всегда руководствовался собственной твердолобой логикой. Фанатизм его был тщательно подавлен и социально приемлем — иначе его нипочем не выбрали бы членом экспедиции к Сатурну. Он всегда радостно портил отношения, искренне удивляясь, отчего это люди обижаются в ответ на его бестактность. В

общем-то — не столь уж редкий тип личности. Такое поведение было вполне управляемо — с учетом, разумеется, психологических особенностей — и расценивалось всего-навсего как легкая эксцентричность.

Так почему же теперь, когда он на нее смотрит, ей так не по себе?

— Ладно. Пожалуй, чтобы ты не изводил Габи, стоит кое-что тебе разъяснить. Она в меня влюбилась. Должно быть, это как-то связано с той изоляцией. Ведь я оказалась первой, кого она увидела, — и у нее мигом развилась навязчивая идея. Думаю, со временам она от нее избавится — ведь никакой существенной гомосексуальности за ней раньше не наблюдалось. Как, впрочем, и гетеросексуальности.

— Она скрывала, — предположил Джин.

— Какой нынче год? 1950-й? Удивляешь ты меня, Джин. Да и что можно скрыть от тестов НАСА? Да, у нее был гомосексуальный опыт, не сомневайся. И у меня. И у тебя, кстати. Я читала твое досье. Хочешь, скажу, сколько тебе тогда было лет?

— Я тогда совсем щенком был. Но суть в том, что я подозревал это, когда мы трахались. Ноль эмоций, врубаешься? Держу пари, что когда вы с

ней за это беретесь, все по-другому.

— Мы не… — Сирокко осеклась, недоумевая, как же она позволила так далеко себя завести. — Разговор окончен. Я не желаю это обсуждать. Да и Габи уже возвращается.

Подойдя к костру, Габи швырнула Сирокко под бок целую сетку фруктов. Потом присела на корточки и внимательно посмотрела на своих спутников. На Джина, на Сирокко, снова на Джина. Затем встала и оделась.

— У меня правда уши горят — или мне только кажется?

Ни Джин, ни Сирокко ей не ответили, и Габи вздохнула.

— Опять двадцать пять. Кажется, я почти готова согласиться с теми, кто говорит, что от мужчин в космосе толку меньше, чем вреда.

* * *

Пятый день окончательно завел их в ночь. Теперь оставался только призрачный свет от дневных областей, что кривились по обе стороны. Немного — но все же достаточно.

Склон стал заметно круче, а слой почвы на нем — тоньше. Часто путники шли прямо по теплым обнаженным жилам, где, кстати, и ноги не так

соскальзывали. Теперь они стали привязываться друг к другу веревками и всегда следили, чтобы двое висели, пока один карабкается.

Растительная жизнь Геи не сдавалась даже здесь. Мощные деревья пускали вдоль троса свои корни, меньшие побеги которых упорно вгрызались и цеплялись за малейшие неровности. Неимоверные усилия борьбы за жизнь в столь неприветливом окружении лишали деревья всякой привлекательности. Изможденные и одинокие, со светящимися полупрозрачными стволами, они скупо развешивали свою листву, подобную какой-то мимолетной, призрачной пелене. Корнями их кое-где можно было пользоваться как лесенками.

К концу того дня они уже проделали семьдесят километров по прямой и стали пятьюдесятью километрами ближе к ступице. Деревья здесь росли достаточно жидко, и путники смогли различить, что находятся выше уровня крыши, углубляясь в коническое устье расположенной над Реей спицы. Оглянувшись назад, они могли увидеть простирающийся внизу Гиперион. Впечатление создавалось такое, будто они летят на воздушном змее, чудовищной леской привязанном к каменному кулаку под названием Место Ветров.

* * *

Утром шестого дня путники увидели блеск стеклянного замка. Сирокко и Габи сидели в сплетении древесных корней, пока Джин тянул веревку к подножию странного строения.

— Возможно, это то самое и есть, — сказала Сирокко.

— В смысле, вестибюль с лифтами? — фыркнула Габи. — Тогда я лучше бы прокатилась на «американских горах» из картона.

Строение несколько походило на итальянский горный городок, миллионы лет назад возведенный из сахарной ваты и наполовину оплывший. Купола и балконы, арки и контрфорсы, зубчатые стены и идущие уступами крыши — все это громоздилось на выдающемся вперед уступе, стекая с него подобно подтаявшему на вафельной пластинке мороженому. Высокие башни торчали вверх под всевозможными углами — будто карандаши в стаканчике. По форме каждая башня смахивала на веретено. По углам искрились сугробы — не то снега, не то голубоватой сахарной пудры.

— По-моему, Рокки, тут один каркас.

— Сама вижу. И вообще, дай пофантазировать,

ага?

Замок вел беззвучную битву с вьющимися белыми побегами. Сначала показалось, что наступило перемирие — тем более что замок понес смертельный урон. Но стоило Сирокко и Габи присоединиться к Джину, как они услышали сухой шелест побегов — будто сама смерть шуршала своей черной мантией.

— Похоже на испанский мох, — заметила Габи, вырывая целую пригоршню спутанной массы.

— Только крупнее.

Габи пожала плечами.

— Если Гее удается сочетать крупные размеры с экономичностью, почему бы и нет.

— Тут дверь, — крикнул им Джин. — Хотите войти?

— Еще бы.

От края уступа до стены замка было пять метров ровного пространства. А невдалеке от путников виднелась округлая арка — чуть выше макушки Сирокко.

— Ой, мамочка! — выдохнула Габи, прислоняясь к стене. — До того отвыкла ходить по ровной земле, что голова закружилась. Просто забыла, как это делается.

Сирокко зажгла масляную лампу и вслед за

Джином прошла через арку в стеклянную комнату.

— Лучше держаться друг друга, — сказала она.

Для осторожности были, казалось, веские причины. Хотя ни одна поверхность не была полностью отражательной, место это очень во многом напоминало карнавальные дома зеркал. Путники видели сквозь все стены — а там такие же стеклянные стены вели дальше в точно такие же комнаты.

— А как мы потом отсюда выберемся? — опросила Габи.

Сирокко указала на пол.

— По нашим следам.

— Ах да. Как же я сама не догадалась. — Нагнувшись, Габи рассмотрела тонкую пыль, устилавшую пол. Попадались там и гладкие кусочки покрупнее.

— Матовое стекло, — заключила она. — Смотрите не поскользнитесь.

Джин покачал головой.

— Сперва я тоже так решил. Но это не стекло. Стены тонкие, как у мыльного пузыря, и очень непрочные. — Выбрав одну из стен, он осторожно надавил на нее ладонью. С негромким звяканьем стена лопнула. Джин успел поймать один из

кусочков, что неторопливо поплыли к земле, и легко раздавил его в кулаке.

— Интересно, сколько стен потребуется разбить, прежде чем на нас рухнет потолок? — спросила Габи, указывая на комнату этажом выше.

— Да уже немало. Сейчас это место — лабиринт, хотя изначально таковым не задумывалось. Мы прошли через несколько стен просто потому, что они уже были кем-то разбиты. А на самом деле это просто горка из кубиков, где нет ни входов, ни выходов.

Габи и Сирокко переглянулись.

— Вроде той постройки, что мы видели под тросом, — сказала Сирокко. Потом описала ту постройку Джину.

— Но кто строит дома без дверей? — поинтересовалась Габи.

— Камерный наутилус, — ответил Джин.

— Еще раз?

— Наутилус. Он делает себе раковину по спирали. Когда раковина становится слишком мала, он движется дальше и запечатывает ту камеру, что осталась позади. В поперечном разрезе очень мило смотрится. И очень похоже на то строение, которое вы увидели, — маленькие камеры снизу, большие сверху.

Сирокко задумчиво нахмурилась.

— Но здесь-то все комнаты примерно одного размера.

Джин отрицательно покачал головой.

— Разница невелика. Эта комната чуть выше вон той. Где-нибудь непременно найдутся комнаты еще меньше. Похоже, эти твари строят вбок.

Существа, выстроившие стеклянный замок, представились Сирокко чем-то наподобие морских кораллов. Перерастая свои дома, колония их бросала и прямо на них и отстраивалась. Местами замок возвышался на десять с лишним этажей. Прочность конструкции придавали не тонкие как ткань стены, а ребра стеклянных кубов. Они смахивали на прозрачные люцитовые брусья в руку толщиной, очень крепкие и твердые. Даже если бы вдруг разбились все стены замка, каркас его все равно остался бы на месте, подобно стальным перекрытиям небоскреба.

— Кто бы эту штуку ни построил, он не последний ею пользовался, — предположила Габи. — Сюда кто-то вселился и наделал кучу модификаций. Если, конечно, строители не были намного сложнее, чем мы думаем. Но так или иначе, все давно отсюда свалили.

Сирокко велела себе не расстраиваться, но что

было толку? Разочарование — как ни крути. Они по-прежнему были далеко от вершины, и дело шло к тому, что весь путь предстояло проделать своим ходом.

* * *

— Ты только не злись.

— Что такое? — Сирокко медленно просыпалась. Не может быть, чтобы прошло восемь часов, подумала она.

Да и откуда ему знать? Часы-то у нее.

— Не смотри ты на них. — Сказано это было тем же ровным тоном, но Сирокко вдруг замерла, так и не донеся руку до лица. Она увидела красноватое от гаснущего костра лицо Джина. Он склонялся над ней.

— Что… в чем дело, Джин? Что-нибудь случилось?

— Ты только не злись. Я хотел по-хорошему, но ведь не годится, чтобы она смотрела. Да? Ведь так?

— Габи? — Сирокко было привстала, но Джин показал ей нож. И тут Сирокко с кристальной четкостью подметила сразу несколько деталей явившейся ей картины: Джин голый; Габи, тоже голая, лежит ничком и, похоже, не дышит; у

Джина стоит член. А еще — руки у него в крови. Все чувства Сирокко обострились до предела. Она чувствовала жаркое дыхание насильника, запах крови и смрад ненависти.

— Ты не злись, — рассудительно повторил Джин. — Я этого не хотел. Ты сама меня вынудила.

— Я только сказала…

— Ну вот, ты злишься. Я же вижу. — Он вздохнул, словно досадуя на несправедливость судьбы, и показал Сирокко второй нож — Габи. — Если ты хорошенько подумаешь, то себя же во всем и обвинишь. Из чего я, по-твоему, сделан? Ты же баба. Разве твоя мамочка учила тебя быть такой эгоисткой? А? Что, учила?

Сирокко лихорадочно попыталась придумать безопасный ответ, но Джину он, очевидно, и не требовался. Нагибаясь еще ниже, он приставил ей нож под самый подбородок. Сирокко вздрогнула — острие вонзилось в мягкую плоть. Нож казался еще холодней глаз насильника.

— Не понимаю, зачем тебе это нужно.

Джин заколебался. Второй нож, уже тянувшийся куда-то к ее животу, похоже, застыл в воздухе. Сирокко его, впрочем, не видела. Проведя языком по пересохшим губам, она подумала, что лучше

бы все-таки его видеть.

— Хороший вопрос. Я всегда его себе задавал… да и какой мужчина этого не делает? — Тут Джин стал искать в глазах Сирокко понимание, а не найдя, разочарованно надул губы.

— А-а, что толку? Баба она и есть баба.

— Рискни. — Нож снова двигался. Сирокко почувствовала, как он подбирается к промежности. На лбу у нее выступил холодный пот. — Тебе совсем ни к чему на такое идти. Убери нож — я и так дам тебе все, что пожелаешь.

— Да-да. — Нож ходил взад-вперед, будто укоряющий материнский палец. — Ищи дурака. Знаю я ваши бабские штучки.

— Клянусь. Пойми, так нельзя.

— Очень даже можно. Я прикончил Габи, а этого ты мне не простишь. Паскудное дельце. Как ни крути. Вы, бабы, без конца нас обламываете. Нам всегда охота, а вы вечно — нет и нет.

Джин оскалился, но затем на лице его воцарилось прежнее спокойствие. Сирокко предпочла бы оскал.

— Я просто ставлю все на свои места. Когда вы, ребята, бросили меня одного во тьме, я решил, что отныне буду делать что захочу. Я завел в Рее друзей. Вам они по вкусу не придутся. И капитан

отныне — я. Как, между прочим, и должно было быть с самого начала. Будешь делать что я скажу. И без глупостей.

Чувствуя, как острие ножа распарывает ей штаны, Сирокко затаила дыхание. Понятия не имея, что собирается предпринять Джин, она стала прикидывать, что лучше — сделаться глупой и мертвой или живой и изувеченной. Но когда со штанами было покончено, внимание Сирокко переключилось на нож под подбородком.

Джин вошел в нее. Она отвернулась в сторону, но кончик ножа неотступно следовал за подбородком. Боль жгла ее — но это было неважно. А важно было то, что щека Габи слегка дергалась, рука ее медленно подползала к валявшемуся в пыли топорику, а полуоткрытый глаз поблескивал.

Снова повернув лицо к Джину, Сирокко без труда вложила в голос нотки отчаянного страха.

— Не надо! Пожалуйста, не надо. Я еще не готова. Ведь ты меня убьешь!

— Когда мне нужно, тогда ты и готова. — Джин наклонил голову, и Сирокко отважилась бросить взгляд на Габи. Похоже, та поняла. Глаз закрылся.

Все происходило где-то далеко-далеко. Тела у

нее не было — и зверскую боль тоже испытывал кто-то другой. Важно было только острие ножа под подбородком. И еще — что Джин никак не мог кончить и уже начал уставать.

«Но чем для него станет эта неудача? — задумалась Сирокко. — Вот именно. Значит, он не может ее стерпеть. Стало быть, должен наступить момент, когда его внимание ослабнет. Но только придется хорошенько удостовериться, что такой момент наступил». Сирокко начала подстраиваться под его ритм. Ничего отвратительнее ей в жизни делать не доводилось.

— Ага, — сонно ухмыльнулся Джин. — Вот правда и выходит наружу.

— Помолчи лучше.

— Дошло наконец? Видишь, как приятно, когда не артачишься?

Кажется ей — или нож и впрямь уже не так сильно упирается в шею? Может, Джин чуть осадил? Сирокко долго смаковала эту мысль, стараясь не обмануться, и наконец решила, что так оно и есть. Чувства ее неимоверно обострились. Давление чуть ослабло — а кажется, что громадная тяжесть ушла.

Ему придется закрыть глаза. Ведь они всегда закрывают глаза.

Он и вправду их закрыл, но почти тут же открыл снова. Сирокко едва не дернулась! Проверяет, гнида. Но ничего подозрительного не приметил. Вообще-то актрисой Сирокко всегда была паршивой, но страх придал ей вдохновения.

Наконец спина его выгнулась. Глаза закрылись. Нож перестал давить.

Но все пошло наперекосяк.

Сирокко отбила его руку в одну сторону, дернула голову в другую — нож чиркнул по щеке. Потом она ударила его по шее, вроде бы куда надо, но Джин успел увернуться. Сирокко лягалась, корчилась, вскользь получила ножом по лопатке. Наконец вскочила…

…Но побежать не смогла. Ноги ее не касались земли те мучительные мгновения, пока она ожидала смертельного укуса ножа.

Удара не последовало — и Сирокко все-таки смогла толкнуться пальцами ног, чтобы снова взлететь в воздух — в сторону от насильника. Обернувшись прямо в полете, Сирокко поняла, что ее пинок оказался куда сильней, чем она ожидала. Джин после него набрал приличную высоту — и только теперь приземлялся. Габи тоже парила в воздухе. Безумные дозы адреналина и низкая гравитация творили с землянами черт знает что.

Дальше погоня, что разворачивалась чуть ли не целую вечность, скорость набирала стремительно.

Вряд ли Джин знает, решила Сирокко, что Габи у него за спиной. Не стал бы он так беспечно ее преследовать, обернись он хоть раз на лицо ее подруги.

Лагерь они разбили на центральной площади замка — на ровной площадке, которую строители почему-то никак не подразделили. От костра до первого ряда комнат было двадцать метров. Врезаясь в первую стену, Сирокко только еще набирала ускорение. Дальше она продолжила в том же духе — и пробила добрый десяток стен, прежде чем ухватиться за одну из балок. Поворот на девяносто градусов — и она уже, отчаянно кувыркаясь, летит вверх. Промахнув три этажа, Сирокко на миг зависла в пространстве. Слушая грохот проламывающегося следом Джина, она так и не сумела разобрать его маневр.

Потом, упершись обеими ногами в балку, Сирокко оттолкнулась снова. Она летела вверх, а вместе с ней поднималось целое облако крутящихся стеклянных осколков. Все происходило медленно — будто во сне. Еще один толчок — и полет вбок. Пролетев три стены, Сирокко остано-

вилась. Рванулась влево, потом на этаж вверх и еще через две стены.

Наконец она остановилась и, съежившись на балке, стала прислушиваться.

Вдалеке слышалось звяканье бьющегося стекла. Было очень темно. Сирокко оказалась в середине поделенного на клетки лабиринта, что простирался до бесконечности во всех направлениях — вверх, вниз и на четыре стороны. Беглянка понятия не имела, где она теперь, но этого не знал и Джин — а ничего другого ей пока и не требовалось.

Звон усилился, и слева от себя Сирокко увидела плывущего вверх Джина. Она нырнула вправо и вниз, двумя этажами ниже ухватилась за балку и еще добавила вправо. Наконец, упершись босыми ногами в очередную балку, остановилась. Вокруг медленно оседало битое стекло.

Сирокко, наверное, и не узнала бы, что Джин подобрался так близко, не опереди его стеклянный душ. Он крался по балкам, но вес его оказался слишком велик для одной неразбитой рамы, которая к тому же подпирала собой руины, образованные пролетом Сирокко. Рама не выдержала, и стекло полетело вниз снежными хлопьями. Сирокко мигом слетела с балки, оттолкнулась от

нее ногой — и ухнула к земле.

Приземление вышло не в меру жесткое. Одурев от боли, Сирокко смотрела, как рядом спокойно опускается на ноги Джин. Точно так же следовало бы опуститься и ей, не будь она такой дурой и считай этажи. Последнее, что она помнила — как он стоит над ней и как по голове ему попадает топориком Габи, — а потом сознание ускользнуло, и тьма накрыла ее с головой.

* * *

Очнулась Сирокко внезапно, с диким воплем — чего с ней никогда раньше не случалось. Она не знала, где она сейчас, но точно знала, что только что побывала в брюхе громадной твари — и не одна. Там был и Джин. Сидел и спокойно объяснял, почему он решил ее изнасиловать.

И изнасиловал. Сирокко прервала вопль.

Она уже вовсе не в стеклянном замке. А на поясе у нее — веревка. Земля впереди покато идет вниз. Далеко-далеко чуть серебрится темное море Реи.

Габи оказалась неподалеку, но была страшно занята. На поясе у нее крепились две веревки. Одна шла вверх к тому же дереву, к которому была примотана Сирокко. Другая, туго натянутая, уходила во тьму. В засохшей крови на лице Габи

виднелись канавки слез. Она как раз собралась перерезать вторую веревку ножом.

— Эй, Габи! Там, случайно, не Джин пришвартован?

— Ага. Только ему пора в плавание. Как ты?

— Лучше. Габи, вытащи его, ладно?

Удивленно раскрыв рот, Габи взглянула на подругу.

— Мне веревку жалко, — пояснила Сирокко.

* * *

Физиономия Джина казалась сплошным кровоподтеком. Один глаз так распух, что закрылся наглухо, а от другого осталась лишь щель. Нос был сломан. Во рту не хватало трех передних зубов.

— Больно же он ушибся, — заметила Сирокко.

— Я бы еще кое-чего подрисовала.

— Возьми у него в рюкзаке бинт и перевяжи ему ухо. Видишь, еще кровит?

Габи готова была взбунтоваться, но Сирокко одним твердым взглядом усмирила подругу.

— Я не намерена его казнить. Даже не предлагай.

Ухо Джина порядочно пострадало от полета топорика Габи. Получилось это, впрочем, нечаянно.

На самом деле Габи хотела всадить топорик Джину в висок, но коварное оружие, крутанувшись не так, как надо, нанесло насильнику скользящий удар, от которого он всего-навсего потерял сознание. Джин стонал, пока Габи его перевязывала.

Сирокко взялась перебирать его рюкзак, вынимая оттуда все, что могло им пригодиться. Продукты и оружие забрала себе, а все остальное скинула вниз.

— Если мы оставим его в живых, он опять за нами полезет. Сама знаешь.

— Как пить дать. И мне это совсем ни к чему. Поэтому он отправится вслед за своим барахлом.

— Тогда какого черта ты…

— С парашютом. Развяжи ему копыта.

Габи стала прилаживать стропы к его промежности. Джин снова застонал, и Сирокко отвернулась. Не хотелось ей смотреть на ту кровавую кляксу, которую Габи сделала из его физиономии.

— Он думал, что убил меня, — говорила тем временем Габи, покрепче затягивая узлы. — Хотел убить, да не вышло. Я успела отвернуть голову.

— И как рана?

— Не очень глубокая. Но кровила зверски. Я была только оглушена — и просто удача, что

не смогла броситься за ним сразу после… после того, как… — Тут у Габи потекло из носа, и она утерлась тыльной стороной ладони. — А потом я вырубилась. И следующее, что помню, — как он склоняется над тобой.

— Ты очень кстати очнулась. А то я обделалась, от него удирая. Спасибо, что опять спасла мою задницу.

Габи мрачно на нее взглянула. Похоже, Габи возлагала на себя личную ответственность за случившееся. Тяжко, наверное, подумала Сирокко, лежать и смотреть, как твою любимую насилуют.

— Почему ты оставляешь его жить?

Взглянув на Джина, Сирокко вынуждена была подавить в себе вспышку бешеной ярости, но потом снова взяла себя в руки.

— Я… ну, сама знаешь, он же раньше таким не был.

— Совсем не уверена. В душе он всегда был козлом — а то как бы иначе на такое пошел?

— Все мы в душе не ангелы небесные. Но мы это подавляем, а он больше не мог. Он разговаривал со мной как мальчишка, которому больно — это была именно боль, а не злоба — и, думаю, именно потому, что сам он этого не хотел. После аварии

с ним что-то такое случилось — как и со мной. И с тобой.

— Но мы не пытались никого прикончить. Впрочем, ладно, сбросим его с парашютом. Тут я согласна. Но его яйца пусть здесь останутся. — Габи взвесила в руке нож, но Сирокко отрицательно покачала головой.

— Нет. Мне он никогда особенно не нравился, но все-таки мы были вместе. Джин был неплохим членом команды, а теперь он свихнулся, и… — Сирокко хотела сказать, что тут отчасти ее вина. Что Джин бы не спятил, сохрани она корабль. Но так ничего из себя и не выдавила.

— Я даю ему шанс ради того Джина, которым он был прежде. Кстати, он сказал, что у него где-то там есть друзья. Возможно, он просто бредил, а если нет, то, может, они его и подберут. Развяжи ему руки.

Габи подчинилась — и тогда Сирокко, сжав зубы, столкнула Джина ногой. Заскользив вниз, он, похоже, начал понимать, что происходит. Парашют волочился следом. С диким воплем Джин скрылся за изгибом троса.

Ни Габи, ни Сирокко так и не увидели, раскрылся ли парашют.

* * *

Потом две женщины долго-долго сидели молча. Сирокко страшилась заговорить. У нее было сильное подозрение, что она как начнет реветь, так и не остановится. Пустая трата времени. Нужно было срочно залечить раны и продолжать подъем.

С головой у Габи ничего страшного не случилось. Не помешали бы, конечно, несколько швов, но у них в распоряжении имелся только дезинфицирующий состав и бинт. Шрам на лбу обещал быть просто героическим.

Не менее героические шрамы ожидали и Сирокко после ее столкновения с полом стеклянного замка. Один от левого уха до подбородка, другой на спине. Порезы эти, впрочем, особенно ее не беспокоили.

Перевязав друг друга, они заново упаковали рюкзаки. Потом Сирокко окинула взглядом длинную полосу троса, которую еще оставалось пройти до спицы.

— Пожалуй, стоит вернуться в замок и передохнуть, прежде чем опять пустимся во все тяжкие, — сказала она. — Пару дней. Надо силенок набраться.

Габи подняла глаза.

— Да, ясное дело. Но дальше будет полегче. Пока я вас сюда тащила, наткнулась на лестницу.

ГЛАВА XX

Возникая из песчаной груды у дальней границы стеклянного замка, лестница шла прямо как стрела, пока не терялась из виду. Каждая ступенька, в полтора метра шириной и сорок сантиметров высотой, казалась вырубленной в тросе.

Пройдя по ней какой-то отрезок пути, Сирокко и Габи начали подумывать, что ощутимой пользы им эта лестница, может статься, и не принесет. Ибо она забирала к югу, в сторону обрыва, и очень скоро обещала стать непроходимой.

Однако ступеньки оставались идеально ровными. И вскоре подруги уже шли по аккуратному выступу, наподобие террасы, по одну сторону которого возвышалась могучая стена, а по другую обрывалась бездонная пропасть. Поручней там, естественно, не было. Женщины жались поближе к стене, дрожа от каждого порыва ветра.

Затем выступ начал превращаться в туннель.

Происходило это постепенно. Справа по-прежнему оставалось открытое пространство, но стена начинала загибаться у них над головами. Тропа уходила под трос.

Сирокко попыталась представить себе общую

картину: лестница все время поднимается, но идет по спирали вокруг наружной поверхности троса.

Еще две тысячи шагов — и они оказались в кромешном мраке.

— Лестница, — пробормотала Габи. — Надо же, возводят такую бандуру и встраивают в нее лестницу. — Тут они остановились, чтобы достать лампы. Габи наполнила свою маслом и привела в порядок фитиль. Они решили жечь их по одной — и надеяться, что масла хватит до конца туннеля.

— Может, они были помешаны на занятиях физкультурой, — предположила Сирокко, чиркая спичку и поднося ее к фитилю. — Хотя, скорее всего, это была аварийная мера — на случай отключения энергии.

— Так или иначе, славно, что эта лестница тут есть, — признала Габи.

— Может статься, она была и ниже — только скрыта под слоем почвы. И стало быть, сюда давным-давно никто не ходил. А здешние деревья, должно быть, результат новейших мутаций.

— Тебе виднее. — Подняв лампу повыше, Габи взглянула вперед, затем назад — до самого острия светового клинышка. Глаза ее сузились.

— Слушай-ка, а ведь мы на повороте. Тропа

закручивается вокруг наружной поверхности троса, а затем берет влево и идет насквозь.

Хорошенько оглядевшись, Сирокко признала правоту Габи.

— Похоже на то, что мы срежем путь прямо через центр.

— Да? А ты помнишь Место Ветров? Ведь тот воздух как раз где-то здесь и проходит.

— Если бы туннель туда вел, мы бы уже давно это поняли. Нас бы к чертовой матери сдуло.

Габи оглядела идущую вверх лестницу, залитую неверным светом лампы. Потом принюхалась.

— Здесь чертовски тепло. А что, если станет еще теплее?

— Надо идти дальше. Иначе как мы сможем узнать?

— Ой! — Габи покачнулась, и лампа чуть не выскользнула из ее пальцев. Сирокко положила ей руку на плечо.

— С тобой все в порядке?

— Ага… н-нет, черт возьми, ни хрена. — Габи прислонилась к теплой стене коридора. — Голова кружится, и коленки подгибаются. — Она вытянула свободную руку перед собой. Пальцы слегка дрожали.

— Наверное, дня отдыха было недостаточно. —

Сирокко посмотрела на часы, затем окинула взглядом коридор и помрачнела. — Вообще-то я рассчитывала пройти на ту сторону и опять вернуться на верхнюю часть троса — а уж там отдохнуть.

— Ничего, я выдержу.

— Нет, — решила Сирокко. — Я и сама-то не выдержу. Вопрос только в том, остаться нам в этом жарком коридоре или спуститься обратно.

Габи кисло оглядела уходящие вниз ступеньки.

— Я бы предпочла малость попотеть.

* * *

Несмотря на нестерпимую жару, без костра было не обойтись. Они даже не стали это обсуждать — Сирокко просто набрала из рюкзака Джина мха и хвороста и принялась сооружать горку. Вскоре уже потрескивал жалкий огонек. Сирокко как могла скупо его подкармливала — пока они с Габи занимались механическим процессом разбивки своего убогого лагеря. Раскатать спальные мешки, достать ножи и сковородки, подобрать пищу для ночной трапезы…

«А славная мы команда», — думала Сирокко, развалившись на спальном мешке и глядя, как Габи крошит овощи в остатки вчерашнего варева.

Проворные ее ручки были хороши всем — кроме въевшейся в них бурой грязи. Транжирить воду на мытье подруги уже просто не могли.

Тыльной стороной ладони Габи утерла пот со лба, взглянула на Сирокко и улыбнулась — неуверенной, мерцающей улыбкой, которая тут же ярко вспыхнула, стоило Сирокко улыбнуться в ответ. Один глаз Габи почти скрывала повязка. Черпанув ложкой варево, она шумно отхлебнула.

— Эти редисочные фигульки вкуснее, когда еще хрустят, — сказала она. — Давай тарелку.

Габи начерпала щедрые порции, и обе женщины уселись поесть. Бок о бок — но на расстоянии вытянутой руки.

Вкуснятина была страшная. Прислушиваясь к негромкому потрескиванию костра и постукиванию ложек о деревянные миски, Сирокко наслаждалась покоем. Какое счастье вот так сидеть и ни о чем не думать!

— У тебя соль осталась?

Порывшись в рюкзаке, Сирокко отыскала мешочек, а заодно и две позабытые конфетины, обернутые желтыми листьями. Одну конфетину она сунула в руку Габи — и рассмеялась, увидев, как загорелись глаза подруги. Потом, отставив

в сторону тарелку, развернула листья, сунула местный вариант ириски себе под нос и насладилась ароматом. Нет, такую вкуснотищу просто грех съедать сразу. Сирокко откусила половинку — и во рту у нее растекся изумительный вкус засахаренных абрикосов со взбитыми сливками.

Увидев блаженную физиономию Сирокко, Габи чуть не описалась со смеху. Сирокко же, прожевав другую половинку, принялась бросать алчные взгляды на конфетину, которую Габи пока что отложила в сторонку. Габи отчаянно старалась сохранить серьезное лицо.

— Если хочешь приберечь ее до завтрака, придется тебе всю ночь глаз не смыкать.

— Не беспокойся, пожалуйста. Я не хуже тебя воспитана и знаю, что десерт идет после обеда.

Битых минут пять Габи разворачивала конфетину, потом еще минут шесть внимательно ее разглядывала — то и дело беспомощно прыская от уморительных ужимок Сирокко. Та очень похоже изображала сначала коккер-спаниеля за обеденным столом, а затем беспризорника, заглядывающего в окошко пекарни. Когда же Габи наконец сунула конфетину в рот, Сирокко аж задохнулась.

Она так развеселилась, что даже больно ста-

ло, — пока она жадно обнюхивала жующий рот Габи, — больно ей стало от внезапного понимания, насколько же мудра вся эта глупость. Габи явно пребывала на седьмом небе от таких знаков внимания; лицо ее раскраснелось от смеха и возбуждения, глаза искрились радостью.

Почему же она, Сирокко, не может просто расслабиться и получить удовольствие?

Наверное, она выдала часть своей озабоченности, так как Габи стала вдруг серьезна. Тронув Сирокко за руку, она настойчиво взглянула на подругу, затем медленно покачала головой. Обе молчали, не отваживаясь заговорить, но все существо Габи лучше всяких слов сообщало: «Тебе незачем меня бояться».

Сирокко улыбнулась. Габи тоже. Вычерпывая остатки варева, они держали тарелки у самых ртов и не заботились о застольных манерах.

Но все уже было по-другому. Габи молчала. Вскоре руки ее забила дрожь, и тарелка загрохотала по ступенькам. Она рыдала, захлебываясь слезами, а когда Сирокко положила ей на плечо руку, слепо за нее ухватилась. Подтянув колени к самому подбородку, Габи спрятала лицо на груди у Сирокко — и безутешно рыдала.

— Господи, больно… так больно…

— Не держи в себе. Поплачь. — Сирокко прижалась щекой к коротким черным волосам, которые уже можно было слегка взъерошить, затем приподняла лицо Габи за подбородок и стала искать для поцелуя свободное от повязок место. Совсем собралась было чмокнуть Габи в щеку, но в самый последний момент, неожиданно для себя самой, вдруг поцеловала ее в самые губы. Влажные, теплые.

Громко шмыгая носом, Габи долго-долго смотрела на подругу. Потом снова спрятала лицо.

Зарылась носом во впадину у ключицы и застыла. Ни дрожи, ни рыданий.

— Почему ты такая сильная? — спросила она. Глухой голос звучал близко-близко.

— А почему ты такая храбрая? Ты же мне без конца жизнь спасаешь.

Габи покачала головой.

— Нет, я серьезно. Если б я не могла сейчас на тебя опереться, я просто бы спятила. А ты даже не плачешь.

— Я так просто не плачу.

— Изнасилование — это что, так просто? — Габи снова настойчиво искала глаза Сирокко. — Проклятье, меня боль совсем измучила. Мне больно от Джина и больно от тебя. Не знаю, от кого

больнее.

— Габи, я охотно занялась бы с тобой любовью — только бы тебе не было так больно. Но меня тоже мучает боль. Физическая.

Габи опять покачала головой.

— Таких жертв мне от тебя не нужно. Даже если бы ты прекрасно себя чувствовала. Если всего лишь «охотно» — тогда это ни к чему. Я ведь не Джин. Пусть лучше мне будет больно — но так использовать тебя я не желаю. Я слишком тебя люблю.

Что сказать? Что же сказать? «Говори правду», — велела себе Сирокко.

— Не знаю, смогу ли я когда-нибудь тебя полюбить. В смысле — так же. Но черт меня возьми, — притянув к себе Габи, она быстро вытерла ей нос, — черт меня возьми, если ты не лучшая моя подруга за всю мою жизнь.

Габи еле слышно вздохнула.

— Придется пока что хоть этим обойтись. — Сирокко подумала, что Габи сейчас снова заплачет, но ошиблась. Тогда она еще раз ненадолго притянула ее к себе и поцеловала в шею.

— Тяжкая у нас жизнь, правда? — тихонько спросила она.

— Точно. Давай спать.

* * *

Поначалу они устроились на трех ступеньках. На верхней раскинулась Габи, на средней металась и ворочалась Сирокко, а на нижней тлели последние угли костра.

Ночью Сирокко, дико крича, проснулась в кромешной тьме. Пот струился по всему ее телу, пока она в ужасе ждала удара ножом. Габи притянула ее к себе и держала, пока кошмар не отошел.

— Давно ты сюда перебралась? — спросила Сирокко.

— Когда опять реветь начала. Спасибо, что пустила.

Вот лгунья! Но, подумав так, Сирокко улыбнулась.

* * *

Еще шагов тысячу жар нарастал — жарко стало так, что до стен было не дотронуться, а подошвы ботинок просто горели. Сирокко уже предвкушала горечь поражения, зная, что до середины еще по меньшей мере семь тысяч шагов, — а только оттуда можно будет ожидать начала охлаждения.

— Еще тысяча шагов, — решила она. — Если это получится. А если прохладней не станет, возвращаемся и пытаем счастья на поверхности. — Но она понимала, что трос уже слишком крут.

Еще до входа в туннель деревья на нем росли далеко друг от друга. Раньше, чем они доберутся до спицы, наклон троса составит восемьдесят градусов. Тогда-то и сбудутся худшие опасения Сирокко — две женщины фактически окажутся перед неприступной стеклянной горой.

— Как скажешь. Погоди, я сниму рубашку. А то уже совсем дышать нечем.

Сирокко тоже предпочла наряд Евы — и экскурсия по печке продолжилась.

Через пятьсот шагов они снова оделись. А еще через триста достали из рюкзаков теплые куртки.

Стены начали покрываться ледяной коркой, а под ногами захрустел снег. Подруги надели перчатки и натянули капюшоны меховых курток. Стоя в свете лампы, который, отражаясь от белых стен, вдруг сделался удивительно ярким, они выдыхали облака пара и смотрели, что там впереди. Коридор явно сужался.

— Еще тысяча шагов? — предложила Габи.

— Ты просто мысли мои читаешь.

Растущий со всех сторон лед вскоре вынудил Сирокко пригнуться, а затем и встать на четвереньки. Поскольку Габи держала лампу перед собой, Сирокко вскоре пришлось передвигаться чуть ли не в кромешном мраке. Помедлив, чтобы подышать на застывшие пальцы, она опустилась на живот и поползла по-пластунски.

— Эй! Я застряла! — Сирокко порадовало отсутствие у себя в голосе паники. Да, было страшно, но она не сомневалась, что, осади она назад, удастся высвободиться.

Скребущие звуки впереди затихли.

— Порядок. Здесь мне даже не повернуться, но дальше уже шире. Давай я проползу и посмотрю, чего там. Двадцать метров. Ага?

— Валяй. — Сирокко слышала, как удаляются звуки. Тьма поглотила ее с головой, и ей вполне хватило времени истечь ледяным потом, прежде чем свет вновь ее ослепил. Вслед за лампой, естественно, показалась и Габи. Брови у нее были белые от льда.

— Тут как раз самое узкое место.

— Тогда я лезу. Не затем забралась я в такую даль, чтобы торчать тут как пробка в бутылке.

— Конфет надо меньше кушать.

Габи протащить ее не смогла. Тогда Сирокко

пришлось осадить назад и вытащить из рюкзака латунный ледоруб. В четыре руки поколов лед, они попробовали снова.

— Выдох! — скомандовала Габи и потянула ее за руки. Сирокко проскочила.

Позади от потолка отлетела метровая льдина и шумно заскользила вниз.

— Теперь понятно, почему здесь все-таки остался проход, — сказала Габи. — Трос гибкий. Он гнется, и лед колется.

— Ну да, и еще теплый воздух позади. Может, не будем тут затычками? Давай вперед.

Вскоре они смогли встать на ноги, а еще совсем скоро от льда осталось одно воспоминание. Скинув куртки, подруги стали гадать, что будет дальше.

Еще через 400 шагов послышался рокот. Он все нарастал — и вскоре Сирокко уже зримо представляла себе громадные механизмы, что тарахтят как раз за стенами туннеля. Одна стена разогрелась — но не так, как в той жаркой зоне, которую они уже прошли.

Наконец пришла уверенность, что звуки эти производит воздух, засасываемый в Месте Ветров и направляемый невесть куда наверх. Еще через две тысячи шагов рокот остался позади, и

началась еще одна жаркая зона. Зная, что уже близок выход из туннеля, женщины заторопились вперед, не позаботившись даже о том, чтобы раздеться. Как и ожидалось, после достижения пика финской бани, температуру которой Сирокко оценила в семьдесят пять градусов, жара стала спадать.

Габи по-прежнему шла впереди. Ей и довелось первой увидеть свет. Свет был не ярче, чем с другой стороны, — лишь бледная серебристая полоска, что начиналась по левую руку и постепенно расширялась, пока женщины наконец не оказались на выступе рядом с тросом. Хлопнув друг друга по плечу, они стали взбираться дальше.

* * *

Постоянно поднимаясь и забирая к югу, они опять перебрались через широкий горб наверху троса и снова стали приближаться к дальней стороне. Трос здесь был уже совершенно голым — ни почвы, ни деревьев. Впервые Гея стала действительно похожа на машину, какой ее считала Сирокко, — немыслимо гигантскую конструкцию, созданную существами, которые, может статься, все еще жили в ступице. Идущий уже под

углом в шестьдесят градусов, гладкий и прямой трос все приближался к краю расширенного дна спицы. Клинышек пространства меж тросом и спицей сузился теперь менее чем до двух километров.

На южной стороне лестница уходила в еще один туннель. Сирокко и Габи думали, что теперь-то уж ко всему будут готовы, — но туннель их надул. Быстро одолевая первую жаркую зону, они поздравили друг друга, когда температура стала падать. Но, понизившись градусов до пятидесяти, температура снова начала расти.

— Проклятье! Здесь уже по-другому! Бежим!

— Куда?

— Назад все равно не лучше, чем вперед! Шевелись!

Опасность могла подстерегать женщин только в том случае, если бы одна из них упала и что-нибудь себе повредила, но Сирокко все равно испугалась и решила отныне ничего здесь само собой разумеющимся не считать. Как же она могла забыть, что трос свит из многих жил и что пути, какими бегут горячие и холодные жидкости, могут быть весьма запутанны?

Миновав зону вибрации, которая опять оказалась в середине, холодную зону, которая на сей

раз была уже не так плотно забита льдом, они опять вышли наружу на северной стороне троса.

Через верх — и в третий туннель. Из туннеля — и опять через верх.

За двое суток они проделали семь таких процедур. Могло выйти и быстрее, не случись задержки в третьем туннеле, который так зарос льдом, что даже Габи пришлось поработать ледорубом, чтобы протиснуться. Восемь ледяных часов они прорубали себе дорогу.

Но когда Габи и Сирокко в очередной раз достигли южной стороны троса, туннеля там уже не оказалось. Угол подъема составлял уже за восемьдесят градусов, и лестница вилась по наружной поверхности подобно красной полоске на мятном леденце.

Ни той, ни другой не хотелось вставать лагерем на выступе в полтора метра шириной, что висел над пропастью в 250 километров. Сирокко знала, что мечется во сне, — а одного хорошего рывка было бы более чем достаточно. Так что, несмотря на усталость, женщины продолжали тащиться вперед, то и дело прикасаясь левым плечом к успокоительно-твердой стене.

Сирокко сильно не нравилось то, что она видела наверху. Чем ближе они подходили, тем

безнадежнее казалось их предприятие.

Из наблюдений с «Укротителя» они знали, что поперечное сечение каждой спицы представляет собой овал чуть меньше сотни километров по большему диаметру и около пятидесяти по меньшему, а также, что, прежде чем соединиться с крышей обода, спица сильно расширяется. Расширенный участок путницы как раз миновали, и теперь сумрачные стены спицы казались почти вертикальными. А вот чего они не учли — так это козырька, что окольцовывал всю чудовищную полость спицы. Козырек этот был добрых пять километров в ширину.

Трос, казалось, проходит козырек даже без всякого шва — и идет дальше к стыку со ступицей. Во время одной из коротких остановок на отдых Габи и Сирокко внимательно рассмотрели козырек, который вроде бы уже висел у них над самыми головами — и в то же время по-прежнему километрах в двух. Вот он, массивный потолок — могила всем их тяжким трудам и усилиям, — простирается будто бы до бесконечности, но все же заканчивается отверстием в центре спицы — отверстием, сильно уменьшенным перспективой. Больший и меньший диаметры отверстия составляли восемьдесят и сорок километров

соответственно, но, чтобы туда добраться, потребовалось бы одолеть пять километров, невесть каким образом цепляясь за низ козырька.

Скосив глаза на Сирокко, Габи с сомнением приподняла одну бровь.

— Не бери в голову. Пока что Гея нас миловала. Полезли, подружка.

* * *

И Гея опять их помиловала. Когда добрались до самого верха кабеля, там оказался еще один туннель. Но этот уже протыкал необъятную серую крышу.

Они зажгли лампу, отметив мимоходом, что масла осталось совсем чуть-чуть, и приступили к подъему. Туннель уходил влево, будто трос по-прежнему был на месте, хотя убедиться в этом путницы уже не могли. Они отсчитали 2000 ступенек, затем еще 2000.

— Сдается мне, — сказала Габи, — что этот туннель попрет до самой ступицы. И если ты думаешь, что это хорошая новость, подумай еще.

— Да знаю, знаю. Ты лезь давай. — Сирокко лихорадочно размышляла о масле для лампы, об остатках провизии, об ополовиненных бурдюках с водой. До ступицы еще 300 километров. Если

по три шага на метр, то еще чуть ли не миллион шагов. Сирокко взглянула на часы и прикинула темп.

Их ритм составлял около двух шагов в секунду — не шагов даже, а легких касаний пальцами ног, достаточных для взлета на очередную ступеньку. Гравитация на этой высоте понизилась до одной восьмой жэ — ровно до половины и без того малой гравитации в том месте, откуда они начинали.

Два шага в секунду — это полмиллиона секунд на весь поход. Восемь тысяч триста тридцать три с мелочью минуты, 138 часов, или почти шесть суток. Плюс к тому время на сон и отдых. Так что, по самым скромным подсчетам…

— Знаю, о чем ты думаешь, — сказала у нее за спиной Габи. — Но что у нас выйдет в полной темноте?

Да, в самое больное место попала. Еды хватит на две недели. Воды, если экономить, тоже хватит — хотя на спуск уже точно не останется.

Но главную потребность теперь составляло масло для лампы. Масла оставалось на пять часов — и взять его было неоткуда.

Сирокко все ломала и ломала голову, пытаясь измыслить такие математические расчеты, ко-

торые все-таки довели бы их до вершины, — но тут туннель вдруг закончился, и они оказались на дне спицы.

* * *

Такой крошечной Сирокко еще нигде себе не казалась. Ни на О'Ниле-Один, ни в звездном космосе, ни на самой Гее. Видно здесь было решительно все — и чувство перспективы пропало напрочь.

Засечь изгиб стен было невозможно. Будто поставленный на попа горизонт, они простирались дальше и дальше, пока вдруг не начинали загибаться, отчего окружающее пространство казалось скорее полукруглым, чем цилиндрическим.

Все купалось в бледно-зеленом свечении. Источником его служили четыре вертикальных ряда окон, что посылали вниз косые лучи, пересекавшиеся в пустом центре.

Не таком уж, впрочем, и пустом. Строго вверх через пространство по центру шли три сплетенных в косичку вертикальных троса. Кроме того, в лучи света то и дело вплывали странные, продолговатые облака, что меняли форму прямо на глазах у двух потрясенных женщин.

Сирокко припомнила, как то темное узкое пространство под тросом, которое они обследовали, показалось ей собором. Гея уже истощила ее запас гипербол, но все же Сирокко поняла: там была всего-навсего жалкая заброшенная часовенка. А вот здесь — собор так собор!

— Мне казалось, я уже все повидала, — тихо сказала Габи, указывая на стену позади себя. — Но вертикальные джунгли?

По-другому было и не сказать. Цепляясь за стены, стремясь вперед или раскидывая ветви, всю внутреннюю поверхность спицы упорно осваивали вездесущие деревья. На неясном отдалении они уже казались лишь гладким зеленым ковром.

А дальше лежала серая крыша.

— Ну как, похоже на 300 километров по вертикали?

Прищурившись, Габи составила из пальцев решетку и по какой-то собственной системе прикинула.

— С нулями, во всяком случае, все четко.

— Сядь. Давай поразмыслим.

Посидеть было нужнее, чем поразмыслить. До этого самого момента Сирокко действительно думала, что им удастся это провернуть. Теперь

же она поняла, что то была всего лишь иллюзия. Иллюзия, что проистекала из простой неспособности зримо представить себе проблему. Теперь проблема эта оказалась у нее перед глазами — и Сирокко дрогнула. Триста километров по вертикали.

Вверх. Прямо вверх.

Где были ее мозги? Это безумие!

— Итак, начнем. Разве есть хоть какой-то намек на проход через вон ту крышу?

Габи взглянула и пожала плечами.

— Ну и что? Через эту-то проход нашелся, разве нет? Отсюда мы все равно его не увидим.

— Верно. Но мы надеялись, что на вершину ведет какая-нибудь лестница. Видишь ты здесь лестницу?

— Не-а.

— Опять верно. И я думала, что та лестница будет означать, что до вершины, при необходимости, можно добраться. А теперь я думаю, что замысел строителей этой дули ограничивался только прогулкой сюда — и не дальше.

— Очень может быть. — Габи прищурилась. — Но они просто должны были оставить какой-то путь к ступице. Может, эти деревья не зря здесь растут. Тут все-все лесом затянуто, как на тросе.

— А стало быть… — «Что-о?» — ужаснулась про себя Сирокко.

— Стало быть, нам предстоит легкая альпинистская прогулочка, — закончила за нее Габи. — А прохода мы со всеми этими джунглями можем и вовсе не найти. Проще было бы, пожалуй, определиться сверху.

— Еще раз верно. Видишь ли, я просто пытаюсь рассуждать разумно. И вот что я тебе скажу. Узнай я часов пять-шесть назад, что, добравшись до верха, мы выясним, что лестницы здесь нет… тогда… тогда нам предстоял бы еще один долгий поход. Только уже не вверх, а вниз.

На сей раз Габи рассмеялась.

— Если ты о том, что пора заворачивать назад, то не тяни кота за хвост и говори прямо. Я не обдам тебя ледяным презрением.

— Значит, заворачиваем? — Сирокко не хотела ставить знак вопроса, но он сам собой там возник.

— Нет.

— Так. Понятно. — Она даже не возмутилась. В конце концов, вопрос о взаимоотношениях капитана с подчиненной уже остался далеко позади. Сирокко лишь рассмеялась и покачала головой. — Хорошо. И какой у тебя план?

— Сперва осмотримся. А то — годиков через пять-шесть — мы будем смотреться набитыми дурами, если один из строителей вдруг спросит, какого черта мы не воспользовались лифтом.

ГЛАВА XXI

По окружности основание спицы было километров 250. Габи и Сирокко пустились по кругу, высматривая все что угодно — от веревочной лестницы до антигравитационного вертолета. Но попадались им, как назло, одни горизонтальные деревья в вертикальном лесу.

Пока женщины проникали сквозь наружные ветви и следовали по стволам до самых корней, им приходилось взбираться по покатому склону из упавших веток и гниющей листвы. Подлинным материалом спицы оказалось губчатое серое вещество. При нажатии оно мялось подобно мягкой резине. Когда Сирокко вырвала из стены один куст, за ним потянулось длинное корневище. Стена тут же начала источать что-то вроде густого молока, а затем дырка закрылась.

Там совсем не было почвы и почти не было солнца; ярким оно показалось только вначале, когда путницы только-только вышли из мрачного туннеля. На самом же деле с освещением в спице было туговато. Сирокко предположила, что местные растения, подобно многим своим собратьям на ободе, в основном зависят от подпо-

верхностных источников жизни.

Влажная стена прекрасно обеспечивала рост мха и лишайников, но растения средних размеров на ней почти не жили. Никакой травы. Все вьющиеся побеги были чистыми паразитами, укореняясь только в стволах деревьев. Многие деревья оказались теми же, что и на ободе, приспособившимися к горизонтальному существованию. На них росли знакомые орехи и фрукты.

— Ну вот, с пищей все в порядке, — заметила Габи.

Никаких рек в спице, понятное дело, быть не могло, но стена поблескивала от крошечных ручейков. Много выше видны были вырывающиеся из стены струи, что обращались в туман задолго до того, как осесть на пол.

Посмотрев на эти струи, Габи отметила, что они равномерно распределены по стене — как прыскалки на газоне.

— От жажды мы тоже не умрем, — заключила она.

Подъем стал теперь казаться не таким уж и невозможным. Сирокко лишь остро чувствовала, что радости он им не доставит.

Исключая возможность подъема по лестнице

— которую, как быстро поняла Сирокко, они уже не найдут, раз тщательное обследование стены из-за деревьев отпадало, — оставались еще два возможных способа.

Первый состоял в подъеме по самим деревьям. Вполне реально было, прикинула Сирокко, перебираться с ветки на ветку там, где деревья плотно переплетались со своими соседями.

Второй способ представлял собой обычный альпинизм. Подруги вскоре выяснили, что металлические крюки вгоняются в стену простым надавливанием.

Не желая полагаться на деревья, Сирокко предпочитала стену. А Габи, напротив, сочла, что по деревьям будет быстрее. Они проспорили до следующего дня, когда случились две вещи.

Первую Габи отметила, оглядывая серый пол спицы. Прищурившись, она указала пальцем.

— По-моему, той дыры там больше нет.

Сирокко тоже прищурилась, но не разобрала.

— Давай залезем повыше и посмотрим.

Привязавшись друг к другу веревкой, они приступили к подъему по ветвям.

Вышло совсем не так плохо, как боялась Сирокко. Как и во всем прочем, существовал здесь оптимальный способ справляться с трудностями

— и подруги очень скоро его отыскали. Следовало держаться золотой середины меж толстыми ветвями, что росли ближе к стене и были надежны как камень, но располагались слишком далеко друг от друга, — и дальними, более гибкими, которые всегда обеспечивали тысячи зацепок для рук и ног, но провисали под их тяжестью.

— Еще немного подальше, — крикнула Сирокко Габи, которая взяла на себя разведку тропы в конце пятиметровой привязи. — По-моему, двух третей до верхушки этого дерева будет вполне достаточно.

— Не до верхушки, а до края, — резонно заметила Габи. — Ты перепутала направления.

— Низ дерева — ближе к стене. Верхушка — в воздухе висит. Чего проще?

— Ладно, черт с тобой.

Перебравшись через десять деревьев, женщины принялись пробираться к верхушке последнего.

Когда ветви, по которым они шли, начали прогибаться, они привязали конец к самой прочной. Теперь провисание работало на них, ибо приоткрывало окно в непроницаемой, казалось бы, завесе листвы. Дерево, которое они выбрали, в нормальном, горизонтальном лесу возвышалось бы над своими соседями. В спице же такому де-

реву приходилось довольствоваться тем, что от стены оно торчало дальше, чем остальные.

— Ты была права. Дыры нет.

— Пока еще есть. Но скоро не будет.

Приглядевшись, Сирокко увидела то, что еще оставалось от дыры. Небольшой черный овал в сером полу сокращался будто зрачок. Снизу дыра показалась им шириной чуть ли не с саму спицу. Теперь же она составляла десять километров в поперечнике и все уменьшалась. Вскоре пол должен был сомкнуться вокруг вертикальных тросов, что торчали в самом его центре.

— Какие будут мысли? — поинтересовалась Габи. — Зачем нужно было изолировать спицу от обода?

— Понятия не имею. Полагаю, впрочем, что она, в конце концов, снова раскроется. Через нее пролетают ангелы, а раз пролетают они регулярно, значит… — Она не договорила и улыбнулась.

— Да ведь это дыхание Геи!

— Как-как? Еще раз.

— Ну, то самое, что титаниды зовут ветром с востока. Океан приносит холодную погоду и Плач, а Рея — горячий воздух и ангелов. Вот тебе трубка 300 километров в вышину, с клапанами на обоих концах. Ее можно использовать как

насос. Можно создавать области низкого и высокого давления — и с их помощью перемещать воздушные массы.

— И как ты себе это представляешь? — спросила Габи.

— Могу предложить два варианта. Во-первых, что-то вроде подвижного поршня для сжатия или разрежения воздуха. Ничего такого я здесь, впрочем, не вижу и надеюсь, что его тут и нет — иначе нас бы по стенке размазало.

— Будь тут поршень, деревьям тоже пришлось бы худо.

— Верно. Тогда другой вариант. Стены могут расширяться и сжиматься. Закрой нижний клапан, открой верхний, расширь спицу — и втянешь воздух сверху. Закрой верхний, открой нижний, вруби хорошее сжатие — и вдуешь его в обод.

— Но откуда берется воздух, который проходит через верх?

— Либо накачивается туда по тросам — какая-то часть точно качается, мы уже сами убедились, — либо забирается из других спиц. Ведь все они наверху соединяются. Еще несколько клапанов, и можно заставить спицы работать друг на друга. Открой и закрой пару-другую клапанов — ив итоге всасываешь воздух из Океана, пропуска-

ешь через ступицу и нагнетаешь в эту спицу. Затем еще несколько операций с клапанами — и гонишь его в Рею. Знать бы еще, зачем это понадобилось строителям.

Габи задумалась.

— Кажется, могу тебя просветить. Меня это давно интересовало. Почему весь воздух не скапливается на самом дне, у обода? Здесь воздух уже разреженнее, но он все еще для нас хорош, потому что давление у обода выше нормального земного. А при низкой гравитации давление падает не так быстро. На Марсе, между прочим, атмосферы кот наплакал, зато она держится и на приличных высотах. И если поддерживаешь циркуляцию воздуха, атмосфера просто не успевает прийти в равновесие. Таким образом можно по всей Гее создавать подходящее атмосферное давление.

Сирокко кивнула. Затем тяжко вздохнула.

— Ну вот и все. Ты только что разделалась с последним аргументом против подъема. Пищей и водой мы, как будто, обеспечены. Теперь выясняется, что и с воздухом проблем нет. Так что же, стартуем?

— Почему бы нам сперва не обследовать остальную часть стены?

— А какой смысл? Мы уже запросто могли

пройти мимо того, что искали. Ни черта тут не разглядеть.

— Пожалуй, ты права. Веди, капитан.

* * *

Подъем оказался тяжким занятием. Невыносимо скучный, он в то же время требовал полной сосредоточенности. Мастерства они постепенно набирались, но Сирокко понимала, что так легко, как на тросе, здесь уже не будет.

Единственным утешением в конце первого десятичасового отрезка было то, что они все-таки остались в форме. Сирокко устала и натерла мозоль на левой ладони, но, если не считать легкой ломоты в спине, чувствовала себя вполне сносно. Прежде чем разбить лагерь, они доползли до верхушки дерева и посмотрели вниз.

— Ну, как там твоя система? Можешь измерить высоту?

Габи нахмурилась и покачала головой.

— Сложно. — Но все-таки сложила из пальцев решетку и прищурилась. — По-моему… ай!

Сирокко схватила ее под руку, сама держась за крепкую ветку над головой.

— Спасибо. Классный бы вышел полет.

— Есть же веревка, — заметила Сирокко.

— Все равно. Не хочу болтаться на ее конце. — Задержав дыхание, Габи снова посмотрела вниз. — Ну что тут скажешь? Пол теперь чертовски далеко, а к потолку мы ни на метр не приблизились. И так еще очень долго будет.

— Ладно, хоть три километра-то есть?

— Если тебе так хочется, пусть будет три.

Отсюда вытекала тысяча суток восхождения — если без непредвиденных сложностей. Сирокко застонала и снова уставилась вниз, пытаясь натянуть до пяти, но сердцем чувствуя, что там не то что не четыре, а скорее ближе к двум.

Вернувшись назад, они подыскали две почти параллельные ветви в двух с половиной метрах друг от друга. Натянули между ними гамаки. Потом сели на одну ветку и подкрепились холодной закуской из сырых овощей и фруктов. Наконец, они забрались в гамаки и пристегнулись.

А через два часа пошел дождь. Сирокко проснулась оттого, что на лицо постоянно капало.

Убрала голову и посмотрела на часы. За эти два часа заметно стемнело. Рядом, прижавшись лицом к сетке гамака, негромко похрапывала Габи. Утром у нее наверняка заболит шея. Сирокко подумала было разбудить подругу, но затем решила, что сон — пусть даже в такой позе, пусть

даже под дождем — все-таки лучше.

Прежде чем передвинуть гамак, Сирокко сползала к верхушке дерева. Но почти ничего, кроме мутной стены тумана и непрерывного ливня, там не узрела. В центре дождь был намного сильнее. Все, что доставалось их лагерю, составляла та вода, что собиралась на наружной листве и стекала по ветвям.

Когда она вернулась, Габи уже не спала, а капель заметно усилилась. Было решено, что перевешивание гамаков ничего не даст. Тогда они достали палатку и, ножами разрезав несколько швов, переделали ее под навес, который поскорее привязали над своей стоянкой. Потом, отжав мокрую одежду, снова забрались в гамаки. Жара и влажность были невыносимы, но Сирокко так замучилась, что мигом заснула под стук водяных капель по брезенту.

* * *

Двумя часами позже, трясясь от холода, они снова проснулись.

— Ну и ночка, — простонала Габи.

Распаковывая куртки и одеяла, обе скалолазки громко стучали зубами. Наконец, плотно закутавшись во все, что сумели найти, забрались

обратно в гамаки. Согреться и заснуть удалось только через полчаса.

Легкое раскачивание деревьев этому очень способствовало.

* * *

Сирокко чихнула — и по сторонам полетел снег. Легкий, очень сухой снег успел забиться во все складки одеяла. Стоило сесть, как он лавиной обрушился ей на колени.

По краям навеса и веревкам, что поддерживали гамак, висели сосульки. Потрескивали колеблемые ветром ветви, а о промерзший брезент все время стучали падающие льдинки. Одна рука Сирокко, нечаянно вылезшая из-под одеяла, совсем закоченела. Кожа на ней стала трескаться, когда Сирокко потянулась растолкать Габи.

— А? Что? — Габи таращилась по сторонам одним мутным глазом. Другой наглухо закрыли заиндевевшие ресницы. — А, ч-черт! — Тут ее затряс кашель.

— Ну, как ты?

— Вроде бы ухо отморозила. А так ничего. И что теперь?

— Наденем все что есть. И будем пережидать.

Сидя в гамаке, тяжело было этим заниматься,

но они справились. Случилась лишь одна катастрофа, когда Сирокко неловко пошевелила онемевшими пальцами — и тут же увидела, как ее перчатка быстро исчезает в клубящемся снегу. Минут пять она материлась, а потом вспомнила, что у них есть еще перчатки Джина.

Стали пережидать.

Уснуть не удавалось. Под множеством слоев одежды и одеял было достаточно тепло, но для лица явно не хватало маски и защитных очков.

Каждые десять минут они стряхивали с себя насыпавшийся снег.

Сирокко и Габи пытались разговаривать, но спица буквально полнилась звуками. Лежа с натянутым на лицо одеялом и прислушиваясь к вою ветра, Сирокко обнаружила, что минуты растягиваются в часы. Помимо воя, слышался и другой звук, еще более пугающий — гулкие щелчки, будто вокруг готовили воздушную кукурузу. То обремененные льдом ветки обламывались под порывами ветра.

Прошло пять часов. И — ничего. Только ветер стал еще сильнее и холоднее. Вот рядом пролетела здоровенная ветка, и Сирокко стала слушать, как она проламывается сквозь обледеневший лес внизу.

— Габи, ты меня слышишь?

— Слышу, капитан. Что теперь делать?

— Страшно неохота это говорить, но надо начинать двигаться. Перейдем на ветви потолще. Не думаю, что эти треснут, но, если рухнет одна из тех, что над нами, мы получим все, что причитается — и даже больше.

— Я как раз ждала, что ты это предложишь.

Казалось сущим кошмаром, что надо выбираться из гамаков. Но, выбравшись из них, было еще хуже стоять на ветви. Страховочные веревки промерзли. Пришлось их в диких муках гнуть и ломать, прежде чем они опять стали похожи на веревки. Когда женщины наконец двинулись, получался ровно один шаг за один раз. Приходилось закреплять второй страховочный конец, прежде чем возвращаться, чтобы снять первый, затем повторять процедуру. Для завязывания узлов были два варианта — один хреновей другого. Можно было завязывать их в перчатках, а также сняв перчатки — но быстро-быстро, прежде чем онемеют пальцы. До того как пройти по ветви, ее требовалось хорошенько обработать молотком и ледорубом. Несмотря на предельную осторожность, Габи сорвалась один раз, а Сирокко — аж дважды. Результатом второго полета стало растя-

жение мышцы на спине — там, где в нее впилась страховочная веревка.

После часа упорной борьбы все-таки удалось добраться до главного ствола. Ширины его вполне хватало, чтобы удобно сидеть. Но вокруг почти не было веток — и ветер там дул куда злее.

Вогнав в дерево крюки, женщины привязались к нему веревками и снова приготовились пережидать.

* * *

— Неохота поднимать эту тему, но пальцев ног я уже не чувствую.

Прежде чем заговорить, Сирокко долго откашливалась.

— И что ты предлагаешь?

— Не знаю, — сказала Габи. — Зато я точно знаю, что мы околеем тут как собаки, если чего-нибудь не предпримем. Надо либо подвигаться, либо поискать убежище.

Она была права, и Сирокко это понимала.

— Так вверх или вниз?

— Внизу есть лестница.

— Сюда мы добирались целые сутки — причем тогда еще лед не мешал. Так что теперь двое суток назад к лестнице. Причем проход к ней, как пить

дать, завален снегом.

— Я тоже об этом подумала.

— Если уж двигаться, то вверх. Мы так и так околеем, если погода вскоре не выправится. Моцион немного отсрочит нашу безвременную кончину.

— Прямо читаешь мои мысли, — отозвалась Габи. — Но сперва мне все-таки охота попытаться найти убежище. Давай дойдем до самой стены. Помнишь, когда мы прикидывали, где могут жить ангелы, ты упомянула пещеры? Может, там и правда пещеры?

Сирокко решила, что главное — действовать. Чтобы кровь быстрее текла. Так что они, скалывая по пути лед, полезли по стволу. И через пятнадцать минут добрались до стены.

Габи внимательно ее осмотрела, затем собралась с силами и принялась орудовать ледорубом. Разобравшись со льдом, колоть она не перестала. Теперь по сторонам летело серое вещество самой стены. Поняв замысел подруги, Сирокко тоже взялась за ледоруб.

Некоторое время они в том же духе и продолжали. Дыра получалась полметра в диаметре. Сочившееся из стены белое молоко тут же замерзало — приходилось рубить и его. Габи превратилась в настоящего снежного чертенка;

снег облепил ее с головы до ног, запорошил шарф, которым она замотала рот и нос, сделал из ее бровей пышные белые гребни.

Вскоре труженицы добрались до нового слоя — слишком жесткого. Габи яростно на него набросилась, но в конце концов вынуждена была признать, что не прорубается ни на сантиметр.

Бессильно опустив руки, она пожирала взглядом подлую стену.

— Н-да. А идея была хорошая. — И Габи с остервенением ударила ногой по сугробу, что образовался рядом за время их ударной работы. Потом, запрокинув голову, уставилась во тьму. Во тьме Габи явно что-то заприметила, так как вдруг шагнула назад и ухватилась за Сирокко, поскользнувшись на льдинках.

— Там темное пятно, — сообщила она, указывая пальцем. — Метрах в десяти… нет, в пятнадцати. Чуть справа. Видишь?

Сирокко сомневалась. Несколько темных участков она видела, но ни один из них не напоминал пещеру.

— Надо бы посмотреть.

— Дай-ка я. Ты тут славно потрудилась.

Габи помотала головой.

— Нет. Я легче.

Сирокко возражать не стала, и Габи, поднявшись на цыпочки, забила в стену крюк. Потом привязала к нему веревку и подтянулась так, чтобы забить второй. Когда забила второй, вырвала первый и снова забила его в метре над вторым.

На подъем ушел целый час. Сирокко, дрожа, топталась внизу и стряхивала с себя ледяной душ, которым осыпала ее Габи. Под завязку на плечи ей рухнул целый снежный карниз, и несчастная с диким воплем упала на колени.

— Извини, пожалуйста, — крикнула сверху Габи. — Но я тут кое-что нашла. Дай только проход расчищу, а потом ты поднимешься.

* * *

Проход был так узок, что Сирокко едва протиснулась — даже после того, как Габи славно поработала там ледорубом. Внутри оказалась полость шириной метра полтора, а вышиной — чуть поменьше. Сирокко пришлось сначала снять рюкзак, а затем втащить его за собой. После двух женщин и пары рюкзаков туда влез бы еще, пожалуй, спичечный коробок. Но дышать было бы уже трудновато.

— Как, удобно? — спросила Габи, аккуратно отодвигая впившийся ей в шею локоть Сирокко.

— Извини. Ой, опять извини. Черт, Габи, тут моя нога!

— Прости. Только если ты раздавишь… ага, так лучше, но теперь ты встала мне на…

— Куда? О Господи. — И Сирокко вдруг неудержимо расхохоталась. Она зримо представила себе, как сгибается в три погибели, скребя хребтом по потолку, а Габи отчаянно пятится, стараясь убраться с дороги.

— Что тут смешного?

— Я тут один старый фильм вспомнила. Лорель и Гарди в ночных сорочках пытаются на верхней полке устроиться.

Габи, хоть и улыбалась, явно не понимала, о чем речь.

— Ну, верхняя полка… это в поезде дальнего следования… а, ч-черт! Проехали. Я просто подумала, как бы они смогли проделать то же самое, но в арктическом снаряжении и с парой лишних чемоданов. Итак, как бы нам тут обустроиться?

Выпихнув из крошечной пещеры остатки снега, подруги забаррикадировали рюкзаками вход. Света совсем не стало, зато не стало и ветра, что они посчитали большим достижением. После двадцатиминутной борьбы им удалось устроиться бок о бок. Сирокко едва могла шевельнуться,

однако благословенное тепло казалось ей куда дороже подобных мелочей.

— Ну как ты думаешь, теперь заснем? — поинтересовалась Габи.

— Лично я — да. Как там твои пальцы?

— Нормально. Покалывают, но уже теплее.

— У меня тоже. Спокойной ночи, Габи. — Поколебавшись лишь мгновение, Сирокко затем потянулась поцеловать подругу.

— Рокки, я тебя люблю.

— Спи, — улыбнувшись в темноте, велела Сирокко.

* * *

Когда Сирокко в очередной раз проснулась, лоб у нее был в поту. Одежда промокла. Подняв затуманенную голову, она вдруг поняла, что может видеть. Тогда, раздумывая, не изменилась ли погода, чуть сдвинула рюкзак. Затем толкнула его настойчивее и выяснила, что проход в пещеру перекрыт.

Сначала собралась было разбудить Габи, но все-таки решила повременить.

«Попытайся выбраться первой», — пробормотала Сирокко себе под нос. Вряд ли был смысл сообщать Габи, что ее опять съели заживо — пока

она этого не узнала наверняка. Габи от таких новостей в восторг бы наверняка не пришла. Мысль о заточении в столь малом пространстве — сама по себе достаточно скверная — стала казаться Сирокко сущим кошмаром, стоило ей прикинуть, что в дикой панике может натворить Габи.

Вскоре выяснилось, что повода для тревоги нет. Пока Сирокко осматривала стену, где была дыра, стена эта снова начала расходиться, восстанавливая прежних размеров отверстие. Но теперь дыру перекрывало прозрачное ледяное окошко с тусклым светом позади. Сирокко двинула по окошку кулаком — и оно вмиг разлетелось. Внутрь рванулся холодный воздух, и ей опять пришлось поскорее затыкать его рюкзаком.

Через несколько минут Сирокко снова отодвинула рюкзак. От прохода осталась лишь сантиметровая дырочка.

Задумчиво разглядывая крошечную дырочку, Сирокко собиралась с мыслями. И только окончательно разобравшись что к чему, тронула за плечо Габи.

— Вставай, деточка, нечего столько дрыхнуть. Пора и за дело приниматься.

— Мм? — Габи мгновенно проснулась. — Черт, да тут как в печке!

— Вот именно. Надо бы малость разоблачиться. Хочешь начать?

— Давай ты первая. Постараюсь не попадаться под руку.

— Ладно. А как ты думаешь, почему здесь так жарко? Будут соображения?

— Рокки, имей совесть. Я же только проснулась.

— Так и быть. Расскажу. Пощупай-ка стену. — Пока Габи открывала для себя то, что ее подруга уже знала, Сирокко целиком вовлеклась в сложнейший процесс снятия меховой куртки.

— Теплая.

— Ага. Я сперва никак не могла просечь эту стену. И решила, что деревья здесь, как и на тросе, заранее не планировались. Но ведь, не питай их стена, они бы тут нипочем не выросли. Тогда я попыталась прикинуть, какая машина лучше всего могла бы со всем этим справиться, и вернулась к естественному биохимическому механизму. Не машина, а животное или растение, скорее всего генетически выведенное. Трудно поверить, что такая штука может быть плодом даже какой-то сверхдлительной эволюции. Итак, она 300 километров в вышину, полая в середине — и облегает настоящую стену.

— А деревья, значит, — паразиты? — Габи восприняла новость лучше, чем ожидала Сирокко.

— Только в том смысле, что они получают питание от другого живого существа. Но они не подлинные паразиты, ибо все так и задумывалось. Строители изобрели это громадное существо как среду обитания для деревьев, а деревья в свою очередь составили среду обитания для мелких животных, а быть может, и для ангелов.

Габи подумала, затем пристально посмотрела на Сирокко.

— Больно похоже на тех громадных существ, которые, по нашим прикидкам, живут под ободом, — тихо сказала она.

— Да, вроде того. — Сирокко искала у Габи признаки паники, но ничего не нашла — даже учащенного дыхания. — А тебя это… ну… не тревожит?

— Ты про мою знаменитую фобию?

Потянувшись к рюкзаку, Сирокко стимулировала проход на раскрытие, затем отодвинула рюкзак и показала Габи. Дыра начала медленно закрываться.

— Я выяснила это, прежде чем тебя разбудить. Смотри, она закрывается, но если пощекочешь, снова откроется. Так что мы не в ловушке, и это

не желудок чего-нибудь вроде…

С еле заметной улыбкой Габи тронула ее за руку.

— Ценю твою заботу.

— Ну, мне не хотелось тебя огорошить. Я только…

— Ты все правильно сделала. Увидь я это первой, до сих пор бы, наверное, вопила. Но я не классическая клаустрофобка. У меня своя собственная фобия. Пожалуй, это станет открытием в психиатрии — навязчивый страх быть съеденной заживо. Но объясни мне — и поубедительней, пожалуйста, — если это не желудок, то что же это такое?

— Тут нет параллелей ни с одним из известных мне существ. — Сирокко уже разделась до нижнего белья и решила на этом остановиться. — Это убежище, — продолжила она, стараясь так сжаться в комочек, чтобы не мешать раздеваться Габи. — Сейчас мы пользуемся этой штукой по ее прямому назначению, а именно — укрываемся от холода. Могу поспорить, что ангелы в таких же пещерах и зимуют. Может статься, другие животные тоже. Вероятно, и само гигантское существо что-то от всего этого имеет. Скажем, чьи-то экскременты ее оплодотворяют…

— Кстати, об экскрементах…

— Ага, и мне тоже охота. Придется воспользоваться пустой банкой или еще чем-нибудь.

— Черт побери. От меня уже как от верблюда несет. Если погода не наладится, тут такой розарий будет.

— Ты еще ничего. От меня покруче воняет.

— Как тактично с твоей стороны. — Габи уже разделась до нижнего белья. — Знаешь, Рокки, нам какое-то время придется жить в чертовской близости, так что особо скромничать ни к чему. Если ты не разделась догола из-за того, что…

— Да нет, это тут ни при чем, — слишком поспешно перебила Сирокко.

— …из-за того, что боишься меня возбудить, то советую подумать еще разок. По-моему, любая одежда здесь просто непрактична. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я сниму и эти шелка — по крайней мере, чтобы они просохли. — Не дожидаясь разрешения, Габи так и сделала, а потом растянулась рядом с Сирокко.

— Ну, разве что отчасти, — признала Сирокко. — А о другой, главной причине даже говорить неудобно. Просто у меня месячные начались.

— Я так и думала. Но из вежливости молчала.

— Ах, как тактично с твоей стороны. — Обе

рассмеялись, но Сирокко почувствовала, что краснеет. Неловко было до ужаса. Она так привыкла к корабельным нормам гигиены. И теперь, не в силах ничего поделать с собственной грязью, она страшно смущалась. Габи предложила, чтобы Сирокко воспользовалась бинтом из аптечки — пусть даже только удобства ради. Обрадованная тем, что идею высказала Габи, Сирокко позволила себя уговорить. Без одобрения подруги она ни за что не решилась бы использовать медицинские средства для такой цели.

Потом они какое-то время молчали. Сирокко не по себе было от близости Габи, но она без конца твердила себе, что должна к этому привыкнуть. Им еще, может статься, не одни сутки торчать в этом убежище.

А Габи явно ничто не смущало. Вскоре и Сирокко перестало колоть глаза голое тело подруги. После часа бесплодных попыток заснуть она наконец решила бросить это занятие.

— Ты не спишь?

— Я когда сплю, всегда храплю. — Габи со вздохом села. — Черт, и почему мне тут в тесноте так не спится? Ты такая теплая, мягкая…

Сирокко пропустила это мимо ушей.

— Знаешь какие-нибудь игры, чтобы убить

время?

Габи легла на бок, лицом к Сирокко.

— Кое-какие знаю. Просто классные.

— А в шахматы играешь?

— Я так и знала, что ты это предложишь. Тебе какие, черные или белые?

* * *

Лед запечатывал проход, и они не успевали его разбивать.

Поначалу возникло беспокойство насчет воздуха, но несколько опытов убедили подруг, что даже с наглухо закрытым отверстием кислорода им все равно хватает. Единственным объяснением здесь могло служить то, что спасательная капсула действовала наподобие растения, втягивая своими стенками двуокись углерода и выделяя кислород.

А в дальнем конце пещеры вскоре обнаружилось нечто вроде соски. Когда на нее нажимали, оттуда выдавливалось то самое молоко, которое Сирокко и Габи уже видели раньше. Попробовав его без трагических последствий, они все же решили держаться своих запасов — пока совсем ничего не останется. Наверное, это было то самое молоко Геи, про которое Сирокко однажды

рассказывал Менестрель. Несомненно, им и кормились ангелы.

* * *

Часы медленно складывались в сутки, а шахматные партии — в турниры. Габи почти все время выигрывала. Потом они придумали новые игры с числами и словами. Габи и тут без конца выигрывала. Все, что они переживали, все, что сближало их и отталкивало друг от друга: вся сдержанность Сирокко и вся гордость Габи — все это лишь на третьи сутки позволило им заняться любовью.

Случилось это в один из тех часов, когда обе просто глазели на слегка люминесцентный потолок, прислушиваясь к воющему снаружи ветру. Подруги изнывали от скуки, бурлили энергией и уже начинали чуть-чуть чокаться от своего заключения. Сирокко снова пропускала через голову бесконечный поток весьма разумных доводов на предмет: Почему Я Не Должна Иметь Физической Близости С Габи. Итак, пункт (А)…

И тут она не смогла вспомнить пункта (А).

Несколько дней назад все это, несомненно, имело смысл. Так куда же он подевался теперь?

Столь странную окраску ее суждениям, без-

условно, придала сама необычная ситуация. Никогда Сирокко не оказывалась в столь интимной обстановке с другим человеческим существом. Уже трое суток они находились в постоянном физическом контакте. Порой, влажная и возбужденная, она просыпалась в объятиях Габи. И самое худшее, Габи неизбежно это чувствовала. Перемены в настроении друг друга они уже чувствовали по запаху.

Но Габи сказала, что не нуждается в сексе, пока Сирокко не сможет ответить ей любовью.

Хотя разве она именно так сказала?

Не совсем. Заново все обдумав, Сирокко поняла, что на самом деле Габи требовала от нее искреннего желания; она лишь не желала секса как терапии для облегчения ее страданий.

Все верно. Желания было хоть отбавляй. Никогда она так остро этого не чувствовала. Она сторонилась Габи лишь потому, что не была чистой лесбиянкой. Нет, Сирокко была бисексуалкой с сильным предпочтением мужского пола и считала, что не должна связываться с любящей ее женщиной, если только не почувствует, что дело может зайти дальше первого любовного акта.

Что следовало расценивать как клинический идиотизм. Слова, слова — одни пустые слова.

Прислушайся к своему телу — и к своему сердцу.

Тело Сирокко уже не высказало никаких отговорок, а сердце — только одну, да и то несущественную. Тогда, повернувшись набок, она оседлала Габи. Они поцеловались, и Сирокко начала ласкать подругу.

— Знаешь, я не могу от всего сердца сказать, что люблю тебя. По-моему, просто не знаю, как понять, любишь ты женщину или нет. Я знаю, что умру, защищая тебя. Знаю, что ты для меня дороже всех на свете. У меня никогда в жизни не было такой подруги. Если этого мало, я немедленно прекращаю.

— Нет, давай дальше.

— Однажды, когда я любила мужчину, мне хотелось от него детей. То, что я испытываю к тебе, очень похоже… но не то. Я хочу тебя… так хочу, что даже словами не сказать. Но твердо сказать, что люблю тебя, я не могу.

Габи улыбнулась.

— Жизнь полна разочарований. — Обняв Сирокко, она нежно потянула ее вниз.

* * *

Пять суток снаружи выл ветер. А на шестые началась оттепель — и продолжалась еще сутки.

Пока шла оттепель, выходить было опасно. Сверху со страшным грохотом рушились ледяные глыбы. Когда все затихло, женщины выбрались из своей темницы в прохладный, блестящий от влаги мир, что-то шепчущий им на ухо.

Тогда они доползли до верхушки ближайшего дерева, где шелест стал еще слышнее. Когда более мелкие ветви стали под ними прогибаться, на подруг обрушился нежный дождик — крупные его капли медленно падали с листа на лист.

В центре колонны воздух был удивительно чист, но ближе к стенам всюду-всюду выгибались сияющие радуги. Тающий лед, стекая по листве, полнил скопившееся на дне спицы озеро.

— Что дальше? — спросила Габи.

— Назад к стене. И вверх. Мы кучу времени потеряли.

Габи кивнула.

— Знаешь, пока ты куда-то идешь, мне без разницы. Но все-таки. Не скажешь ли еще разок — чего ради?

Сирокко хотела было ответить, что вопрос дурацкий, но вдруг поняла, что это уже не так. Во время их долгого заключения она призналась Габи, что уже не рассчитывает найти в ступице кого-то за пультом управления. Сама не заметив

когда, она перестала в это верить.

— Я дала обещание Менестрелю, — призналась Сирокко. — И все. Больше у меня от тебя секретов нет. Ни единого.

Габи помрачнела.

— Какое обещание?

— Посмотреть, нельзя ли как-то остановить войну титанид с ангелами. Я никому об этом не рассказывала. Сама не знаю почему.

— Понятно. Думаешь, ты правда сможешь тут что-то поделать?

— Нет. — Габи молчала, продолжая внимательно заглядывать Сирокко в глаза. — Но я должна попытаться. А что это ты так на меня смотришь?

Габи пожала плечами.

— Да ничего. Так просто. Интересно, какие причины идти дальше ты найдешь, когда мы разберемся с ангелами. Ведь мы и тогда пойдем дальше? Разве нет?

— Да, пойдем. Мне почему-то кажется, что идти всегда нужно до конца.

ГЛАВА XXII

Весь мир превратился теперь в бесконечную череду деревьев, по которым надо было взбираться. Каждое следующее дерево представлялось легкой вариацией предыдущего; разные как снежинки, они были так же утомительно схожи. По необходимости краткие реплики Габи и Сирокко могли дополняться жестами и кряканьем. Две женщины превратились в одну превосходную машину для лазанья по деревьям — в единый организм, неуклонно стремящийся вверх. Двенадцать часов они на пределе сил лезли. Потом вставали лагерем и спали как убитые.

Дно спицы вскоре открылось — и целое море воды выплеснулось на Рею. Несколько недель дно оставалось открытым, а затем закрылось. Одновременно открылась крыша, и опять задули лютые ветра, вынуждая Сирокко и Габи искать убежище. Еще пять суток темноты — и они снова снаружи, снова ползут вверх.

На седьмой день после третьей зимы женщины заметили первого ангела. Немедленно остановившись, они стали смотреть, как он их разглядывает.

Ангел сидел неподалеку от самой верхушки дерева, плохо различимый сквозь ветви. Вой этих существ они во время подъема уже слышали, а иногда доносилось и хлопанье громадных крыл. И тем не менее всеми знаниями, которыми Сирокко о них располагала, она была обязана тому застывшему мгновению, когда на нее летел ангел, пораженный титанидским копьем.

Ростом ангел был еще меньше Габи, с мощной грудью и тщедушными руками и ногами, Вместо ступней у него были когтистые лапы. Крылья росли как раз над бедрами, так что в полете вес равномерно распределялся по всем сторонам каждого крыла. Сложенные, они возвышались над его головой, а противоположные кончики уходили ниже ветви, на которой он сидел. Все несущие поверхности на руках, ногах и хвосте также были аккуратно сложены.

Отметив всю эту экзотику, Сирокко вынуждена была признать, что самое поразительное в ангеле — это его человекоподобие. Он напоминал загибающегося от недоедания подростка — но подростка несомненно человеческого.

Габи взглянула на Сирокко, и та пожала плечами, словно предлагая подруге приготовиться ко всему. Потом шагнула вперед.

С диким верещанием ангел подался назад. Крылья его развернулись до всего своего девятиметрового размаха. Потом ангел замер, едва-едва покачивая крыльями, — только чтобы удержаться на крайних ветках, для которых даже его вес был уже слишком велик.

— Мы только хотим с тобой поговорить, — сказала Сирокко и протянула к ангелу раскрытые ладони. Тот снова заверещал и улетел. Пока он набирал высоту, до них доносился шум его крыльев.

Габи взглянула на Сирокко. Потом вопросительно подняла брови и ткнула указательным пальцем вверх.

— Ага. Полезли.

* * *

— Капитан!

Сирокко мгновенно замерла. Веревка тут же натянулась, и шедшей впереди Габи пришлось резко остановиться.

— Что такое? — спросила Габи.

— Тсс. Слушай.

Через несколько секунд ожидания прозвучал тот же призыв. На сей раз его услышала и Габи.

— Это точно не Джин, — прошептала она.

— Кельвин? — Стоило Сирокко это сказать, как она узнала голос. Он сильно изменился, но все же был узнаваем.

— Апрель?

— Да, это я, — тут же пришел ответ, хотя Сирокко позвала совсем негромко.

— Поговорим?

— Ну конечно, поговорим. Где ты, черт возьми?

— Ниже. Я тебя вижу. Нет, не возвращайся.

— Но почему? Черт побери, Апрель, мы уже много месяцев ждем, когда же ты объявишься. Август просто с ума сходит. — Сирокко хмурилась. Что-то шло не так, и она не могла понять, в чем дело.

— Либо я к вам, либо вообще никак. Если вы ко мне, я сразу же улетаю.

Апрель уселась на небольших ветвях метрах в двадцати от двух женщин. Даже на таком расстоянии хорошо было видно ее лицо — точная копия лица Август. Во всем же остальном Апрель стала ангелом. Сирокко слегка мутило.

Похоже, ей нелегко было говорить. Между фразами следовали долгие паузы.

— Пожалуйста, не приближайтесь. Вообще не двигайтесь в мою сторону. Но даже так говорить

мы сможем очень недолго.

— Надеюсь, ты не думаешь, что мы тебе зла желаем?

— А почему нет? Я… — Апрель осеклась и отодвинулась еще дальше. — Хотя, пожалуй, нет. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем позволю вам приблизиться. От вас ужасно воняет.

— Это из-за титанид?

— Кого-кого?

— Кентавров. Того народа, с которым вы воюете.

Апрель зашипела и подалась назад.

— Не говори о них.

— Вряд ли я смогу этого избежать.

— Тогда придется улететь. Я постараюсь вернуться. — С громким воплем она нырнула в листву. Еще какое-то время они слышали шум ее крыльев, а потом Апрель пропала — будто ее и не было.

Сирокко взглянула на Габи. Та мрачно болтала ногами.

— Кошмар, — прошептала Сирокко. — Что же со всеми нами стряслось?

— Я надеялась хоть на какие-то ответы. Как бы то ни было, ей досталось хуже всех. Хуже, чем Джину.

* * *

Несколько часов спустя Апрель вернулась, но на самые важные вопросы ответить так и не смогла. Казалось, она об этом даже никогда не задумывалась.

— Откуда мне знать? — отвечала она. — Я была во тьме, я проснулась и была такой, какой вы сейчас меня видите. Мне было все равно. Да и теперь все равно.

— Можно пояснее?

— Я счастлива. Раньше я никому не была нужна. Ни я, ни мои сестры. Никто нас не любил. Что ж, теперь я в этом и не нуждаюсь. Я из клана Орла, гордая и одинокая.

После осторожных расспросов выяснилось, что такое клан Орла. Это не было ни племя, ни сообщество, как вроде бы намекала Апрель, — скорее отдельный вид в роду ангелов.

От рождения и до смерти Орлы были одиночками. Они даже не собирались вместе для спаривания и переносили общество друг друга лишь несколько минут подряд — да и то на достаточном расстоянии. В такой мимолетной беседе Апрель и прослышала о появлении в спице людей.

— Две вещи я никак не пойму, — осторожно проговорила Сирокко. — Можно спросить?

— Не обещаю, что отвечу.

— Хорошо. Скажи, как получаются еще ангелы, если вы даже не сходитесь?

— Есть неразумное существо, рожденное на дне мира. Всю свою жизнь оно проводит взбираясь к вершине. Раз в год я нахожу его и внедряю ему в спину яйцо. Ангелы мужского пола могут внедрить туда сперму, а могут и не внедрить — как будет угодно судьбе. Оплодотворенное яйцо вместе с существом отправляется к вершине. Когда хозяин умирает, младенец рождается. Рождаемся мы прямо в воздух и должны научиться летать, пока падаем вниз. У некоторых не получается. На все воля Геи. Такова наша…

— Минутку-минутку. Ты сказала — воля Геи. Почему ты назвала это имя?

Молчание.

— Не понимаю вопроса.

— Сейчас поясню. Геей это место назвал Кельвин. Так ему показалось удачнее. Ты что, тоже увлекаешься античной мифологией?

— Раньше я никогда не слышала этого названия. Геей наш народ называет это существо. Она вроде богини, хотя и не совсем. Слушайте, у ме-

ня от вас голова болит. Мне лучше одной. Пора улетать.

— Погоди еще минутку.

Апрель уже подбиралась к верхушке дерева.

— Ты сказала «существо». Ты что, говорила о той твари в спице?

Апрель удивилась.

— Нет, конечно. Там только ее часть. Весь этот мир — Гея. Я думала, вы знаете.

— Да нет… подожди, не улетай, пожалуйста. — Было уже слишком поздно. Донеслось хлопанье крыльев. — Ты потом вернешься? — крикнула Сирокко.

— Еще один раз, — пришел далекий ответ.

* * *

— Значит, все едино. Все — одно существо. Верно? А как ты это узнала?

На сей раз Апрель вернулась всего через час. Сирокко надеялась, что она понемногу привыкает к компании, но дистанция между ними по-прежнему меньше двадцати метров не составляла.

— Просто поверила. Кое-кто из моего народа с ней разговаривал.

— Значит, она разумна?

— Почему нет? Слушай… капитан.

Апрель ненадолго прижала ладони к вискам.

Сирокко могла представить себе ее внутренний конфликт. Раньше Апрель была одним из самых блестящих физиков в Солнечной системе. Теперь же она жила подобно дикому и неистовому зверю, придерживаясь жизненных принципов, о которых у Сирокко имелось лишь смутное представление. Вот она и подумала, что прежняя Апрель вполне может пытаться прорваться сквозь то существо, в которое она превратилась.

— Сирокко, так ты сказала, что можешь говорить с… с теми, что на ободе. — Так она ближе всего могла подойти к представлению о титанидах — и не улететь куда глаза глядят. — Они тебя понимают. А Кельвин может разговаривать с плывунами. Перемены, которым Гея подвергла меня, куда значительней. Я действительно стала одной из моего народа. Я проснулась, уже зная, как вести себя среди них. У меня те же чувства и побуждения, что и у любого другого ангела. И я знаю точно: Гея едина. Гея жива. Мы живем внутри нее.

Габи слегка позеленела.

— Посмотри вокруг, — продолжала Апрель. — Что тебе тут кажется похожим на машину? Разве хоть что-нибудь кажется? Нас схватило живое

существо; ты предполагаешь существование под ободом некоего зверя. Спица наполнена громадной живой тварью; ты решаешь, что это некое покрытие с жесткой рамой под ним.

— Ты говоришь занятные вещи.

— Не просто занятные. Это правда.

— Но если я с этим соглашусь, кабины управления мне уже в ступице не сыскать.

— Зато ты окажешься там, где живет Гея. Она сидит там, подобно пауку, и тянет все за ниточки, будто кукловод. Ей тут подвластны все твари, и она распоряжается вами двумя точно так же, как и мной. Она поиграла с нами ради каких-то своих целей.

— Каких же?

Апрель пожала плечами. Сирокко больно было видеть у ангела столь человеческий жест.

— Мне она не сказала. Я летала к ступице, но она отказалась меня видеть. Мои сородичи говорят, что только с истинно великой миссией можно добиться внимания Геи. Очевидно, моя миссия была недостаточно великой.

— А о чем бы ты ее спросила?

Апрель долго-долго молчала. Наконец Сирокко поняла, что она плачет. Потом Апрель снова подняла глаза.

— Мне из-за вас больно. Пожалуй, я больше не стану с вами разговаривать.

— Пожалуйста, Апрель. Пожалуйста. Ради нашей былой дружбы.

— Дружбы? А она была? Что-то не припомню. Я помню только, что дружила с Август и еще очень давно — с другими моими сестрами. А теперь я одна, совсем одна.

— Ты по ним тоскуешь?

— Да, — опустошенно призналась Апрель. — Но это было давно. Я лечу, лечу, чтобы остаться одна. Одиночество — суть жизни для клана Орла. Я знаю, что это правда, но раньше… раньше, когда я еще тосковала по моим сестрам…

Боясь ее спугнуть, Сирокко застыла как статуя.

— Мы собираемся вместе только в одну пору, — с тихим вздохом продолжила Апрель. — После зимы, когда Гея делает вдох, а потом выдувает нас из спицы…

В тот день я летела с ветром. Славный был день. Мы убили очень много, потому что мои сородичи послушались меня и спрятались на большом плывуне. Четвероногие очень удивились — ведь дыхание давно кончилось. А мы, немногие, остались на плывуне, усталые и голодные, но жажда крови все еще кипела в нас и держала вместе.

То был день петь великие песни. Мои сородичи последовали за мной — за мной! Сделали, как я сказала! И я сердцем почувствовала, что очень скоро четвероногие будут стерты с лица Геи. То был лишь первый триумф в новой войне!

Но потом я увидела Август, и разум меня оставил. Я хотела ее убить, хотела улететь, хотела обнять ее и рыдать вместе с ней.

Я улетела.

С тех пор я страшусь дыхания Геи, ибо однажды оно понесет меня убивать мою родную сестру. А тогда я тоже умру. Я теперь Ариэль Стремительная, но и от Апрель Поло во мне осталось достаточно, чтобы я уже не смогла после такого жить.

Сирокко была тронута, но удержаться кое от каких мыслей тоже не смогла. Из сказанного Апрель выходило, что она важная персона в ангельском сообществе. Наверняка там к ней прислушиваются.

— Вышло так, что я здесь как раз чтобы установить мир, — сказала она. — Не улетай! Пожалуйста, не улетай!

Апрель дрожала, но стояла на своем.

— Мир невозможен.

— Охотно верю. У множества титанид в сердце

тот же недуг, что и у тебя.

Апрель покачала головой.

— Разве ягненок ведет переговоры со львом? Летучая мышь с букашкой, птица с червяком?

— Ты говоришь о хищниках и их добыче.

— Я говорю о естественных врагах. Пойми, у нас в генах заложено убивать четвероногих. Я могу… как Апрель я могу понять, о чем ты думаешь. Да, мир вроде бы должен быть возможен. Чтобы вступить в бой, нам приходится одолевать чудовищные расстояния. Многим из нас уже не под силу вернуться. Подъем слишком тяжел, и мы падаем в море.

Сирокко покачала головой.

— Пока что я лишь подумала, не удастся ли мне свести каких-то представителей…

— Говорю тебе, это невозможно. Мы Орлы. Тебе даже не удастся сколотить из нас единую группу — не то что убедить пообщаться с четвероногими. Есть, правда, другие кланы, более общительные, но в этой спице они не живут. Быть может, там тебе сопутствовала бы удача. Хотя я в это не верю.

Все трое некоторое время молчали. Сирокко мучила горечь поражения, и Габи положила ей руку на плечо.

— Как ты думаешь? Она правду говорит?

— По-моему, да. Примерно то же самое говорил мне и Менестрель. Они над этим не властны. — Сирокко снова подняла голову и обратилась к Апрель: — Ты говорила, что хотела увидеться с Геей. Зачем?

— Насчет мира. Я хотела спросить, почему должна быть война. Если не считать войны, я вполне счастлива. Но она не услышала моего зова.

«Или ее просто нет», — подумала Сирокко.

— Вы все-таки станете ее искать? — спросила Апрель.

— Не знаю. А какой смысл? Чего ради это сверхъестественное существо станет останавливать войну? Только из-за того, что я ее об этом попрошу?

— В жизни есть дела и похуже, чем завершение раз начатых поисков. Если ты сейчас повернешь назад, чем ты тогда займешься?

— Опять-таки не знаю.

— Ты прошла длинный путь. И, должно быть, преодолела великие трудности. Мои сородичи говорят, что Гея любит занятные истории и великих героев. Ты герой?

Сирокко подумала о Джине, стремительно улетающем во мрак, о Рожке, несущемся навстречу

своей погибели, о кидающейся на нее ильной рыбине. Настоящий герой наверняка так бы не напортачил.

— Рокки герой, — вдруг заявила Габи. — Из всех нас только она упорно держалась своего назначения. Если бы она нас не шпыняла, мы бы до сих пор гнили в глиняных хижинах. Она заставляла нас двигаться к цели. Может, мы ни черта и не добьемся, но, когда прилетит спасательный корабль, земляне обязательно увидят, как мы тут по-прежнему расшибаем себе лбы об стенку.

Заявление Габи ошарашило Сирокко — но и по-своему тронуло. С самого крушения корабля она подавляла в себе ощущение собственной ущербности; и не вредно было узнать, что хоть кто-то считает ее жалкие потуги удачными. Но героиня? Нет, куда там! Она только делала то, что считала нужным.

— Думаю, Гею это впечатлит, — сказала Апрель. — Идите к ней. Станьте в ее ступице и кричите. Не лебезите и не клянчите. Скажите ей, что у вас есть право на ответы — ради всех нас. Она прислушается.

— Давай с нами, Апрель.

Женщина-ангел попятилась.

— Меня зовут Ариэль Стремительная. Я не

летаю ни с кем, и никто не летает со мной. Мы больше никогда не увидимся. — Апрель опять упорхнула, и Сирокко поняла, что она сдержит слово.

Тогда она оглянулась на Габи. Та театрально закатила глаза и скривилась.

— Ну что, полезли?

— А почему, черт побери, нет? Ведь я и правда хочу там кое о чем спросить.

ГЛАВА XXIII

— Я не герой, сама знаешь.

— Ясное дело, не герой. Героиня. — Сирокко прыснула. Они с Габи лежали в укрытии. Шел последний день четырнадцатой зимы на их восьмом месяце в спице. От ступицы подруг теперь отделяли всего лишь десять километров. Эти десять километров они уже одолевали — но только во сне, пока шла оттепель.

— Не придуривайся. Если кто-то из нас героиня, так это ты.

Габи покачала головой.

— Да, я помогала. Без меня тебе наверняка было бы куда тяжелее справиться.

Сирокко сжала ее ладонь.

— Но я только тащилась вслед. Да, из нескольких передряг я и правда помогла тебе выбраться, но в герои и близко не гожусь. Герой не попытался бы сбросить Джина в пропасть без парашюта. Кроме того, ты бы и сама со всем справилась. А я нет.

Потом они долго молчали. Каждая погрузилась в свои мысли.

Сирокко сильно сомневалась в правоте Габи. Что-то казалось ей верным, хотя вслух она этого бы никогда не признала. Да, Габи бы их сюда не довела. В вожаки она не годится.

«А я? — задумалась Сирокко. — Я-то гожусь?» И решила, что по крайней мере все для этого делала. Но разве смогла бы она провернуть все в одиночку? Вот это казалось крайне сомнительным.

— А весело было, правда? — негромко спросила Габи.

Сирокко не на шутку удивилась. Назвать мучение длиной в восемь месяцев веселым?

— Честно говоря, у меня другое слово на языке вертится.

— Ну да, все так. Но ты понимаешь, о чем я.

Как ни странно, Сирокко тут же поняла. И наконец открыла для себя причину той хандры, в которую последние несколько недель то и дело погружалась. Поход скоро закончится. И они либо отыщут способ вернуться на Землю, либо нет.

— Не хочу возвращаться на Землю, — заявила Сирокко.

— Я тоже.

— Но не можем же мы повернуть назад.

— Тебе виднее.

— Да не виднее мне! Просто у меня упрямства

больше. Но мы должны идти дальше. Должны. Ради Апрель, Джина и всех остальных мы обязаны выяснить, что с нами такое проделали и зачем.

* * *

— Вытащи-ка мечи, а?

— Думаешь, будут проблемы?

— Не из тех, что решаются мечом. Но с ним мне как-то спокойнее. К тому же я герой, сама говоришь. А какой герой без меча? Это ж курам на смех.

Габи спорить не стала. Опустившись на одно колено, она порылась в лишнем рюкзаке, достала оттуда пару коротких мечей и перебросила один Сирокко.

Они стояли невдалеке от верха того, что по всему должно было оказаться последней лестницей. Подобно той, по которой они взбирались у основания спицы, эта вилась спиралью вокруг троса, что вдруг снова обнаружился на верху длинного, голого склона, отмечавшего границу меж лесом и верхним клапаном спицы. Двое суток, активно пользуясь ледорубами, веревками и крюками, взбирались они по этому склону.

Масла в лампе уже не осталось, и взбираться по лестнице приходилось в кромешной тьме, беря

одну ступеньку зараз. Подъем шел без приключений — пока где-то впереди Сирокко не различила слабое красноватое свечение. И не почувствовала острого желания взять в руку меч.

Превосходное это было оружие, хотя рукоятка могла быть и поменьше. На такой высоте меч почти ничего не весил. Чиркнув спичку, Сирокко погладила выгравированную на лезвии фигуру титаниды.

— Н-да, — заметила Габи. — Ты прямо с картины Фразетты.

Сирокко оглядела себя. Оборванные лохмотья некогда роскошных одеяний. Бледная кожа — там, где она вообще проглядывала под слоем грязи. Лишнего и даже части совсем не лишнего веса Сирокко лишилась, а все оставшееся стало на редкость твердое и жилистое. Кожа на руках и ногах сделалась грубой как звериная шкура.

— Вот обида. А я всегда хотела смотреться одной из тех див Максфилда Пэрриша. Такой благородной-благородной.

Отшвырнув спичку, она зажгла другую. Габи все еще на нее глазела. Глаза ее поблескивали в желтом свете. Сирокко вдруг отчего-то сделалось спокойно и хорошо. Она улыбнулась, затем рассмеялась и обняла Габи за плечи. Габи с неуве-

ренной улыбкой тоже ее обняла.

— Ты… у тебя никаких предчувствий насчет вон того? — Габи указала мечом в сторону верха лестницы.

— Вроде есть что-то. — Сирокко опять рассмеялась, затем пожала плечами. — Ничего определенного. Просто держи ухо востро.

Габи промолчала, но прежде чем снова покрепче взяться за рукоять меча, вытерла ладонь о бедро. Затем рассмеялась.

— Не знаю, как им орудовать.

— А ты действуй так, будто знаешь. Кстати, когда доберемся до верха лестницы, все барахло оставь там.

— Думаешь?

— Лишний вес ни к чему.

— Ступица большая, Рокки. Мы можем долго ее обшаривать.

— У меня предчувствие, что дело не затянется. Все решится очень скоро.

Она задула вторую спичку. Подождав, пока глаза не привыкнут, они вскоре снова увидели то слабое свечение. А потом бок о бок двинулись вперед — вверх по последней сотне ступенек.

* * *

Сирокко и Габи восходили в пульсирующую алую ночь.

Весь свет исходил от прямой, как луч лазера, линии над головой. Потолок терялся во мраке. Слева нависал трос — черная тень на иссиня-черном фоне.

И стены, и пол, и даже сам воздух вторили звуку медленных ударов громадного сердца. В лицо женщинам задувал холодный ветерок из невидимого прохода в спицу Океана.

— Я намерена без церемоний тут осмотреться, — прошептала Габи. — А то дальше чем на двадцать метров ни черта не видно.

Сирокко промолчала. Затем, желая избавиться от странного, гнетущего чувства, замотала головой — и тут же ей пришлось бороться с приступом головокружения. Хотелось присесть. Еще хотелось повернуть назад. Было страшно, но сдаться она не осмеливалась.

Вытянув меч перед собой, она заметила, что он переливается будто полоска крови. Шаг вперед. Еще один. Габи не отставала. Они медленно шли во тьму.

Зубы заломило. Сирокко вдруг поняла, что

слишком крепко их сжала — аж на скулах вздулись желваки. Тогда она остановилась и крикнула:

— Я здесь!

Несколько долгих секунд спустя вернулось одно эхо, а затем в небытие потянулась целая их череда. Воздев меч над головой, Сирокко крикнула снова:

— Я здесь! Я капитан Сирокко Джонс, командир МКК «Укротитель», полномочный представитель Соединенных Штатов Америки, Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства, а также Организации Объединенных Наций планеты Земля. Я хочу с тобой говорить!

Казалось, прошли столетия, пока наконец не замерло все эхо. И тогда не осталось ни звука — лишь медленная пульсация чудовищного сердца. Держа мечи наготове, Сирокко и Габи стояли спина к спине и слепо вглядывались во тьму.

И тут, стирая последние остатки страха, Сирокко охватил безудержный гнев. Размахивая мечом, она дико кричала в ночь, а по щекам ее текли слезы.

— Я требую, чтобы ты появилась! Мы с подругой перенесли множество невзгод, прежде чем

предстать тут перед тобой! Земля выхаркнула нас голыми в этот мир! А мы прорвались на самую его вершину! Мы испытали жестокое обращение, нас бросало туда-сюда по прихотям, нам непонятным! Твоя длань проникла в самые наши души и попыталась лишить нас достоинства, но мы не сломались! Я требую, чтобы ты вышла и ответила мне! Ответила за все, что ты натворила! Или всю свою оставшуюся жизнь я посвящу полному твоему уничтожению! Я тебя не боюсь! И готова драться!

Сирокко даже не замечала, что Габи тянет ее за рукав. Наконец все-таки заметила и опустила полные слез глаза. Габи явно была напугана, но стойко держалась рядом.

— Рокки, — робко заметила она, — может, она по-земному не понимает?

Тогда Сирокко пропела свой вызов по-титанидски. Она выбрала высокий, помпезный лад, каким обычно излагают сказания. Мрачные твердые стены отшвыривали ее песнь обратно — и вскоре вся черная ступица огласилась вызывающей музыкой.

Пол задрожал.

— Яаааааааааа…

Единственный звук, слово земного языка —

подлинный ураган голоса.

— Теееебяаааааа…

Рухнув на четвереньки, Сирокко ошалело смотрела на припавшую к самому полу Габи.

— Слыыыыыышууу…

Минуту за минутой слова все вторились и вторились, постепенно обращаясь в далекий басовый рокот затихающих сирен воздушной тревоги. Пол угомонился, и Сирокко подняла голову.

Белый свет ослепил ее. Прикрывая глаза ладонью, она отчаянно щурилась, но смотрела.

Одна из стен оказалась занавесом, и занавес этот теперь поднимался. Шел он от пола до потолка — пять километров в вышину. Позади занавеса открылась хрустальная лестница. Зловеще посверкивая, лестница уходила в сияние настолько ослепительное, что Сирокко просто не могла туда смотреть.

Габи опять тянула ее за рукав.

— Бежим отсюда, — настойчиво шептала она.

— Нет. Я пришла с ней поговорить.

Сирокко заставила себя упереться ладонями в пол и толкнуться вверх. Встать на ноги было просто; а вот держаться на них — куда сложней. Ей уже ничего так не хотелось, как последовать

предложению Габи. Вся бравада казалась теперь приступом непонятного опьянения.

И все-таки она пошла к свету.

Проход составлял 200 метров в ширину и ограничивался хрустальными колоннами, которые, судя по всему, были не чем иным, как верхними окончаниями подвесных тросов. Взглянув выше, Сирокко заметила, как тросы расплетаются и каждая жила, выводя замысловатый узор, в конце концов соединяется с каким-то подобием плетеной корзины, что покрывала далекую крышу. Здесь и располагался тот сверхъестественно мощный анкер, что скреплял Гею воедино.

Тут Сирокко нахмурилась. Одна из жил была порвана. При внимательном рассмотрении выяснилось, что весь потолок напоминает свитер, с которым вволю поиграл котенок — хватало там всяких узлов и обрывков.

При виде разрушений Сирокко немного полегчало. Пусть Гея и могущественна, однако она знавала лучшие дни.

Наконец женщины достигли подножия лестницы и ступили на нее. Первая ступенька испустила басовую органную ноту, которая так и висела в воздухе, пока они поднимались дальше. Седьмая ступенька добавила полутон, тринадцатая

— еще полутон. Путницы медленно шествовали по хроматической гамме, а когда первая октава закончилась, к основному тону стали примешиваться обертоны.

Потом по обеим сторонам вдруг взревело оранжевое пламя. Женщины от неожиданности подскочили метра на два, прежде чем низкая гравитация их остановила.

Наконец Сирокко опять начала звереть — и сама тому обрадовалась. Да, эта жуткая демонстрация грубой силы явно была рассчитана на то, чтобы у самого отважного застучали зубы и задрожали коленки. Но на Сирокко она почему-то оказала противоположный эффект. Богиня там, не богиня — на кой черт нужны эти дешевые трюки? Поиграть на и без того уже оголенных нервах? Такое божество Сирокко поставила бы на одну доску с лихим карточным шулером.

— Дэвида Копперфилда этой дамочке не переплюнуть, — заметила Габи, и Сирокко чуть не расцеловала ее за эти слова. Вот именно, трюкачество — да и только. Какому же божеству все это могло потребоваться?

Огни потухли — но только затем, чтобы тут же подскочить вдвое выше, лизнуть потолок и сделаться стенами желто-оранжевого туннеля.

Женщины шли дальше.

Впереди возвышались врата из меди и золота. Бесшумно распахнувшись, они снова закрылись позади путниц.

Музыка наросла до безумного крещендо, пока две женщины приближались к огромному трону, окруженному светом. К тому времени, когда они достигли широкого мраморного помоста на самом верху лестницы, обратиться лицом к трону было уже просто немыслимо. Жар оттуда шел страшный.

— Говори.

И только слово прозвучало — сказанное тем же низким тоном, что и тогда, снаружи, но как-то более по-человечески, — как свет начал тускнеть. Бросая опасливые взгляды в сторону трона, Сирокко различила там, в световой дымке, высоченную и широченную человеческую фигуру.

— Говори — или возвращайся откуда пришла.

Прищурившись, Сирокко разглядела круглую голову на толстой шее, глаза, горящие подобно угольям, полные губы. Гея, добрых четыре метра ростом, стояла перед своим троном на двухметровом пьедестале. Чудовищное брюхо, могучие груди… Одни руки и ноги привели бы в ужас любого борца-тяжеловеса. Тело цвета зеленых

оливок было совершенно голым.

Пьедестал вдруг изменил свой облик — и превратился в усеянный цветами травянистый холм. Ножищи Геи сделались стволами деревьев, ступни ее корнями ушли в почву. Мелкие зверьки стояли подле нее, пока летучие твари кружили над ее головой. Гея в упор смотрела на Сирокко, и мощное ее чело понемногу затуманивалось.

— Я… ну да, я буду, буду говорить. — И Сирокко уже открыла было рот, чтобы говорить, недоумевая мимоходом, куда же подевался весь ее праведный гнев, — как вдруг взглянула на Габи. А та буквально тряслась, не сводя сверкающих глаз с Геи.

— Я была здесь, — шептала она. — Я здесь была.

— Тсс, — прошипела Сирокко, толкая подругу локтем. — Потом разберемся. — Утерев со лба пот, она снова повернулась лицом к Гее.

— О Великая… — «Нет! Не лебезить! Так говорила Апрель. Гея любит героев. Эх, Апрель, только бы ты не ошиблась!»

— Мы… гм, я и еще шестеро прилетели… мы прилетели с планеты Земля, уже довольно… не знаю, как давно… — Сирокко запнулась и наконец поняла, что по-земному у нее не выйдет.

Тогда она перевела дыхание, расправила плечи — и запела.

— Не знаю, как давно, мы прилетели сюда с миром. По твоим меркам, нас было совсем немного, и никакой угрозы мы для тебя не представляли. Мы были невооружены. И тем не менее подверглись грубой атаке. Наш корабль был уничтожен раньше, чем у нас появилась возможность изложить наши намерения. Против нашей воли мы оказались в заточении, причем в условиях, губительных для нашего разума. Мы лишились возможности связаться друг с другом или с нашими товарищами на Земле. В нас были произведены перемены. Один из моих товарищей после такой обработки сошел с ума. Другая, когда я последний раз ее видела, была близка к безумию. Третий более не нуждается в обществе своих сородичей, а четвертый потерял большую часть своей памяти. Еще одна изменилась до неузнаваемости; она больше не желает знать родную сестру, которую когда-то страстно любила.

Все это кажется нам чудовищным. Думаю, с нами обошлись несправедливо и мы заслужили право на объяснение. Мы подверглись дурному обращению — и заслуживаем справедливости!

Довольная, что все выложила, Сирокко чуть

расслабилась. Все дальнейшее уже от нее не зависело. Вряд ли стоило и дальше себя дурачить — биться с этим монстром ей не под силу.

Гея еще больше помрачнела.

— Я не подписывала Женевских соглашений.

Сирокко аж рот разинула. Она, правда, понятия не имела, что ожидала услышать, — но уж, во всяком случае, не такое!

— Да кто же ты такая? — Слова вырвались раньше, чем Сирокко успела себя одернуть.

— Я Гея, великая и мудрая. Я мир, я истина, я закон, я…

— Значит, ты — вся эта планета? Апрель говорила правду?

Быть может, неразумно было перебивать богиню, но Сирокко ощущала себя Оливером Твистом, напрашивающимся на очередную взбучку. Все равно надо как-то бороться.

— Я еще не закончила, — пророкотала Гея. — Но вообще-то — да. Я Земная Матерь — хотя и не с вашей Земли. От меня проистекает вся жизнь. Я одна из целого пантеона, что простирается до звезд. Зовите меня титаном.

— Так значит, это ты…

— Довольно. Я слушаю только героев. Ты упоминала о великих деяниях, когда пела свою песню.

Теперь расскажи про них — или уходи навсегда. Спой мне про свои приключения.

— Но я…

— Пой! — загремела Гея.

И Сирокко запела. Повествование заняло несколько часов, так как, хотя Сирокко и старалась его ужать, Гея настаивала на всех деталях. Титанидский язык прекрасно для этого подходил; пока Сирокко держалась возвышенного лада, никаких неуклюжих фраз спеть было просто невозможно. Закончив, она почувствовала законную гордость и стала чуть поуверенней.

Гея, казалось, размышляла. Сирокко нервно переминалась с ноги на ногу. Ноги болели. «Вот так, — подумала она, — устать можно от всего на свете».

Наконец Гея снова заговорила.

— Славная вышла повесть, — признала она. — Давно, очень давно я ничего такого не слышала. Ты воистину героиня. Я побеседую с вами в моих палатах.

Не успела богиня договорить, как уже испарилась. Осталось лишь пламя — да и то, немного померцав, вскоре угасло.

Сирокко и Габи огляделись. Они стояли в громадном куполообразном зале. Лестница позади

них, теперь уже неосвещенная, тянулась вниз — в темное нутро ступицы. Ржавые сопла вдоль лестницы вовсю дымили. Время от времени слышался резкий треск охлаждающегося металла. В воздухе висел запах горелой резины.

На тусклом и растрескавшемся мраморном полу ясно отпечатались их следы. Место это напоминало ветхий и захудалый оперный театр — когда там вдруг зажигают свет и разгоняют все иллюзии.

— Навидалась я тут уже всяких чудес, — заметила Габи, — но это — самое стремное. Куда нам теперь?

Сирокко молча указала налево, на небольшую дверцу в стене. Дверца была приоткрыта, и свет струился сквозь щель.

Распахнув ее, Сирокко со все нарастающим чувством чего-то знакомого огляделась, затем ступила внутрь.

Женщины вошли в большую залу с четырехметровым потолком. Пол там составляли прямоугольнички молочно-белого стекла. Снизу пробивалась подсветка. Стены были обшиты выкрашенными в бежевое деревянными панелями. Всюду висели старинные картины в золоченых рамах. Мебель была времен Людовика XIV.

— Что, дежа вю? — спросил голос из дальнего конца залы. Там стояла коренастая женщина в просторной хламиде без пояса. Гею она напоминала в той же мере, в какой резной кусок мыла может напоминать скульптуру «Пьета» Микеланджело.

— Садитесь, садитесь, — радостно предложила она. — Здесь церемониться нечего. Весь шик-блеск вы уже посмотрели; теперь перед вами горькая правда. Может, что-нибудь выпьете?

ГЛАВА XXIV

Сирокко зареклась составлять предвзятые мнения.

— Знаете что? — испытывая легкое головокружение, обратилась она к Гее. — Если вы мне сейчас скажете, что «Укротитель» никогда не покидал земной орбиты, что все это происходило на голливудской съемочной площадке, я даже глазом не моргну.

— Вполне естественная реакция, — утешила ее Гея.

Проковыляв по залу, она принесла бокал вина для Габи и двойной скоч со льдом для Сирокко. По пути она поправила картины, потрепанным подолом юбки смахнула пыль со столов.

Сложением приземистая Гея очень напоминала бочонок. Бурая морщинистая кожа. Нос картошкой. Но в уголках глаз и чувственного рта проглядывали лукавые морщинки.

Сирокко все пыталась понять, кого ей напоминает это лицо, — старательно избегая при этом строить всяческие теории. У. К. Филдса? Нет, разве что нос. Наконец она поняла. Гея до боли напоминала ей Чарлза Лафтона в фильме

"Личная жизнь Генриха VIII".

Сирокко и Габи уселись в разных концах изрядно потрепанной кушетки. Поставив рядом с каждой на приставной столик по бокалу, Гея опять засеменила по залу. Наконец ей удалось втиснуть свою тушу на кресло с высокой спинкой. Тяжко вздохнув, богиня сплела пальцы на коленях.

— Спрашивайте, о чем хотели, — предложила она и чуть подалась вперед в ожидании.

Сирокко и Габи переглянулись, затем снова посмотрели на Гею. Вышла краткая пауза.

— Вы знаете наш язык, — сказала Сирокко.

— Разве это вопрос?

— Откуда вы его знаете? Где вы его выучили?

— Телевизор смотрю.

Сирокко прекрасно знала, о чем ей хочется спросить, но сомневалась, стоит ли. А что, если это существо — всего лишь последний потомок строителей Геи? Никаких подтверждений тому, что Гея, как утверждала Апрель, составляет единый организм, Сирокко на видела. Зато охотно допускала, что эта мадам просто-напросто возомнила себя богиней.

— А как насчет… ну, как получилось то шоу под куполом? — спросила Габи.

Гея пренебрежительно махнула рукой.

— А, все при помощи зеркал, деточка. Ловкость рук — только и всего. — Она опустила взгляд и словно смутилась. — Я хотела вас напугать. А то вдруг вы оказались бы никакие не героини. Постаралась на славу. Ну, а когда все прояснилось, я решила, что лучше нам будет пообщаться здесь. Некоторые удобства, выпивка, еда… кстати, не желаете ли поесть? Есть и кофе. И кокаин.

— Нет, спасибо… Ой, я не ослышалась?..

— Насчет кофе?

— Насчет кокаина.

* * *

В носу у Сирокко слегка пощипывало, зато чувствовала она себя на удивление бодрой и бесстрашной — впервые с тех пор, как они вошли в ступицу. Откинувшись на спинку кушетки, она смотрела прямо в глаза существу, именовавшему себя Геей.

— Зеркала, значит? А сами-то вы тогда кто?

Гея еще шире заулыбалась.

— Сразу к самой сути, ага? Вот и славно. Люблю прямоту. — Наморщив губы, она стала, казалось, обдумывать вопрос.

— Так ты спросила, кто такая вот эта женщина

— или кто такая я? — Гея сложила руки на своих необъятных грудях, но ответа дожидаться не стала. — Вообще-то я — сразу три вида жизни. Есть само мое тело — та среда, в которой вы существуете. Есть мои творения — титаниды, к примеру, — которые мне принадлежат, но мною не контролируются. И есть также мои орудия — отделенные от меня, но тем не менее составляющие мою часть. Я обладаю определенной ментальной силой — которая, кстати, и помогла мне создать те иллюзии, что вы не так давно наблюдали. Можете называть это гипнозом и телепатией — хотя на самом деле здесь ни то ни другое.

Я способна творить существ, представляющих собою как бы экстензоры моей воли. Таких, как эта старуха. Ей восемьдесят лет, и она единственная в своем роде. Сотворила я и других, отличных от нее. Они построили эту залу и лестницу снаружи — в основном по тем планам, которые я брала из фильмов. Я, кстати, большая поклонница фильмов, и очень тебя понимаю…

— Да, но…

— Конечно, конечно, — тут же утешила Гея. — Я отвлеклась. Такая, знаете ли, досада. Приходится вот так с вами разговаривать. Недавно, когда я

сказала "я тебя слышу", я использовала в качестве гортани верхний клапан Океана, нагнетая воздух из спицы. Такая речь выкидывает дикие шутки с погодой — те три слова засыпали снегом весь Гиперион.

Впрочем, предъявляя вам это тело, я навожу вас совсем на другие мысли. А именно — что я просто-напросто сумасбродная старуха, сижу тут одна-одинешенька.

И Гея пристально посмотрела на Сирокко.

— Ведь ты так и подумала? Разве нет?

— Я… я не знаю, что и думать. Даже если вам поверить, мне так и не ясно, кто же вы все-таки такая.

— Я титан. Ты хочешь знать, что представляет собой титан? — Откинувшись на спинку кресла, Гея воззрилась куда-то далеко-далеко.

— Кто мы такие на самом деле, — вопрос далекого прошлого.

Ясно только, что мы очень древние. Нас сделали, так что мы не сами эволюционировали. Живем мы по 3 000 000 лет, а как раса уже существуем свыше тысячи наших поколений. За это время мы изменились, хотя и не через эволюционные процессы, как их понимаете вы.

Большая часть нашей истории ныне утеряна.

Нам неизвестно, ни кто нас построил, ни для какой цели. Можно лишь сказать, что строили наши создатели на славу. Их уже нет, а мы — вот они, тут. Может статься, их потомки по-прежнему живут во мне, но в таком случае они напрочь лишились былого величия. Я прослушиваю сообщения, которыми обмениваются мои сестры по всей галактике, и ни одна не упоминает о тех строителях.

Гея ненадолго прикрыла веки. Затем снова открыла глаза, явно ожидая вопросов.

— Ладно, — начала Сирокко. — Но вы опустили кучу подробностей. Как вы сюда добрались? Почему вы здесь только одна? Вы слушаете радио; так, быть может, вы способны и на трансляцию? И если так, почему вы до сих пор не связались с Землей? Если…

Гея со смешком подняла руку.

— Не все сразу, пожалуйста. А то ты уже наделала массу странных допущений.

Во-первых, с чего ты взяла, что я здесь гостья? Я родилась в этой системе — так же, как и ты. Моя исконная родина — Рея. На Япете в это самое время достигает зрелости моя дочь. Вокруг Урана кружит целое семейство титанов. Накручивает там незримые кольца. Все они меньше меня; я

самый большой титан в этих краях.

— На Япете? — переспросила Габи. — А мы как раз собирались…

— Расслабьтесь и отдохните. Я все объясню — и не нужно будет никуда собираться.

Межзвездные перелеты нам недоступны. Собственно говоря, мы вообще не можем двигаться — не считая мелких орбитальных маневров.

Так что из обода я выпускаю зародыши, которые благодаря своему вращению сразу набирают приличную скорость. Конечно, как могу, я их направляю, хотя на таких расстояниях попасть в цель довольно проблематично. Раз запущенные, яйца, естественно, собственного управления не имеют.

Падая на подходящее место — Япет здесь просто идеален: безвоздушный, каменистый, открытый для солнечных лучей, не очень большой и не слишком маленький — зародыши укореняются. Лет через 50 000 младенец-титан готов родиться. На этой стадии моя дочь уже занимала целое полушарие рождающего тела. Так Япет выглядел семьдесят пять лет назад — одна сторона была существенно ярче другой.

Затем титан-младенец стягивается, пока не становится плотной полоской, что окольцовывает

небесное тело от полюса до полюса. Так теперь выглядит Япет. Моя дочь хорошо в него углубилась. В поисках нужных ей для роста элементов она достигла ядра. Боюсь, Япет уже порядком подрастаскан. Ведь и моя бабушка, и еще раньше ее мать — все они воспользовались именно этим спутником.

Сейчас моя дочь занята синтезом горючего, которое ей потребуется, чтобы вырваться с Япета. Это случится лет через пять-шесть. Когда она окажется готова — и ни днем раньше, ибо, раз родившись, она до самой смерти вынуждена будет довольствоваться той массой, которую тогда получила, — значит, когда она окажется готова, то вырвется в космос. Япет при этом, скорее всего, расколется — подобно тому спутнику, который в конечном счете превратился в кольца Сатурна. Дальше…

— Так вы говорите, кольца появились из-за титанов? — спросила Габи.

— Разве я только что об этом не сказала? — Казалось, Гея немного рассердилась — но слишком уж ее увлекал собственный рассказ.

— Это случилось давным-давно, и лично я тут ни при чем. Так или иначе, вырвавшись на свободу, моя дочь покончит со своим теперешним

вращением и начнет крутиться подобно мне. Та ее часть, которая впоследствии станет ступицей, сейчас касается поверхности Япета. В космосе ступица сожмется, выталкивая из себя спицы. Моя дочь будет крутиться быстрее, стабилизируясь, заполняя себя воздухом, начнет воздвигать горы, готовить местность для тех существ, которые… впрочем, картина вам ясна. Боюсь, я, как любая мать, когда речь заходит о ее детях, склонна болтать лишнее.

— Нет-нет, меня вы просто заворожили, — возразила Сирокко. — А внутри вашей дочери тоже будут пузыри, титаниды и ангелы?

Гея прыснула.

— Думаю, титаниды вряд ли. В любом случае ей, как и мне, придется изобретать их самой.

Сирокко покачала головой.

— Я что-то не понимаю.

— Все очень просто. Большинство моих видов — потомки тех существ, кому титаны давали приют во времена нашего сотворения. Каждое выпущенное мною яйцо содержит зародыши несчетного множества видов, включая электронные растения. Полагаю, мои создатели не очень уважали машины. Все, что им требовалось, они просто выращивали — от одежды и жилищ до

электронных схем.

А вот титаниды и ангелы — дело другое. Пока вы к ним не привыкли, вы все недоумевали, как же это они так человекоподобны. Ответ прост. За образец я взяла людей. С титанидами вышло довольно легко, но с ангелами… вот уж головная боль! У ваших сказителей воображение явно преобладало над практической мыслью. Даже при моей низкой гравитации и высоком атмосферном давлении потребовался громадный размах крыльев, чтобы ангелы отрывались от земли. Допускаю, мои создания далеки от библейской модели — зато они настоящие! Понимаете, основная сложность заключалась в том, чтобы…

— Вы сами их сделали, — перебила Сирокко. — Все-все — с начала и до конца.

— Ведь именно это я только что и сказала, разве нет? Я изобрела ДНК. Для меня это не сложнее, чем для вас слепить из глины модель.

— Значит, все-все в них — ваша задумка. А раз основным вашим идеям вы обязаны земному радио, то титанидская цивилизация не слишком стара. Ведь, по вашим меркам, мы не так давно начали радио- и телепередачи.

— Что касается титанид, то им меньше столетия. А ангелы еще моложе.

— Но тогда… тогда вы богиня. Не хочется особенно вдаваться в теологию, но вы понимаете, о чем я.

— Если взглянуть на дело с практической стороны, то здесь, в моем уголке вселенной… да, пожалуй, я богиня. — Гея сложила руки на коленях и самодовольно ухмыльнулась.

* * *

Сирокко с тоской смотрела на дверь. Вот бы выйти туда и постараться забыть все, что здесь случилось.

"Даже если эта старуха всего-навсего последний, выживший из ума строитель — что это меняет? — спросила себя Сирокко. — Ничего! Она заправляет целым небесным телом по имени Гея. И если она даже по сути этому телу идентична — какая разница? И так и эдак — она здесь верховная владычица".

Тут, неожиданно для себя, Сирокко поняла, что своей беспечностью Гея ей даже симпатична. Но, подумав об этом, она сразу же вспомнила, зачем они вообще притащились в ступицу.

— Хочу просить вас о двух вещах, — как можно тверже начала Сирокко.

Гея подалась вперед.

— Да, пожалуйста. Тем более что и я тебя хочу о двух вещах попросить.

— Меня… вы? Попросить? — Сирокко была огорошена. Она уже и так нервничала, раз в предстоящей беседе предстояло поднять тему «Укротителя». Да, с ней и с ее командой обошлись подло, но как скажешь такое в глаза богине? Сирокко подумала, что ей бы сейчас хоть тысячную долю той бравады, с какой она стояла в ступице и выкрикивала в пустоту свои проклятия. — Интересно, что я могу для вас сделать?

Гея улыбнулась.

— Пожалуй, ты удивишься.

Сирокко взглянула на Габи. Та сделала большие глаза и тайком скрестила два пальца.

— Во-первых… ну, во-первых, насчет титанид. — Проклятье, на самом деле титаниды шли «во-вторых». Впрочем, не вредно будет прозондировать почву.

— Титанида по имени Менестрель… — Имя Сирокко пропела, затем продолжила, как и раньше. — Он просил меня — если мне все-таки удастся с вами увидеться — просил узнать, почему они должны вести войну.

Гея нахмурилась — но скорее от растерянности, чем от гнева.

— Ведь это, конечно же, ваша задумка.

— Ну да, разумеется, я это сделала. Агрессия по отношению к ангелам заложена в них генетически. Безусловный рефлекс. То же самое справедливо и для ангелов.

— Именно так мы и решили. Но раз вы их такими задумали, тому должна была быть причина…

Гея удивилась.

— Ну конечно. Я хотела устроить войну. Ни о каких войнах я, честно говоря, никогда не слышала — пока не посмотрела ваши телепередачи. Вам, людям, войны, наверное, очень нравятся — ведь вы каждые несколько лет где-нибудь кашу завариваете. Вот я и решила тоже попробовать.

Очень-очень долго Сирокко просто не знала, что и сказать. Потом вдруг заметила, что рот у нее разинут.

— В-вы… вы серьезно? Да?

— Абсолютно.

— Не знаю даже, как бы вам сказать.

Гея вздохнула.

— Вам нет смысла меня бояться. Уверяю вас, от меня вам опасность не грозит.

Габи подалась вперед.

— А откуда нам знать? Ведь вы… — Тут она заткнулась и бросила взгляд на Сирокко.

— Я уничтожила ваш корабль. Ведь именно таков пункт второй вашей повестки? Конечно, я же понимаю. Но вы еще очень многого об этом не знаете. Быть может, еще кофе?

— Спасибо, чуть погодя, — торопливо отозвалась Сирокко. — Послушайте, Гея. Или ваше священство. Или как мне вас называть…

— Гея вполне сойдет.

— …Нам не нравятся войны. Я их ненавижу, и, думаю, любой нормальный человек — тоже. Ведь вы, конечно же, видели и антивоенные фильмы.

Хмурясь, Гея прикусила костяшку пальца.

— Но их было куда меньше, а кроме того, все они так натуралистичны. Кровавой мясорубки там больше, чем почти во всех тех фильмах, где война показывается в выгодном свете. Если ты говоришь, что войну вы не любите, почему она тогда вас так завораживает?

— Честно говоря, я не знаю, что на это ответить. Зато я точно знаю, что ненавижу войну, и титаниды тоже. Им очень хочется, чтобы она прекратилась. Об этом я и пришла вас просить.

— Значит, никакой войны? — Гея с подозрением глядела на Сирокко.

— Никакой.

— Даже никаких мелких стычек?

— Ни-ни.

Гея тяжко вздохнула. Плечи ее медленно поднялись и опустились.

— Ладно, — проговорила она. — Считай, уже сделано.

— Надеюсь, больших трудностей это вам не составит, — продолжала Сирокко. — Не знаю, правда, как вы собираетесь…

— Сказано — сделано! — Залу вдруг озарила вспышка молнии, а на голове у Геи засияла огненная корона. Могучий удар грома поверг Сирокко и Габи на колени. Вскочив, Габи мигом выхватила меч и встала между Геей и Сирокко.

Миновало несколько мучительных мгновений.

— Я не хотела, — нервно всплеснув руками, вдруг заявила Гея. — Это просто… ну, вроде досады. — Она вздохнула и снова предложила им сесть.

— Вернее было бы сказать, что это уже делается, — уточнила она, когда общее волнение улеглось. — Я перебираю всех ангелов и титанид. Перепрограммирование займет некоторое время.

— Перепрограммирование? — с подозрением спросила Габи.

— Нет-нет, милочка, больно никому не будет. Всех просто поглотит земля. А через некоторое время они вылезут обратно — свободные от вражды. Ну как, довольны?

Сирокко призадумалась, нельзя ли было как-нибудь по-другому, но все же кивнула.

— Вот и славно. Теперь второй пункт. Ваш корабль. Этого я не делала.

Опережая возражения Сирокко, Гея вытянула перед собой руку. Когда убедилась, что ее не перебьют, продолжила:

— Да, знаю, я уже сказала вам, что представляю собой целый мир, что я действительно вся Гея. Некогда это была истинная правда. Теперь же это не совсем так. Не забывайте, что мне 3 001 266 лет. — Она помедлила, выразительно подняв одну бровь.

— Три миллиона… — Сирокко прищурилась. — Но ведь вы сказали, что такова средняя продолжительность вашей жизни.

— Верно. Так что я стара и по собственным меркам — не только по вашим. Следы этого вы наверняка видели и на ободе, и в ступице. Сейчас мои пустыни суше, а степи более ледяные, чем когда-либо. И мне тут ничего не поделать. Вряд ли я проживу еще каких-нибудь 100 000 лет.

Сирокко вдруг расхохоталась. Габи встревожилась, а Гея так и сидела, склонив голову набок и вежливо ожидая, когда Сирокко возьмет себя в руки.

— Извините, — выговорила Сирокко, все еще чуть задыхаясь, — но мне отчего-то трудно до конца вам посочувствовать. Каких-нибудь 100 000 лет! — Она снова расхохоталась, и на сей раз Гея ее поддержала.

— Ты права, — сказала она. — Времени послать венки еще предостаточно. Я еще могу пережить всю вашу цивилизацию. — Богиня откашлялась. — Но вернемся к тому, о чем я говорила. Я умираю. И очень многое у меня отказывает. Пока еще держусь, уверяю вас, но я уже не та, что прежде.

Представьте себе динозавра. Один мозг в голове, другой в заднице. Децентрализованное управление по всей массивной туше.

Примерно так же и у меня. Когда я была моложе, мои вспомогательные мозги работали со мной заодно — как вам подчиняются ваши пальцы. За последние полмиллиона лет многое изменилось. Я потеряла значительную долю контроля над моими удаленными областями. На ободе существуют двенадцать независимых разумов, и даже

в моем центральном нервном узле — в ступице — я поделена на две личности.

В определенной степени это соответствует древнегреческой теогонии, которая все больше становится мне по душе. Дети мои склонны проявлять злонравие, своеволие, враждебность. Я постоянно с ними борюсь. Есть там хорошие и плохие регионы. Гиперион — из самых лучших. Мы с ним прекрасно ладим.

Рея темпераментна и совершенно сумасбродна, но ее мне, по крайней мере, удается лестью и уговорами наставить на путь истинный.

Но Океан — хуже всех. Мы с ним больше не общаемся. Все, что я делаю в Океане, я делаю путем обмана, путем хитрости, путем дезориентации.

Океан и подманил ваш корабль.

ГЛАВА XXV

Чувствуя, что хватка Геи слабеет, Океан выжидал 10 000 лет. Выжидал и прикидывал. Все еще была велика опасность того, что Гея разом лишит его той зарождающейся независимости, которую он так тщательно скрывал. Обида его росла.

Почему это именно он должен быть во тьме? Он, самый могучий из океанов, вечно покрыт льдом. Жизнь, что отчаянно цепляется за его бесплодные земли, жалка и ничтожна. Большинство его детей погибли бы в свете дня. Чем так хорош Гиперион, что ему такая красота и изобилие?

Тихонько-тихонько, по нескольку метров в день, Океан тянул под землей свой нерв, пока не смог напрямую связаться с Реей. Быстро распознав в ней семена безумия, он в поисках союзника начал поглядывать на запад.

От Мнемосины толку не было. Опустошенная морально и физически, она все оплакивала потерю своих изобильных лесов. Всеми силами стараясь взлелеять в Мнемосине возмущение Геей, Океан так и не сумел одолеть всей глубины ее депрессии. Тогда он двинулся дальше.

За Мнемосиной лежал ночной регион Кроноса.

Хватка Геи здесь оказалась сильна; подчиненный мозг, что управлял той территорией, был простым орудием общего мозга и еще не развился в самостоятельную личность.

Океан двинулся дальше на запад. Сам того не сознавая, он тогда создавал коммуникационную сеть, что впоследствии объединила шесть бунтарских земель.

Преданнейшего союзника он нашел в Япете. Располагайся Япет поближе к Океану, вместе они смогли бы свергнуть Гею. Но тактика возможного переворота основывалась на тесном физическом взаимодействии, так что им оставалось лишь вместе составлять планы. Океану пришлось вернуться к союзу с Реей.

Свой выпад он сделал примерно тогда же, когда на Земле стали строить пирамиды. Без всякого предупреждения Океан остановил ток охладителей через все свое необъятное тело и через подвластные ему подвесные тросы. У восточного побережья моря, что составляло большую часть его ледяного ландшафта, под его контролем находились два речных насоса — две громадные трехкамерные мышцы, нагнетавшие воды Офиона в Западный Гиперион. Океан остановил их мощное биение. На востоке Рея проделала то же

самое с пятью насосами, что перегоняли воду через ее восточные горные кряжи, одновременно усилив работу своих насосов у Гипериона. Запертый с запада и высасываемый с востока, Гиперион начал пересыхать.

Через считанные дни прекратилось течение Офиона.

— Обо всем я узнала понаслышке от Реи, — сказала Гея. — Я уже понимала, что теряю власть над своими периферическими мозгами, но до тех пор никто не выказывал недовольства. Мне и в голову не приходило, что кто-то затаил на меня обиду.

Пока Гея рассказывала про бунт Океана, в зале постепенно темнело. Большинство светящихся напольных панелей погасли. От оставшихся исходило мерцающее оранжевое свечение. Стены залы утонули во мраке.

— Я понимала — надо что-то делать. Негодяй явно собирался разрушить все экосистемы; потом я бы тысячелетиями их восстанавливала.

— И что же вы сделали? — прошептала Габи. Сирокко вздрогнула; тихий голос Геи ее буквально заворожил.

Медленно вытянув руку, Гея сжала кулак, больше похожий на шишковатый булыжник.

— Я с-ж-а-л-а.

* * *

Чудовищная круговая мышца более 3 000 000 лет пребывала в бездействии. Функция у нее была только одна: сразу после рождения сжимать ступицу, выталкивая из нее спицы. Вся сеть тросов Геи завязывалась на эту мышцу. То было средоточие ее снастей, мощный анкер, стягивавший ее воедино.

И вот мышца дернулась.

Гигатонны льда и камня взлетели в небо.

Десять тысяч квадратных километров поверхности Океана рванулись вверх подобно скоростному лифту. Замерзшее море сделалось полужидкой слякотью, где плавали глыбы льда размерами с целые городские кварталы. По всей Рее жилы тросов рвались будто гнилые веревки, спутывались, стягивались в узлы, бешено хлестали по земле.

Мышца расслабилась.

На какие-то головокружительные мгновения в Океане воцарилась невесомость. Километровые льдины плавали будто снежинки, крутясь в урагане, что задул из ступицы.

Когда дно Океана обнажилось, пятнадцать тро-

сов отзвенели смертельную музыку мести Геи. Одни только звуки этой музыки снесли с окружающих регионов десятиметровый слой почвы. Дюжины пыльных бурь промчались по всему ободу, прежде чем буйство их наконец утихло.

Подобно руке, сжимающей теннисный мячик, мышца ступицы сокращалась и расслаблялась в двухдневном ритме, отчего вся Гея вибрировала будто резиновая петля.

Наготове у нее имелся еще один фокус, но она ждала, пока катаклизм не оставил от Океана одни голые скалы. Кроме той, что в ступице, оставались еще шесть мышц. И Гея одну из них расслабила.

Возвышавшаяся над Океаном спица сократилась вдвое от своего нормального диаметра. Неделю лишенные воды, деревья в ней сделались суше трута. Они трещали, теряли свою упорную хватку в плоти Геи — и наконец начали падать.

Падая, они вспыхивали. Океан обратился в пылающий ад.

* * *

— Я собиралась выжечь негодяя, — сказала Гея. — Хотела навеки его заклеймить.

Закашлявшись, Сирокко потянулась к своему

забытому бокалу. Кубики льда тревожно звякнули в сумрачном безмолвии.

— Он был очень глубок, но я таки вселила в него страх Божий. — Гея негромко усмехнулась. — По ходу дела я и себя пожгла — огонь повредил мой нижний клапан. С тех пор я каждые семнадцать дней обрушиваю на мерзавца шум и ураганы. Все это вовсе не мой Плач, а мое предостережение. Но усилия того стоили. Несколько тысячелетий он вел себя вполне прилично. Да, верно, двенадцать богов не могут сообща управлять миром. Древние греки знали, что говорили.

Загвоздка, однако, в том, что наши с ним судьбы связаны навеки. Океан — часть меня, так что, в вашем понимании, я безумна. Это в конечном счете всех нас уничтожит — и дурных, и хороших.

Но он держался молодцом — до самого вашего появления.

Еще за несколько суток до вашего подлета я уже планировала с вами связаться. В мои намерения входило зацепить вас внешними захватами Гипериона. Уверяю вас, все вышло бы очень аккуратно. Ни стеклышка бы не разбилось.

Океан воспользовался моей слабостью. Мои органы радиопередачи находятся на ободе. Там их три, но один давным-давно сломался. Два

других расположены в Океане и Крие. Крий мне верен, однако Рее с Тефидой удалось уничтожить его передатчик. И все мои органы связи вдруг оказались в руках Океана.

Тогда я решила не делать захвата. Не имея со мной связи, вы наверняка ложно бы его истолковали.

Но Океан решил прибрать вас к себе.

* * *

Битва разразилась под поверхностью Океана и Гипериона. Велась она в тех громадных путепроводах, по которым подается питательная жидкость, известная как молоко Геи.

Пока решалась их судьба, все пленники были инкапсулированы в защитном желе. Темпы обмена веществ у них снизились. С медицинской точки зрения все они находились в коме и не сознавали окружающего.

Оружием войны служили насосы, качавшие питательные соки и хладагенты через подземный мир. Обе противоборствующие стороны создавали колоссальные перепады давления. Краткую весну в песках Мнемосины устроил вдруг прорвавшийся там стометровый гейзер молока.

Противники бились почти год. Наконец Океан

понял, что проигрывает. Под головокружительным давлением, которое Гея нагнетала из Япета, Кроноса и Мнемосины, трофеи потекли к Гипериону.

Тогда Океан изменил тактику. Прорвавшись к разумам пленников, он пробудил их.

— Я все время боялась, что он это сделает, — сказала Гея, когда освещение залы уже угрожало кануть в небытие. — Он провел к вашим мозгам цепочку. Мне требовалось эту цепочку рассечь. Тактику, которую я для этого применила, вам, думаю, не понять. В процессе рассечения одну из вас я потеряла. А когда вернула назад, она уже необратимо изменилась.

Океан пытался всех вас уничтожить — прежде чем я до вас доберусь. Ваши разумы, естественно, не тела. По идее, все у него легко должно было получиться. Он перегрузил вас информацией. Одному имплантировал свистовую речь, еще двоим — титанидское пение. Меня просто изумляет, что хоть кто-то из вас выжил и сохранил здравый рассудок.

— Повезло, однако, не всем, — заметила Сирокко.

— Да, и я весьма об этом сожалею. Впрочем, я еще попробую расставить все по местам.

Пока Сирокко недоумевала, что и как Гея может расставить по местам, заговорила Габи.

— Я помню, как поднималась по огроменной лестнице, — сказала она. — Я прошла златые врата и стояла у ног божества. А несколько часов назад я, кажется, побывала в том же самом месте. Можете вы это объяснить?

— Я говорила с каждым из вас, — ответила Гея. — После длительной сенсорной депривации, пребывая в умственно лабильном состоянии, ты все интерпретировала по-своему.

— А я вообще ничего не помню, — вмешалась Сирокко.

— Ты просто все стерла. А твой приятель Билл пошел еще дальше и стер чуть ли не все свои воспоминания.

Пообщавшись с вами через Гиперион, я поняла, что следует сделать. Апрель оказалась чересчур напичкана ангельской культурой и обычаями. Пытаться вернуть ее к прежнему состоянию значило ее уничтожить. Тогда я переместила ее в спицу и там позволила ей обрести собственную судьбу.

У Джина было плохо с рассудком. Отправив его в Рею, я понадеялась, что он останется от вас в стороне. Пожалуй, следовало его уничтожить.

Сирокко вздохнула.

— Нет. Я тоже оставила его в живых, когда могла убить.

— Ты меня утешила, — сказала Гея. — Что же касается всех остальных, то вас срочно требовалось вернуть в сознание. Не оставалось даже времени собрать вас вместе. Я надеялась, что рано или поздно вы сюда все-таки доберетесь. Так оно и вышло. А теперь вы можете отправляться домой.

Сирокко вскинула глаза.

— Да-да. Спасательный корабль уже здесь. Командует им капитан Валли Свенссон, и…

— Валли! — в один голос вскричали Габи и Сирокко.

— Ваш друг? Что ж, вы с ним скоро увидитесь. Ваш друг Билл с ним уже две недели общается. — Гее вдруг сделалось как-то неловко, и, когда она заговорила снова, в голосе ее проскальзывала обида. — Собственно говоря, это нечто большее, чем просто спасательная миссия.

— Следовало ожидать.

— Да. Капитан Свенссон снаряжен для войны со мной. Он располагает изрядным запасом атомных бомб, и, честно говоря, мне от его присутствия не по себе. С этим, кстати говоря, связана одна из двух моих просьб. Не могли бы вы замолвить

за меня словечко? Ведь вы же знаете — никакой угрозы для Земли я не представляю.

Несколько мгновений Сирокко колебалась — и теперь понервничать пришлось уже Гее.

— Да. Думаю, я смогу все уладить.

— Спасибо огромное. Вообще-то он не говорил, что собирается меня бомбить, а когда обнаружил, что здесь находятся выжившие члены экипажа «Укротителя», эта ужасная перспектива сделалась еще более отдаленной. Я подцепила несколько его поисковых кораблей, и теперь они строят базовый лагерь неподалеку от Титанополя. Вы можете объяснить ему, что на самом деле случилось, так как мне он может не поверить.

Сирокко кивнула. Потом долго молчала, ожидая, что Гея продолжит. Но та тоже молчала — и, в конце концов, заговорить пришлось Сирокко.

— А нам-то на каком основании всему этому верить?

— Ни на каком. Никаких доказательств я вам предоставить не могу. Могу только просить поверить тому, что рассказала.

Сирокко снова кивнула и встала. Сделать это она попыталась непринужденно — но получилось все равно неожиданно. Габи, явно сконфуженная, тоже встала.

— Было весьма занимательно, — сказала Сирокко. — Спасибо за кокаин.

— Стоит ли так торопиться? — после недоуменной паузы отозвалась Гея. — Когда вы вернетесь на обод, напрямую общаться с вами я уже не смогу.

— А вы мне открытку пошлите.

— Не послышалось ли мне раздражение?

— Не знаю. Может, и послышалось. — Сирокко вдруг и вправду озлилась — причем сама не зная почему. — Вам виднее. Вы тут сидите и все знаете. А я — ваша пленница, как ни крути.

— Это не совсем так.

— У меня на все про все одни ваши заверения. На целую тьму всяких вещей. Вы затащили меня в залу из какого-то древнего фильма. Представились кряжистой старушенцией. Позволили мне предаться моему единственному пороку. Притушили свет и поведали длинную и малоправдоподобную историю. Во что же мне предлагается верить?

— Сожалею, что ты так все восприняла.

Сирокко устало повесила голову.

— Проехали, — буркнула она. — Я просто немного не в духе — только и всего.

Габи подозрительно на нее покосилась, но про-

молчала. Сирокко это не понравилось. Раздражение еще усилилось, когда Гея вдруг прицепилась к ее словам.

— "Не в духе"? Могу представить отчего. Ты выполнила задуманное. Одолела великие угрозы и тяготы. Остановила войну. А теперь возвращаешься домой.

— Эта война меня по-прежнему тревожит, — медленно проговорила Сирокко.

— А что такое?

— А то, что не верю я вашему рассказу. По крайней мере, какой-то его части. Если вы на самом деле хотите, чтобы я замолвила за вас словечко, скажите настоящую причину, почему титаниды с ангелами так долго друг друга мутузили.

— Для практики, — охотно пояснила Гея.

— Как-как?

— Ну, для тренировки. Врагов у меня нет. Инстинктов, которые помогли бы мне вести войну, — тоже. Я понимала, что скоро встречусь с людьми, а все, что я о вас знала, просто кричало о вашей агрессивности. Ваши сводки новостей, ваши фильмы, ваши книги — там сплошные убийства, грабежи, насилие.

— Так вы готовились с нами воевать?

— Лишь изучала приемы. На случай, если при-

дется.

— И что вы наизучали?

— Прежде всего — что не очень-то я и страшная. Да, я могу уничтожить ваши корабли, если они подойдут достаточно близко, — но только и всего. Зато вы меня уничтожите, не успею я и глазом моргнуть. Я ничего не смыслю в стратегии. Моя победа над Океаном — всего-навсего ловкость в выламывании рук. Стоило же прибыть вам, людям, как Апрель революционизировала ангельские налеты, а Джин чуть было не обеспечил новым оружием титанид. Таким оружием, впрочем, я бы и сама их снабдила. Я видела достаточно ковбойских фильмов, чтобы понять, как действуют лук и стрелы.

— Почему же вы этого не сделали?

— Я надеялась, что они все сами изобретут.

— Почему же они не изобрели?

— Потому что они совсем новые виды. И изобретательности им не хватает. Тут моя вина — я никогда не была очень оригинальна. Грандиозную песчаную бурю в Мнемосине я тоже украла из фильма. В Фебе живет гигантская обезьяна, которой я очень горжусь, но и она — всего-навсего имитация. Титанид я взяла из мифологии. Хотя их половые органы — моя оригинальная задумка. —

Гея приняла самодовольный вид — и Сирокко едва не ухмыльнулась. — Так что тела я делать могу, но когда требуется придать этим телам… ну, хотя бы простое злонравие, свойственное вам, людям… тут я бессильна.

— Злонравие, впрочем, вы у нас позаимствовали, — заметила Сирокко.

— Прошу прощения?

— Не надо невинность разыгрывать. Есть одно дельце — определенной важности для меня, Габи и Август, — о котором вы почему-то упомянуть забыли. До сих пор я вам в той или иной мере верила, но теперь у вас есть шанс окончательно убедить меня в вашей правдивости. Почему мы забеременели?

Гея долго-долго молчала. Сирокко уже готова была пойти на попятный. В конце концов, Гея по-прежнему оставалась богиней; стоило ли ее гневить?

— Да, — наконец произнесла Гея. — Это моя работа.

— Вы думали, нам понравится?

— Нет, уверена была, что не понравится. Теперь я сожалею, но это было сделано.

— И уничтожено.

— Я знаю. — Гея вздохнула. — Искушение было

слишком велико. Ведь у меня появился шанс вывести новый гибрид — тот, что включил бы в себя все лучшее из обоих видов. Я надеялась возродить… а, впрочем, неважно. Я это сделала — и не пытаюсь искать оправданий. И гордиться тоже тут нечем.

— Что ж, приятно хоть это услышать. А вообще-то, Гея, так поступать не следует. Мы, как и вы, мыслящие создания и заслуживаем более достойного обращения.

— Теперь-то я понимаю, — сокрушенно произнесла Гея. — Хотя к таким представлениям трудно привыкнуть.

Сирокко пришлось признать, что 3 000 000 лет пребывания богиней не могут не наложить своего отпечатка.

— Я тоже хочу спросить, — вдруг сказала Габи. До этого она долго молчала, явно предоставляя Сирокко вести все переговоры. — Что, этот поход был так уж необходим?

Сирокко, у которой на этот счет также имелись сомнения, настороженно ожидала.

— Ты права, — признала Гея. — Я могла бы доставить вас прямо сюда. Это очевидно, раз уж я сказала, что доставила Апрель в спицу. Был бы, конечно, определенный риск в связи с еще одним

периодом изоляции, но я вполне могла бы снова погрузить вас в сон.

— Почему же вы этого не сделали? — осведомилась Сирокко.

Гея развела руками.

— Что ж, теперь давайте начистоту, ладно? Во-первых, я не знаю, чего я вам такого задолжала. А во-вторых, я — и это, между прочим, по-прежнему в силе — несколько вас побаивалась. Не вас лично, а вообще людей. Вы склонны к поспешности.

— С этим трудно спорить.

— Ведь вы все равно сюда добрались, не так ли? Именно это я и хотела проверить — хватит ли у вас сил и терпения. И вы, кстати говоря, должны быть мне за это благодарны. Вы провели незабываемое время.

— Представить себе не могу, чтобы вы…

— Послушайте, ведь мы договорились начистоту. Что, вас и вправду так радует перспектива возвращения домой? А? Только честно.

— Ну конечно же, мы…

— Буквально все в вас говорит о том, что вы вовсе не рады. У вас была большая цель — добраться сюда. Теперь все закончилось. Ведь это было лучшее время вашей жизни. Если хватит духу, попробуйте это отрицать.

От возмущения Сирокко чуть не лишилась дара речи.

— Да вы что? Как вы можете так говорить? Прямо у меня на глазах чуть не убили любимого мужчину. Меня и самое чуть не убили. Нас с Габи изнасиловали. Трое из нас прошли через аборт. Апрель превратилась в монстра. Август…

— Изнасиловать вас запросто могли и на Земле. Что же до остального… разве вы рассчитывали, что все будет легко и просто? Насчет аборта я действительно сожалею; больше такого не повторится. А в остальном — скажи, Сирокко, разве ты меня винишь?

— Ну, вообще-то я думаю, что вы…

— Тебе просто хочется меня обвинить. Тогда будет проще отсюда улететь. Тебе очень тяжело признать, что, несмотря на все несчастья твоих друзей — вины за которые ты, кстати говоря, не несешь, — что, несмотря на все это, ты пережила великолепное приключение.

— Более наглой лжи…

— Вот что, капитан Джонс. Я смею утверждать, что в капитаны ты никогда не годилась. Да, справлялась ты прекрасно. В чувстве долга тебе не откажешь. Ты справляешься чуть ли не со всем, за что берешься. Но ты не капитан. Не нравится

тебе раздавать народу всякие приказы. Тебе по душе независимость. Тебе нравится отправляться в неведомые земли и выделывать там что-нибудь такое героическое. В прежние времена ты непременно сделалась бы путешественником или пиратом.

— Если бы родилась мужчиной, — уточнила Сирокко.

— Это оттого, что у женщин только в последнее время прорезался вкус к приключениям. Космос стал для тебя единственным достойным рубежом. Но его освоение проходит так упорядоченно, цивилизованно. Скучно, короче говоря. Это не для тебя.

Сирокко сдалась и оставила попытки возразить. Все это казалось ей так надуманно, что она позволила Гее и дальше нести околесицу.

— Да-да. В капитаны ты не годишься. А годишься ты именно для того, что последнее время проделывала. Ты взбиралась на неприступную гору. Общалась с удивительными существами. Потрясала кулаками перед неведомым и плевала в глаза божеству. Все это ты проделала. Тебе бывало больно; если ты пойдешь по этой дорожке и дальше, будет еще больнее. Ты будешь голодать, околевать от холода, истекать кровью и падать

от усталости. Так чего тебе хочется? Провести остаток жизни за письменным столом? Тогда отправляйся домой. Тебя там ждут.

Глубоко-глубоко в бездонном изгибе ступицы послышался негромкий вой ветра. Где-то там громадные массы воздуха втягивались в вертикальную трубу 300 километров вышиной — трубу, населенную ангелами. Сирокко вздрогнула и глянула на Габи. Та улыбалась. "Интересно, что она поняла такого, чего не поняла я", — удивилась Сирокко.

— Так что вы мне предлагаете?

— Очень и очень долгую жизнь — с большими шансами на то, что она окажется совсем краткой. Я предлагаю добрых друзей и жестоких врагов, вечный день и бесконечную ночь, вдохновенную песнь и крепкое вино, победы и тяготы, славу и отчаянье. Я предоставляю тебе возможность прожить такую жизнь, какую ты никогда не проживешь на Земле. Какую не проживешь и в космосе. Но прожить которую ты все-таки надеешься.

Мне нужен мой представитель на ободе. У меня там давно такого не было, ибо требования мои высоки. Я могу наделить тебя определенными возможностями. Задания ты будешь определять

сама, сама будешь выбирать рабочее время и нужных сотрудников, сама во всем разбираться. С моей стороны будет лишь некоторая помощь — но никакого вмешательства.

Как тебе понравится стать здесь Феей?

ГЛАВА XXVI

Сверху базовый лагерь экспедиции казался уродливым бурым цветком. Словно рваная рана открылась в почве к востоку от Титанополя — и уже начала выпускать наружу людей Земли.

Казалось, это никогда не кончится. Прямо на глазах у Сирокко, наблюдавшей за высадкой из свистолетовской гондолы, почва выпустила наружу громадную пилюлю синего студня. Пилюля тут же завалилась набок. Затем обволакивающее вещество быстро растаяло — и явило на свет Божий серебристый вездеход. Вспенив целое море грязи, машина неторопливо подобралась к ровному ряду из шести своих близнецов, что выстроились у комплекса несгораемых куполов. Наконец, из вездехода выбрались пятеро пассажиров.

— Шикарно вытряхиваются, — заметила Габи.

— Да уж. И это только наземная партия. Валли держит корабль в сторонке. Боится, что подцепят.

— А ты уверена, что хочешь туда спуститься? — спросила Габи.

— Хочу, не хочу. Должна. Сама знаешь.

Кельвин окинул лагерь критическим оком и хмыкнул.

— Если тебе все равно, — сказал он, — я лучше останусь здесь. А то еще сболтну чего-нибудь.

— Не беспокойся, Кельвин. Я смогу тебя защитить.

— Это еще надо проверить.

Сирокко пожала плечами.

— А ты, Габи? Тоже хочешь остаться?

— Я туда же, куда и ты, — просто ответила Габи. — Пора бы уже запомнить. А как ты думаешь, Билл еще там? Может, его уже эвакуировали?

— Думаю, он ждет. И, кстати говоря, я должна спуститься хотя бы ради того, чтобы взглянуть вот на это.

Она указала на блестящую груду металла в километре к западу от лагеря, также расположившуюся на цветке из вывернутой наружу почвы. Никакой конструкции в груде не проглядывало — не было ни малейшего намека на то, что когда-то она представляла из себя нечто большее, чем просто свалка металлолома.

То были останки "Укротителя".

— Ну, пора прыгать, — сказала Сирокко.

* * *

— ...А также утверждает, что действительно защищала наши интересы в течение всего упомянутого акта агрессии. Никаких конкретных доказательств данных утверждений я предложить не могу. По существу, никаких доказательств здесь быть и не может, если не считать чисто прагматического, а именно — ее поведения на протяжении достаточно длительного периода времени. Однако я также не вижу никаких доказательств того, что она представляет собой какую-либо угрозу человечеству — сейчас или в будущем.

Откинувшись на спинку стула, Сирокко потянулась за стаканом воды, желая, естественно, чтобы там оказалось вино. Тьфу, вода. Перед этим она проговорила битых два часа — и лишь изредка ее отчет со своими подробностями и уточнениями перебивала Габи.

Находились они под округлым куполом, где располагался главный штаб наземной партии. Места в помещении вполне хватило семерым собравшимся там офицерами, Сирокко, Габи и Биллу. Двух женщин доставили туда сразу после приземления, представили всем присутствующим и предложили приступить к докладу.

Сирокко чувствовала себя не в своей тарелке. Команда «Союза» и Билл щеголяли немнущейся, алой с золотом униформой, без единого пятнышка. От них буквально несло чистотой.

И смотрелись они, на вкус Сирокко, чересчур по-военному. Экспедиция «Укротителя» всячески этого избегала — отменены были даже все воинские звания, за исключением капитанского. В то время, когда запускали «Укротитель», НАСА как раз мучительно стирала свою военную родословную. Их экспедиция снаряжалась под покровительством ООН, хотя отрицание ее американских корней было бы откровенным лукавством.

"Союз" же самим своим названием свидетельствовал, что народы Земли вступили в более тесное сотрудничество. А многонациональный экипаж окончательно доказывал, что эксперимент «Укротителя» сплотил всех для достижения общей цели.

Но военная униформа ясно говорила Сирокко, что это за цель.

— Итак, вы советуете нам продолжать мирную политику, — сказал капитан Свенссон. Он общался с присутствовавшими через телевизор, установленный на складной стол в центре по-

мещения. Другой мебели, кроме стульев и стола, под куполом не было.

— Самое большее, что ты можешь потерять, это исследовательскую партию. Пойми, Валли. Гея прекрасно сознает, что дальше последует чисто военный акт и что следующий корабль будет вообще без экипажа. Что там будет только здоровенная водородная бомба.

Лицо на экране помрачнело. Затем Свенссон кивнул.

— Извини, я тут отвлекусь на минутку, — сказал он. — Надо обсудить это с моим штабом.

И он уже отвернулся было от камеры, но затем вдруг помедлил.

— А ты-то как, Рокки. Ты не сказала, что ей веришь. Так правду она говорит или нет?

Сирокко ни секунды не колебалась.

— Да, это правда. Можете на нее положиться.

Лейтенант Григорьев, командир наземной партии, подождал, пока окончательно не убедился, что больше капитан говорить не собирается, — и только тогда встал. Симпатичного парня несколько портил тяжелый подбородок и — во что Сирокко верилось с трудом — принадлежность к Советской Армии. Григорьев казался совсем еще мальчишкой.

— Могу я вам чем-нибудь услужить? — спросил он на безупречном английском. — Должно быть, на обратном пути вы успели проголодаться.

— Мы поели как раз перед прыжком, — ответила Сирокко по-русски. — Вот если бы кофе?..

* * *

— А ведь рассказ-то ты свой не закончила, — говорил Билл. — Вопрос еще в том, как вы добирались назад после столь плодотворной беседы с божеством.

— Мы прыгнули, — потягивая кофе, ответила Сирокко.

— Вы…

Они с Биллом и Габи сдвинули свои стулья в один «угол» круглого помещения, пока офицеры «Союза» шикали друг на друга перед экраном телевизора. Билл держался молодцом. Он пока еще ходил с костылем, и нога, когда он на нее вставал, явно побаливала, но настроение у него было превосходное. Докторша с «Союза» обещала прооперировать его, как только он окажется на борту, и заверила, что после всех процедур нога будет как новенькая.

— А что такого? — с легкой улыбкой спросила Сирокко. — Не зря же мы всю дорогу тащили эти

проклятые парашюты. Грех было не пустить их в дело. — Рот Билла все еще был разинут. Тогда Сирокко рассмеялась и утешения ради положила ему руку на плечо. — Конечно, мы долго думали, прежде чем прыгнуть. Но на самом деле никакой опасности не было. Гея придержала для нас верхний и нижний клапаны и подозвала Свистолет. Мы провели 400 километров в свободном падении и приземлились прямо пузырю на спину. — Она протянула свою чашечку, подождала, пока один из офицеров нальет туда кофе, затем снова повернулась к Биллу.

— Но я уже наговорилась. А у тебя-то что? Как тут дела?

— Ну, здесь ничего такого сногсшибательного. Кельвин меня лечил. Еще я с одной титанидочкой познакомился.

— Лет-то ей сколько?

— Ей… вот ненормальная, да мы же языком занимались! — рассмеялся Билл. — Я выучился напевать «пи-пи», "а-а" и "Билл ням-ням". Славное было время. Потом я все-таки решил оторвать зад от койки и что-нибудь такое сделать, раз уж ты меня с собой не взяла. Я завел с титанидами разговоры о том, в чем я худо-бедно разбираюсь. Понятно, об электронике. Выяснил и про медную

лозу, и про аккумуляторных червей, и про орехи с интегральными схемами. Короче, довольно скоро у меня уже был и приемник и передатчик.

Взглянув на потрясенное лицо Сирокко, Билл ухмыльнулся.

— Так значит, несложно было…

Он покачал головой.

— Это как посмотреть. Ты все еще думаешь о такой рации, которая брала бы аж до Земли. Такую я сварганить не могу. То, что у меня вышло, — штука довольно хилая. По ней я могу говорить с «Союзом» — да и то когда он рядом и сигналу нужно только пробиться через крышу. Но даже сделай я рацию до твоего ухода, ты бы все равно отчалила. Что, нет? «Союз» тогда еще не прилетел, так что толку от рации все равно бы не было.

— Да, я все равно бы пошла. Были и другие заботы.

— Слышал. — Билл скривился. — Пожалуй, тогда был самый скверный момент за все это время. Только я к этим титанидам привязался, как вдруг на них невесть отчего нападает какая-то сонливость, и все табуном несутся в степь. Сначала я решил, что опять налетели ангелы, но ни одна титанида так и не вернулась. Я только дырищу в

земле и отыскал.

— Но я уже нескольких видела, — заметила Габи.

— Они понемногу выходят, — сказал Билл. — Но нас уже не помнят.

Сирокко погрузилась в свои мысли. Судьба титанид ее не тревожила. Она знала, что все у них будет в порядке и им не придется больше страдать от сражений. Грустно было только, что Волынка так ее и не вспомнит.

Посматривая на офицеров с «Союза», она недоумевала, почему никто из них не подойдет поговорить. Да, пахло от нее не очень приятно — однако Сирокко сомневалась, что причина именно в этом. Потом она с удивлением сообразила, что они ее просто-напросто боятся. И ухмыльнулась.

Тут Сирокко вдруг поняла, что к ней обращается Билл.

— Извини, я прослушала.

— Габи говорит, что всего ты еще не рассказала. Говорит, есть что-то еще и мне не вредно про это услышать.

— Вот, значит, как, — проговорила она и ожгла Габи негодующим взглядом. Впрочем, все так и так выйдет наружу.

— Просто Гея… ну, она мне тут должность предложила.

— "Должность"? — Билл удивленно поднял брови и неуверенно улыбнулся.

— Ага. «Фея». Так эта должность называется. Гея, знаешь ли, весьма романтична. Вы бы с ней быстро подружились — она тоже научную фантастику любит.

— И что же эта должность в себя включает?

Сирокко развела руками.

— Общее улаживание конфликтов неспецифической природы. Когда у нее возникает проблема, я туда отправляюсь и прикидываю, что можно сделать. Несколько здешних регионов буквально неуправляемы. Гея обещала мне ограниченный иммунитет — нечто вроде условного паспорта. Периферические мозги будут помнить, что она проделала с Океаном, и не осмелятся трогать меня, пока я буду на их территории.

— И все? Звучит заманчиво.

— Так и есть. Еще Гея обещала заняться моим образованием.

Она набьет мою бедную голову жутким количеством всяких познаний — тем же способом, каким меня научили петь по-титанидски. У меня будет ее поддержка. Никакого особенного вол-

шебства, но я буду способна разверзать землю, чтобы она поглощала моих врагов.

— Охотно верю.

— Билл, я согласилась.

— Я так и подумал.

Билл долго разглядывал свои ладони, затем поднял усталый взгляд.

— А знаешь, ты ведь и правда совсем другая, чем я думал. — В голосе его прозвучал оттенок горечи, и все же Билл принял новость лучше, чем ожидала Сирокко. — Похоже, как раз такая работа тебе и подходит. Быть левой рукой божества. — Он покачал головой. — Но, черт возьми, все-таки это дьявольское местечко. Знаешь, ведь тебе тут может и не по вкусу прийтись. Мне только-только начало тут нравиться, когда вдруг бац — и пропали все титаниды. Меня это поразило. Все выглядело так, словно кто-то взял и убрал свои игрушки — просто потому, что игра ему надоела. Откуда тебе знать, что ты не окажешься одной из таких игрушек? До сих пор ты была сама себе хозяйкой — но уверена ли ты, что ею впредь и останешься?

— Честно говоря, не знаю. Но и представить, что вернусь на Землю — к письменному столу и курсу лекций, — тоже не в состоянии. Видел же

ты этих отставных астронавтов. Хотя, конечно, я могла бы приземлиться на теплое местечко в совете директоров какой-нибудь солидной корпорации. — Сирокко рассмеялась, а Билл едва заметно улыбнулся.

— Лично я это и собираюсь сделать, — сообщил он. — Но все же надеюсь на работу в научно-исследовательском отделе. Перспектива остаться без космоса меня не гнетет. Ведь ты уже знаешь, что я возвращаюсь?

Сирокко кивнула.

— Я это поняла сразу, как только увидела твою роскошную новенькую униформу.

Билл усмехнулся — но как-то не очень весело. Они еще какое-то время друг на друга поглазели, затем Сирокко взяла его за руку. Билл уголком рта улыбнулся и небрежно чмокнул ее в щеку.

— Удачи тебе, — пожелал он.

— И тебе тоже, Билл.

В другом конце помещения тактично откашлялся Григорьев.

— Простите, капитан Джонс. Но капитану Свенссону срочно нужно с вами поговорить.

— Что, Валли?

— Рокки, мы отправили твой отчет на Землю. Там его будут анализировать, и в ближайшие

несколько дней ничего определенного не ожидается. Но мы тут присоединились к твоим рекомендациям — так что никаких проблем, думаю, не возникнет. Статус базового лагеря, скорее всего, будет повышен до культурной миссии и посольства ООН. Я бы предложил должность посла тебе, но мы тут уже привезли одного человека на случай, если наши переговоры окажутся успешными. А, кроме того, тебе, наверное, не терпится домой.

Габи и Сирокко дружно расхохотались. Потом к ним присоединился и Билл.

— Извини, Валли. Но домой я, мягко говоря, не тороплюсь. Я остаюсь здесь. И должность посла ООН не смогла бы принять, даже если б ты мне ее предложил.

— Но почему?

— Оклад не устраивает.

* * *

Сирокко не ждала, что все будет легко и просто. Так оно и вышло.

Она официально оформила свое увольнение, объяснила капитану Свенссону свои мотивы, а затем принялась терпеливо выслушивать, как Валли все более и более безапелляционным то-

ном излагает ей, почему она обязана вернуться и, раз уж на то пошло, почему обязан вернуться и Кельвин.

— Доктор говорит, его можно вылечить. Биллу можно восстановить память, а Габи снять фобию.

— Не сомневаюсь, что Кельвина можно вылечить. Но ему и так хорошо. Габи уже вылечилась. А что ты планируешь для Апрель?

— Я надеялся, ты поможешь уговорить ее вернуться, прежде чем сама окажешься на борту. Уверен, что…

— Ты сам не понимаешь, что несешь. Я остаюсь. И говорить больше не о чем. — Развернувшись на каблуках, Сирокко зашагала прочь из купола. Остановить ее никто не попытался.

На поле неподалеку от базового лагеря они с Габи все приготовили, затем стали ждать. Дело затягивалось. Сирокко уже начала нервничать, то и дело поглядывая на повидавшие виды кельвиновские часы.

Наконец из-под купола выскочил Григорьев и принялся выкрикивать приказы отряду солдат, занятых возведением гаража для вездеходов. Но почти тут же, увидев, что Сирокко спокойно ждет его неподалеку, в замешательстве остановился.

Наконец, приказав бойцам держаться наготове, лейтенант направился к двум женщинам.

— Прошу прощения, капитан Джонс, но командир Свенссон велел мне вас арестовать. — Сожаление было искренним, но руку на кобуре Григорьев все-таки держал. — Пожалуйста, прошу вас пройти со мной.

— А ты, Дима, во-он туда посмотри. — Сирокко указала поверх плеча русского лейтенанта.

Тот повернул было голову, но затем, охваченный внезапным подозрением, выхватил из кобуры пистолет. Потом, чуть отодвинувшись в сторонку и развернувшись боком, все-таки бросил взгляд на запад.

— Гея, услышь! — выкрикнула Сирокко. Григорьев нервно на нее посматривал. Тогда она, не делая никаких угрожающих жестов, просто простерла руки в сторону Реи — к Месту Ветров и тому тросу, по которому они с Габи взбирались.

По всему базовому лагерю послышались вопли.

Трос пришел в движение. По нему прокатывалась слабая, но вполне различимая волна — примерно как по садовому шлангу, если резко долбануть граблями. Эффект же от этой волны получился просто поразительный. Вокруг троса

заклубились громадные облака пыли. А в облаках этих, будто стрекозы, порхали вырванные с корнями деревья.

Наконец волна достигла земли. Место ветров вдруг вспучилось, рвануло — и в воздух полетели целые скалы.

— Уши заткните! — проорала Сирокко.

Звук обрушился внезапно — и Габи мигом полетела на землю. Сирокко шаталась, но стояла. Гром богов прокатился прямо по ней, ударная волна обратила ее одежду в лохмотья, а бешеный ветер, разом сорвав все эти лохмотья, понес их прочь.

— Смотрите! — опять выкрикнула Сирокко, по-прежнему простирая руки и медленно возводя их к небу. Никто ее не услышал, зато все увидели, как из сухой почвы вдруг забили сотни водяных струй, обращая весь Гиперион в затянутую мглой долину фонтанов. В густеющем тумане сверкнула молния, но треск ее утонул в куда более могучем реве, что все еще метался меж отдаленных стен.

Долго же этот рев затихал — и все это время никто не двигался. А когда все окончательно смолкло — спустя долгое время после того, как последний фонтан обратился в жалкую струйку, — Григорьев наконец отважился сесть. Сидел он там же, где и упал, — все таращился на трос и

на оседающую пыль.

Подойдя к лейтенанту, Сирокко помогла ему встать.

— С облегчением, Дима, — негромко поздравила она. — Передай Валли, чтобы оставил меня в покое. — И пошла прочь.

* * *

— Ловко все вышло, — чуть погодя заметила Габи.

— И все, деточка, с помощью зеркал.

— Сама-то ты как?

— Да чуть тоже в штаны не наделала. Знаешь, от такого и кончить можно. Безумно возбуждает.

— Надеюсь, слишком часто эти фокусы не потребуются.

Сирокко молча согласилась с подругой. К тому же тут требовалось точное совпадение по времени. Демонстрация — столь ужасающая, когда случилась она по команде Сирокко, — оказалась бы всего лишь необъяснимым природным явлением, начнись она раньше, чем Григорьев со своими угрозами выскочил из-под купола.

Дело заключалось еще и в том, что в течение ближайших пяти-шести часов повторить представление было бы невозможно — даже если бы

Сирокко прямо сейчас его запросила.

Оперативная связь с Геей была налажена превосходно. В кармане у Сирокко лежала самая совершенная семенная рация. Но мгновенно Гея откликаться не могла. К примеру, чтобы изобразить какую-нибудь жуть вроде только что показанной, ей требовались многие часы подготовки.

Поэтому запрос на желательный фокус Сирокко направила еще с борта Свистолета — после тщательной прикидки того, как будут разворачиваться события. С того самого момента началась нервная подтасовка времени — тут растянешь рассказ, там урежешь ответ на вопрос, — и все это при постоянном сознании того, что далеко-далеко в ступице, и у нее под ногами, уже собираются страшные силы. Преимущество Сирокко заключалось в том, что о своей отставке она могла заявить в любое время. Главную же трудность составляло точное исчисление времени, которое потребуется Валли Свенссону, чтобы решиться отдать приказ о ее аресте.

Сирокко быстро убедилась, что колдовство — занятие непростое.

С другой стороны, не вся же ее работа будет включать в себя такие хитрые трюки, как вызов

удара небесной десницы.

Карманы Сирокко распухли от всяческих штуковин, которые она захватила как вспомогательные средства на тот случай, если гром, молния и прочие страсти небесные наземную партию все-таки не угомонят. Раздобыла она эти штуковины, порыскав по Гипериону еще до того, как сесть на борт Свистолета и отправиться в базовый лагерь. Была там и восьмилапая ящерка, которая, если ее сжать, выплевывала усмиряющий реактив типа аминазина, и странное ассорти из ягод, обеспечивавшее тот же эффект при внутреннем применении. А еще — листья и кора, что вспыхивали почище магния. И, совсем уж на крайний случай, орех, формой и взрывной силой мало чем отличавшийся от лимонки.

А под черепной коробкой у новоявленной Феи хранилась целая энциклопедия всевозможных сведений о живой природе. Будь на Гее отряд девочек-скаутов, Сирокко непременно овладела бы всеми их регалиями. Она могла петь титанидам, свистеть пузырям, а также каркать, щебетать, чирикать, урчать, стонать и пукать на добром десятке языков, которые ей пока еще не довелось пустить в ход. Просто нужные собеседники не встретились.

Сирокко и Габи тревожило, что вся информация, которой предложила напичкать их Гея, в нормальные человеческие мозги может не влезть. Как ни странно, никаких проблем тут не возникло. Обе женщины даже не почувствовали каких-либо перемен. Когда требовалось что-то узнать, они это бац — и узнавали. Как будто еще в школе учили.

— Ну что, пора топать на холмы? — предложила Габи.

— Не торопись. С Валли больше проблем не будет — он не идиот и свыкнется с неизбежным. Очень скоро они поймут, что с нами куда выгоднее поддерживать добрые отношения.

Но перед уходом я тут еще кое на что хочу посмотреть.

* * *

Сирокко готовилась к сильным переживаниям. Переживания действительно нахлынули, но не столь бурно, как она боялась, — и не те, которых она ожидала. Попрощаться с Биллом оказалось и то тяжелее.

Грустно и тихо было у останков «Укротителя». Сирокко и Габи молча по ним прошлись. Порой попадались знакомые места, но чаще всего невоз-

можно было сказать, что раньше представляла собой та или иная исковерканная металлоконструкция.

Серебристая громада тускло поблескивала в изумительном предвечернем свете Гипериона, частично вкопанная в пыльную землю подобно механическому Кинг-Конгу после его падения. На взрытой земле уже успели укорениться травы. В развороченные отсеки пробралась вездесущая лоза. А в самом центре того, что раньше служило Сирокко пультом управления, расцвел единственный желтый цветок.

Сирокко надеялась найти себе что-нибудь на память о прошлой жизни, но, не будучи по натуре стяжательницей, она всегда брала с собой очень мало личных вещей. Немногие фотографии были, конечно же, съедены — вместе с путевым журналом и конвертом с газетными вырезками. Вот бы случайно наткнуться на выпускное университетское кольцо (Сирокко так и видела его там, куда в последний раз положила, — на полочке у койки), но шансов было ничтожно мало.

Невдалеке они вдруг заметили члена команды «Союза». Парень ползал по руинам, то и дело нацеливаясь куда-то камерой и, похоже, щелкая все без разбора. Сирокко сперва решила, что это

судовой фотограф, но затем поняла, что занимается он этим в личное время, пользуясь при этом личной камерой. Потом она заметила, как парень что-то подобрал и положил к себе в карман.

— Лет через пятьдесят, — заметила Габи, — здесь даже ржавого болта не останется. — Она задумчиво осмотрелась. — Вон там, по-моему, классная точка для сувенирного киоска. Рядом торгуешь хот-догами и еще какой-нибудь отравой. Черт! Чуть про пленку не забыла! Вон туда влепим киоск. И все — греби капусту лопатой.

— Но ты же не всерьез? А? Ведь не будет такого?

— Ну, тут дело за Геей. Она же сказала, что позволит людям наносить ей визиты. Стало быть — туризм.

— Но цена…

Габи рассмеялась.

— Ты капитан, все еще во временах «Укротителя» витаешь. Тогда все, что мы могли, — это всемером сюда добраться. Билл говорит, экипаж «Союза» — 200 рыл. Прикинь, как бы тебе лет тридцать назад оторвать концессию на торговлю пленкой на О'Ниле-Один?

— Я бы сейчас по уши в баксах сидела, — согласилась Сирокко.

— Вот именно. Если есть тут возможность сесть, как ты говоришь, по уши, кто-нибудь непременно сядет. Так почему бы тебе не назначить меня министром по туризму и охране памятников? А то в подмастерья к ведьме мне что-то не очень охота.

Сирокко ухмыльнулась.

— Считай, что ты уже министр. Но только поменьше взяток и протекционизма, ага? Помни, с кем дело имеешь.

С мечтательным видом Габи обвела рукой весь окружающий пейзаж.

— Я уже сейчас все себе представляю. Вон там разместим «Макдональдс» — в классическом античном стиле, разумеется. Справа — «Кэрролс», слева — «Грильмастер». К обычному меню добавим геябургеры и молочные коктейли — из молока Геи, естественно. Рекламные щиты выше пятидесяти метров я ставить не стану. И прослежу, чтобы с неоном не перебрали. Зато тексты будут первоклассные! "Насладитесь зрелищем ангелов!", "Вкусите дыхание божества!", "Одолейте пороги Офиона!", "К ипподрому — сюда! Кентавриные бега! Всего десять баксов за билет!", "Не пропустите..."...мать твою!

И Габи с диким визгом замахала руками. Земля под ней ходила ходуном.

— Черт побери! — завопила она в небо. — Я же шучу! — Потом госпожа министр косо глянула на Сирокко. А та хохотала во всю глотку.

Там, где только что стояла Габи, из-под земли вдруг вылезла рука. Потом показалось лицо и копна разноцветных волос.

Присев рядом, Сирокко и Габи стали стряхивать с титаниды песок. Та все кашляла и отплевывалась. Наконец ей удалось высвободить торс и передние ноги. Помедлив, чтобы собраться с силами, титанида с любопытством посмотрела на женщин.

— Привет, — пропела Волынка. — Вы кто?

Габи встала с колен и протянула руку старой знакомице.

— Ты правда нас не помнишь? — пропела она.

— Что-то припоминаю. Нет, мне точно кажется, что я когда-то вас знала. Вы меня случайно вином не поили?

— Было дело, — пропела Габи. — А ты мне потом той же монетой отплатила.

— Давай, Волынка, выбирайся, — пропела Сирокко. — Неплохо бы тебе искупаться.

— Я и тебя помню. Но как это вы так долго стоите и даже ни разу не шлепнетесь?

Сирокко рассмеялась.

— Знаешь, детка, сама диву даюсь.

John Varley. "Titan" (1979)
Перевод с английского М. Кондратьева
Джон Варли "Титан", СПб. "Азбука", "Терра", 1997
Иллюстрации Freff